

СТОЛИЩА

№3 (165) 1994г.

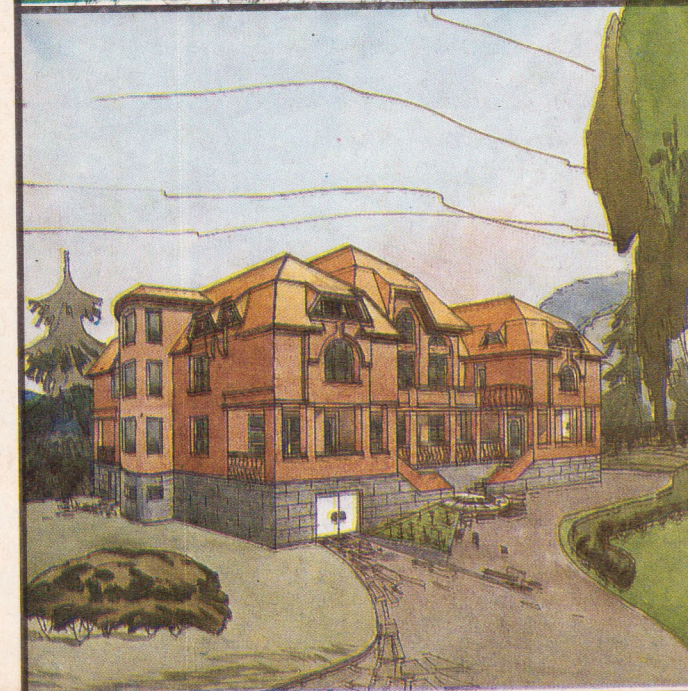
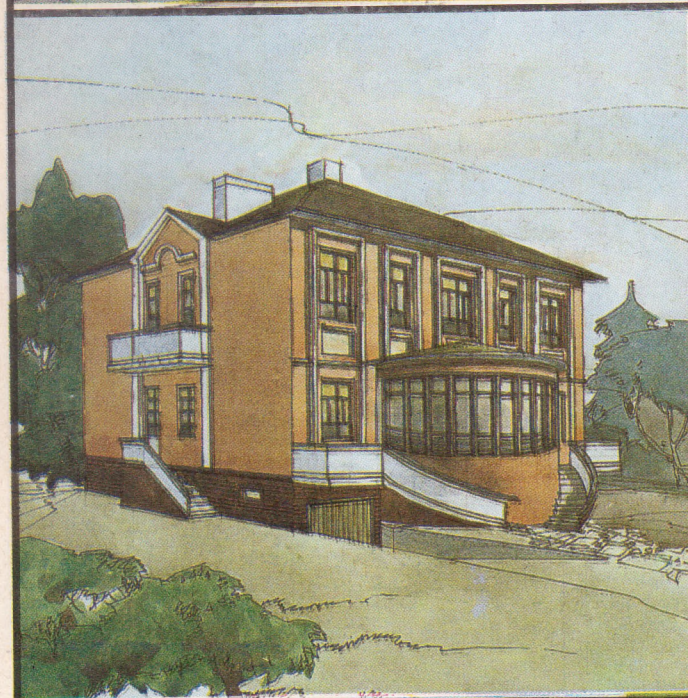
**Грандиозный
московский
эксперимент
закончился
классической взяткой**
страница 31

Эм 76898

иллюстрированный еженедельник

ЗАГОРОДНЫЕ ВИЛЛЫ —

«ПОД КЛЮЧ»

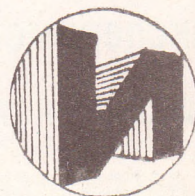

Объединение «Интекс» — одна из ведущих фирм, занимающихся строительством загородных домов. Дома, построенные «Интексом», соответствуют мировому уровню комфортности. Фирма располагает собственной строительной базой и современной строительной техникой. Квалификация персонала позволяет строить с европейским качеством.

Фирма ведет строительство в наиболее известных и престижных районах ближнего Подмосковья: Жуковка, Барвиха, Раздоры, Николина Гора, Уборы и оказывает содействие в приобретении земельных участков под строительство.

Заказчику есть из чего выбирать: в каталоге фирмы — более 30 проектов. Возможна разработка и индивидуального проекта. «Интекс» строит «под ключ», при желании внутренняя отделка может быть полностью импортной. Объединение строило загородные дома для многих известных людей России. Недвижимость — лучшее вложение капитала!

Тел: (095) 180-40-31

ФРОНТОЗАВРЫ

Юнна МОРИЦ

С людведем на снегу барахтаюсь...

В.Хлебников. Синие оковы

И мучоба

Входит в звучбу...

В.Хлебников. Снежимочка

Гром гремит, земля трясется: в Большом театре политических спектаклей России с блеском исполнена партия либерального сокола из оперы «Все — на выборы!». Этот «народный артист» в образе отца всероссийского и универмага (универсального мага) взял на себя в грядущем всю ответственность за народ, в том числе за кровь и за жертвы... и благодаря — не в последнюю очередь! — интонациям задушевного командира добился вполне заслуженного успеха у примерно 13 процентов российского населения. По этому поводу вся отечественная и мировая пресса, а также телерадио стоят на ушах, раскручивая эту потрясающую сенсацию на радость либеральному соколу, который теперь триумфально шествует по страницам и экранам планеты.

В ответ на это громобойно грянул краснознаменный хор демокрутов: «Даешь антифашистский фронт!» Кипяток антифашизма хлещет по митинговым мозгам и гонит на передовую фронтовиков, фронтовых подруг — фронтозавров. Дело пахнет керосином. Уже поступают вести с антифашистских фронтов. Образуется комсостав, можно будет расти в чинах. Например, главнокомандующий, или начальник генштаба, или генералиссимус 1-го, 2-го, 3-го Северо-Западного, Юго-Восточного (и так далее) антифашистских фронтов. Дважды Герой антифашистского фронта. Завод закрыт — все ушли на антифашистский фронт. В лесу под дубом вековым раскинется антифашистский госпиталь.

Дом антифашистской прессы, Дворец ветеранов антифашизма, гала-

концерты по теле с показом дважды героев за антифашистской закуской и выпивкой. Центральная поликлиника для инвалидов антифашизма. Особо талантливым антифашистам за особые заслуги в области литературы, науки, искусства и дачного строительства ежегодно будут присуждать пожизненные премии.

«Прямолинейные, будьте осторожны на поворотах!» — предупреждал остроумец. Несомненно, тютелька в тютельку, абсолютно все то же самое будет на фашистских фронтах. Россия станет страной фронтозавров. Но зато уж все, кто недобрал в свое время элитарного барахла и славы на распродажах застоя, получат свою контрибуцию и сатисфакцию в этой братской могиле.

С одной стороны, Леонид Кесельман в газете «Сегодня» пишет, что об этих выборах нехороших, «о них, действительно, надо забыть. Надо жить дальше». Очень свежая мысль!

Но, с другой стороны, как же все-таки жить дальше, если без 3 процентов половина жителей России вообще не явилась на выборы и послала их на фиг. В научной литературе такое массовое уклонение от выборов называется абсентеизмом. И товарищ Сталин, прекрасно владевший командно-отеческой интонацией, отнюдь не зря ненавидел люто и в своих великих трудах разоблачал этот самый абсентеизм. На последних выборах демокруты, стоящие у руля и лгущие самим себе, будто им обеспечена полная победа после разгрома парламента, получили как раз возможность измерить молчаливую силу абсентеизма, которая будет лишь возрастать. И вот уж о чем действительно никак нельзя забывать, если хочется жить дальше, так о том, что в России ограблены, обмануты и унижены миллионы порядочных людей, отнюдь не фашистов, которые не хуже демгорлопанов и прохиндеев политэлиты знают, что ГУЛАГ, Бабий Яр и Афганистан — это не есть хорошо.

Пошла предвыборная кампания сопровождалась трескучим враньем на тему: «Смотрите, как много теперь всего у нас на прилавках, вам осталось только работать и все это покупать!». Но как раз большинство из тех, кто честно и с пользой работает, ничего не может купить. Врач, доктор наук в переполненной детской больнице получает всего 60 тысяч рублей в месяц. А газеты пишут, что среднемесячный заработок в России — 105 тысяч в месяц. Однако в общей сумме едва дотягивают до этих 105 тысяч две пенсии двух инженеров, сорок лет строивших госимущество, плюс университетская стипендия их дочери. Так что средний заработок в России исчислен из миллиардов, которые получает — кто? и за чей счет?.. А людям, всю жизнь простоявшим в очереди на жилье и брошенным безо всякой надежды, честно глядя в глаза, невозможно ответить: откуда взялось та-

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Г.Крошин:

С чем идут избранники в Думу? Печальный опыт показывает: кто с чем.

6

А.Суржанский:

Похоже, на этот раз Запад сумел быстрее нас самих разобраться в истинных причинах поражения демократов и, напротив — успеха националистов и коммунистов. Дело прежде всего в недовольстве населения жесткой экономической политикой.

8

А.Медведенко:

История Пабло Эскобара наглядно показывает, как небольшая группа уголовников, начав с мелкого преступления, превратилась в могучую силу, которой показали тесными рамки преступного бизнеса... И она замахнулась на власть.

10

2 ЭКОНОМИКА

М.Коган, адвокат:

На мой взгляд, в 88-й статье Уголовного кодекса наиболее ярко проявляется анахронизм или даже правовой беспредел нашего государства по отношению к имущественным правам личности.

18

О.Богомолов, академик:

Основной недостаток нынешнего состава правительства в том, что оно просто-напросто не желает даже прислушаться к каким-либо критическим замечаниям в свой адрес... проявляет высокомерие и самоуверенность в своей непогрешимости, которые нам всем сегодня очень дорого обходятся.

20

3 ЖИЗНЬ

А.Гаврилкина:

Для обывденного сознания хоспис — это место типа больницы, где можно пристойно и без страданий умереть. Только люди хосписа знают, что это — идея или философия.

26

К.Климова:

«Бавас» брали той же ночью, через пару часов после того, как был «захвачен с личным» супрефект Смышников.

31

Л.Никитинский:

Кто-то заикнулся о выборах главного редактора, но и эту попытку демократии Зоя Петровна пресекла: «Меня назначили в издательстве «Правда», какие еще выборы?»

35

4 КУЛЬТУРА

Татьяна Догилева:

«Звезда» — это когда у тебя много денег, дача, машина, бриллианты, шубы и домработница. У меня ничего этого нет. В принципе, я — женщина из толпы.

48

С.Лаврентьев:

Можно сколько угодно говорить о Великой Российской Духовности и Ужасающем Западном Прагматизме, но положение дел не изменится. Авторское кино мертво...

52

В.Маркова:

Почитателей очень много — но это не мои поклонники, а просто любители классической японской литературы, переведенной мной.

55

Л.Петрушевская:

«Дикие животные сказки».

54

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 22

Телефоны: 928-23-49, 921-67-45

Телефакс: 921-29-85

Телекс: 413739 autp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г.

Зарегистрировано Министерством печати и информации Российской Федерации 25 октября 1993 г. (№ 0110344).

Учредитель: редакция журнала «Столица». Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефонам:

923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:

928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Петр Смирнов, Владислав Старчевский,

Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни:

Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации:

Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 14.01.1994 г.
Тираж 92 000
Цена договорная

Над номером работали:
В.Цыбульский, С.Панов, И.Мельникова

© «Столица», 1994

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д.7. Зак. 0098

кое невероятное изобилие свободных квартир у торговцев недвижимостью? И что это за такая приватизация «с равными для всех возможностями», когда у одних — два метра, а у других — два этажа?... Коммунисты их обманули, поматросили и бросили, реформаторы их ограбили. Кто остался? Конечно, один либеральный сокол, чье вранье на деле пока не доказано и, главное, — вселяет большие надежды.

Теперь в половине первого ночи, когда изнуренный трудами сонный народ встает по малой нужде, на телеканале Дибров и его интеллектуал-спиритические гости решают волнующую проблему: уже уезжать или еще оставаться?..

Гуманизменные попытки митингующих фронтозавров свалить вину за свое моральное поражение и за моральную победу либерсокола на якобы широко популярный в России фашизм — просто смешны и одновременно чреватые, на мой взгляд, чудовищными последствиями. «Не стоит вызывать его! Не стоит вызывать его!» — речитатив Мефистофеля, специально для фронтозавров.

Есть рассказ у Булгакова, называется «Праздник с сифилисом». Там на 8 Марта приезжает в избу-читальню санитарный фельдшер с праздничной лекцией и докладывает работницам, с перепоя икая: «Прежде, чем говорить о Международном дне, скажем несколько слов о венерических болезнях! Знаете ли вы, что такое сифилис? Вы тут сидите и думаете, что, может быть, вы застрахованы? (Тут фельдшер злоежасе засмеялся.) Шиш с маслом! Вот тут какая-нибудь девушка ходит в красной повязке, радуется. Восьмые, там, марты всякие и тому подобное, а потом женится и, глядишь, станет умываться в один прекрасный день... сморкнется — и хлоп! Нос в умывальнике, а вместо носа, простите за выражение, дыра! — Похабник! — сказал тонкий голос в задних рядах».

Ну, такие же точно похабники — те, кто сейчас литературно вопят «Дашь антифашистский фронт!», давая на мозги и внушая, будто фашистский фронт неизбежен, как тот сифилис с отвалом носа в умывальник. Не говоря уж о том, что нищета и политическая трескучка, потоки вранья и очевидность того, что за счет реформ стали миллиардерами 0,07 процента населения, ничего не производя, кроме спекуляций, а средний класс ограблен и уничтожен, золотые мозги и руки бегут из страны, уступая место неквалифицированной рабочей силе, безграмотным батракам, — вся эта свобойда бродить сорок лет в пусдыне, покуда не перемерут старые и родятся новые поколения, отвращает

нормальных людей от любой политической, равно фашистской и антифашистской литературы, энтузиазии на манер комиссарских брежков.

Никакой антифашистский фронт не прекратит ни разруху, ни бандитизм, ни коррупцию, ни инфляцию, ни чувство униженности великого народа. Он только раскормит и без того жирные амбиции политических генералов, которые были почему-то уверены, что народ — это безмозглое быдло, которое помчится с ранья их выбирать, — а с какой стати?..

Все мы прекрасно знаем, что от прежнего режима нам достались фашистские фюреры и фашистские боевики. Но они вступают в игру и действуют в деле, только когда это выгодно и до зарезу нужно борцам за власть. Власти с большим удовольствием свалили фашистскую проблему со своих плечиков хрупеньких на могучие рамена фронтозавров. Когда речь идет о фашистах, законная наша власть ничего исполнять не хочет — ей зачем эта головная боль? Она потирает свои элитарные ручки и ждет, чем заваруха кончится. (Ну максимум — «в лице отдельных исполнителей массовых беспорядков будут осуждены...») А прямолинейные антифашисты гоняются за фашистами, делают их знаменитостями, режут им правду-матку, совершенно упустив из виду, что сами лезут под топор закона: ведь покуда суд не признал фашиста фашистом, он имеет полное право вчинить иск за клевету.

Антифашистский фронт — самая настоящая, примитивная западня, которую власть подсунула общественности вместо того, чтоб заставить закон работать. Не общественности, контушенная самопальной политизацией, а законные власти должны заниматься в законном порядке проблемой рвущегося к победам фашизма. Это — их работа, за которую все мы платим налоги, огромные деньги. И, сваливая на граждан жизнеопасную деятельность по ловле отдельных фашистов, не надо морочить нам голову, а надо честно сказать, что все мы платим налоги на содержание правоохранительных органов и силовых структур, которым фашисты — до фени, а нашей жизни цена — копейка. И покуда у фронтозавров «борьба с борьбом бороться», фашизм тренирует на дачах свои боевые отряды, справедливо полагаясь на крайнюю занятость правосудия. Кстати, нет у меня ни малейшего сомнения в том, что антифашистские шумовые эффекты вокруг процесса над Осташвили очень здорово помогли остаться в безвестности и уйти от суда тем, кто дал Осташвили команду

идти на погром, а потом его же спроводил на тот свет, чтоб не сболтнул лишнего.

«Живем мы весело сегодня, а завтра будет веселее!» — кто-то пел в телеящике в ночь после выборов. Вероятно, в ближайшее время перегруженные, перетруженные органы власти свалят на фронтозавров не только антифашистский фронт, но и антисексманьячный, антиквартировзломный, антиавтоугонный, анти-из окон-бросальный, анти-в подъездах-насильный, антираздевалочно-убивальный, антигородно-громильный, антибанно-бордельный etc... Фронтозавры будут лезть на трибуну и разоблачать в матюгальник организованную преступность, а мы все — плясать от радости, что нас еще не убили, — ведь это так замечательно, когда ты всем благодарен за то, что все еще жив!.. И все мы опять будем счастливы, что наши фашисты всемирно известны и ездят свободно в страны, перед нами гордящиеся многими прелестями прогресса, где фашистов наших встречают бурной овацией еще более уважаемые фашисты, но зато у нас такое могучее гражданское общество, что мы охраняем друг друга без посторонней помощи, а власти крепят и множат свою охрану за счет жизнерадостных избирателей. И фашистами руководит кагебённый народ, а не русский или какой-то другой из живущих в России.

...Лично я не против борделей с трудовыми их коллективами. Но хочется знать: за каким фронтом числится тот бордель, где, двери задрав от благородной публики, будут круто судить замечательного ученого В.Мирзаянова за разглашение «большого секрета для маленькой компании», что все мы живем в зоне, смертельно отравленной и ежесекундно отравляемой ХО — химоружием; а либеральный сокол, согласно Конституции, через парочку лет может стать законным путем и шутки ради президентом России и Председателем Нацчернухи Земного Шара. Ведь на этом фронте, в отличие от подсудимого «секретносителя» В.Мирзаянова, либерсокол стал почти «гражданином мира» и летает по всей планете как русский буреветник.

А может быть, нас действительно выбрали идиотами года?!

«Ужасный край чудес» — как написал Пушкин Александр Сергеевич.

Реорганизация Министерства безопасности, о которой так много говорили, завершена. Или близится к финалу. «Лефортово» теперь принадлежит МВД, следственное управление передало Генеральной прокуратуре, кое-что взяла себе президентская охрана. Ну и, конечно, самостоятельными от всех иных силовых структур стали погранвойска. И это все? Неужели на истории ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ-МБ можно поставить точку?

Корреспондент «Столицы» решил проконсультироваться на сей счет у профессионалов — бывших сотрудников КГБ. Вот что сказал полковник Петр ГРОЗА, бывший начальник института КГБ (интервью с ним опубликовано в № 34 за 1993 год):

— Пока все это напоминает не столько реальную реформу, сколько ее имитацию — много раз шумели о «кардинальных изменениях», но все проходило по одному сценарию. Скажем, объявлено, что количество сотрудников Федеральной службы контрразведки уменьшилось на 46 процентов по сравнению со штатами МБ. Но, судя по всему, никакого реального сокращения не будет — просто под видом сокращений могут вклинить в отчетную графу сотрудников,

Вместо КГБ, или Жизнь после «смерти»

переданных другим ведомствам. Сюда же — незаполненные вакансии — и порядок! Насколько мне известно, на все реальные сокращения пока наложен жесткий мораторий — подавшим рапорта на увольнение моим знакомым отказано в праве уволиться. Одновременно под видом реорганизации из ФСК вымываются последние оставшиеся там нормальные люди.

Кроме того, не фарс ли — проводить реорганизацию «конторы» руками скомпрометировавших себя руководителей и сотрудников этой спецслужбы?! Выходит, что сотрудники КГБ реформируют и «сокращают» сами себя! Неужели не ясно, что реальную реформу дискредитированного себя ведомства должно проводить не оно само, а люди со стороны — из президентских структур, представители общест-венности. Конечно, при опоре на профессионалов и компетентных экспертов. Но только не сами чекисты. В противном случае это

все равно, что поручить написать устав леса медведю. В общем, пока нет никакой информации, подтверждающей реальную перестройку органов госбезопасности.

Другой эксперт «Столицы», отставной генерал КГБ Олег КАЛУГИН, считает:

— В целом, внешние изменения показывают, что подвижки идут в правильном направлении. По крайней мере, вместо министерства создана федеральная служба. Но основной недостаток — сохранены многие элементы старой структуры. Сохранен старый персонал — это хуже всего. Кто усомнится, что эти люди будут работать только так, как они работали десятилетиями?

А кто проводит переаттестацию кадрового состава ФСК и каковы критерии этой аттестации? Ведь чекисты представлены сами себе и продолжают вариться в собственном соку: сами себя аттестуют, сами себя реорганизуют, сами себя сокращают. Это абсурд!

Сокращения проводятся

только за счет незначительных изменений центрального аппарата и выведения из состава МБ-ФСК некоторых структур. Но сами эти подразделения, их кадровый состав, функции — все те же. Как и методы деятельности КГБ.

А известно ли посторонним, что огромное количество действующих чекистов отдали свои голоса на выборах за компартию Зюганова и за Жириновского?! Вот и думайте сами, можно ли с этим драконом бороться методом регулярного подстригания ногтей... Общество должно выработать подход к реформированию КГБ-ФСК, выработать критерии этой реорганизации. И уж, во всяком случае, не отдавать это дело на откуп самим чекистам.

Какой из сказанного можно сделать вывод? Слухи о смерти КГБ оказались, мягко говоря, преждевременными. Как и поминки. Не прошло и сорока дней с момента объявления о клинической смерти, а «покойник» уже румян, бодр, весел и хочет кушать. В общем, читайте сказку про то, как мыши kota хоронили...

Владимир ВОРОНОВ

Сергей ЮШЕНКОВ: Доллар правит бал. В «Останкино»

Бывший заместитель Михаила Полторанина по Федеральному информационному центру (ФИЦ) Сергей ЮШЕНКОВ ныне «просто» депутат Думы. Он считается специалистом в области управления средствами массовой информации (СМИ). Наш корреспондент решил выяснить его мнение по поводу изменений, происходящих в СМИ:

— Как бы вы прокомментировали ликвидацию ФИЦа и перемены в «Останкино»?

— Реорганизация средств массовой информации идет по пути монополизации. Центр влияния на средства массовой информации перемещается сегодня от президентской власти к правительству, глава правительства практически стал полновластным хозяином прессы. Такая тенденция чревата серьезными последствиями. И так уже первый вице-премьер заявил, что слишком много в России газет, достаточно, мол, всего десяти—пятнадцати.

Что касается ФИЦа, то

участь его фактически была преддана еще раньше, когда несколько раз съезд народных депутатов и Верховный Совет упразднили его и дважды это решение поддержал Конституционный суд. Мы и сами видели необходимость реорганизации. Поэтому в недрах Федерального информационного центра был подготовлен указ президента, предусматривавший разгосударствление средств массовой информации. К сожалению, президент подписал другой указ, по которому ФИЦ был упразднен и отдельные его функции переданы Управлению средств массовой информации, была создана сверхмонопольная служба «Эфир», а вместо Министерства печати и информации — Комитет по печати и книгоизданию. Выходит, ведущие электронные средства массовой информации остаются в монопольном владении даже не государства, а только правительства.

— А чем объясняется борьба вашего недавнего шефа, Полторанина, с НТВ, «негосударственным телевидением»?

Victor Chm.

— Никакой борьбы между Полтораниным и НТВ нет.

— Но ведь было сообще-ние, что он будто бы при-остановил указ президента о НТВ....

— Это из области домыс-лов. Полторанин против того, чтобы телевидение, радио и другие средства массовой информации, выходя из-под прессы государства, уходили под другой, пусть и негосударственный.

— Какова судьба «комиссаров» от «ДемРоссии»,

работавших в «Останкино»?

— Никаких комиссаров от «ДемРоссии» там не было, скорее уж наоборот, многие программы носили ярко выраженный антидемократический характер. Телевидение ориентируется больше на окружение Черномырдина, чем на реформистское крыло правительства. Хотя, скорее всего, в «Останкино» господствует его величество Доллар.

Алексей ПЯТКОВСКИЙ

РАЗДАВЛЕННЫЙ МАВЗОЛЕЕМ

21 января — 70 лет со дня смерти Ленина.

Кончилось искренне-гневное развенчание кремлевского мечтателя. Кончилось дешевое зубоскальство. Кончился интерес. Кончился Ленин. Будет несколько обязательных заметок (включая эту) — и тишина. Разгадан — и отброшен.

Время Ленина вышло. Имя «Ленин» стало рваной холодной оболочкой, волшебная энергия из нее вышла и рассеялась в пустом пространстве. Больше не интересно — кто он был, чего хотел, почему смог, на чем сломался и что было бы, если бы. «Дальше... дальше... дальше». А дальше — место в учебнике и забвение.

Но забвение для таких гигантов, как Ленин, всегда временно. Интерес к нему обязательно вернется, будет еще не одна и не две волны, и окончательно замрут эти волны лишь с концом той системы, в которой пульсирует имя Ленина, — вместе с концом России, с концом этого государства. Тогда он навечно встанет в ряд «просто имен»: Тутанхамон, Кир, Перикл, Карл Великий. Ну а попадет ли Ленин в число особых избранников, таких, как Цезарь или Александр, которые живы через тысячелетия после смерти их государств, — судить невозможно.

В истории России есть лишь одна фигура, сравнимая с Лениным, сравнимая во всем. Петербург — Ленинград; Медный всадник — Мавзолей. Эти два человека — два пика русской истории.

Оба вздыбили Россию. Оба они ненавидели эту страну и старались перевернуть ее, так и не имея

возможности от нее совсем оторваться. Оба хотели прорубить окна в Европу — и оба, ломая хребет России, из обломков творили Российскую империю. Оба беспощадных мечтателя отступили перед необозримой страной, которая, вскоре после их смерти, сохранив внешнюю форму преобразований, наполнила их незаметно своим содержанием.

Ленин, в отличие от Петра, уже при жизни ясно видел, как бумерангом разворачивается его революция.

Чего хотел Ленин?

Неограниченной власти — без запинки ответит сегодня любой. Конечно же это полуправда, а потому — чушь. Да, власти — но не над людьми, не над чиновниками своей канцелярии, даже не над народом. Он хотел власти над историей. Он считал, что эта власть у него теоретически уже есть, дана уравнениями социальной механики Маркса. «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (Маркс). Вот он и взялся за это дело.

Обычная история: циничнейший из циничных, он одновременно был наивнейшим из наивных. Отлично зная, как и почему лжет, он верил в свою ложь больше, чем последний обманутый им матрос. Только эта вера и давала такие огромные возможности для лжи, такую привораживающую силу обмана. Эта вера ему и руки развешивала. Он убивал, отдавал приказы о расстрелах не от жесткости, а от торопливости и безразличия к тем мышкам, которых препарировал. Почти все в политике заключается в решении

одних и тех же задач: как бы убрать человека с его места. Если человека пытаются убрать мирно, на это уходит масса времени и сил. Ленин не видел в том никакого смысла: он просто «убирал», убирал буквально. «Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы». У великого преобразователя России проблем и так хватало, он не собирался увеличивать их число, он быстро-быстро сокращал количество проблем, стремительно двигаясь к цели. Примерно по тем же причинам убивал людей и Петр.

Последние статьи Ленина, как известно, полны отчаяния. Драка учеников? Сталин? Болезнь? Все это его доканывало, но было и более общее. Он видел, понимал, чувствовал, как огромная масса России сама, даже ничего для этого специально и не делая, исказила траекторию выпущенной им революционной пули. Как обвалится его экономическая политика, он еще не знал. Но другое он видел: возрождение старой русской бюрократической машины, на сей раз в лице ее разрушителей-большевиков. Оказалось, что он не смог вырвать из колеи русской истории, оказалось, что он, именно он стал создателем новой Российской империи. Ослабевшая империя Романовых возродилась к новой жизни прямо по Гегелю — через свое отрицание, через свою смерть, свое разрушение. Возродилась как активная, агрессивная империя.

Энергетического импульса большевизма хватило лет на 30. За это время нация надорвалась, сожгла, пережгла себя, все поднимая непосильную ношу. Ношу, которую начал поднимать Ленин и рухнул под ней. Ноша эта — ноша новой религии, новой империи — воплотилась в Мавзолею (кстати,

может, это и к Мавзолею, а не только к памятнику Пушкину обращался Маяковский: «Заложил бы динамиту — ну-ка дрызнь! Ненавижу всяческую мертвечину, обожаю всяческую жизнь!»). Она воплотилась и в военных парадах — молебнах перед алтарем-Мавзолеем. Потом еще по инерции лет 30 с лишним ношу продолжали тащить, перед алтарем молиться — уже не веря. Затем от этой империи и от этой религии плавно отказались.

Но из колеи российской истории все равно не выпрыгнешь!

Европейская империя не вышла у Петра, европейская революция не вышла у Ленина, европейское гражданское общество тоже не получается! Опять громадная масса России, опять громадная историческая память России «разворачивают» на свой лад этот процесс. Опять вместо парламента — полуусеченная Дума, опять вместо партий — «пикейные жилеты» и маниловские мечтания, опять вместо общественного договора — взятка. Тихо-тихо, как будто сама собой, без приложения политической воли, республика переродилась в вечный российский авторитарный режим. Только это ни для кого не стало трагедией, потому что никто на этот раз не вложил столько иступления, ярости и веры в преобразование России, как Ленин.

Ленин... Слово ледышкой переламывается во рту, а прозрачный привкус остается. Ленин стал тем тонким куском льда, от которого десятки лет болели зубы у всей России. Россия все равно перемолола Ленина, но именно после этого он навсегда вошел в ее плоть и кровь.

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

Григорий КРОШИН

НО ПАСАРАН,

РЕБЯТА

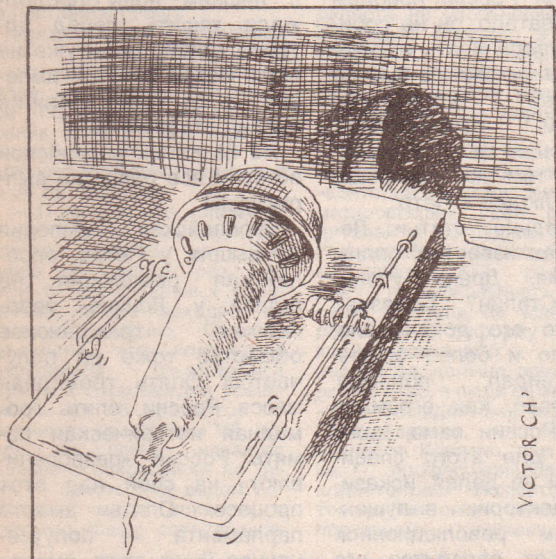

Рис. В. Чумачева

Victor CH.

С чем идут избранные в Думу? Печальный опыт показывает: кто с чем. Кто — со святой идеей свержения ненавистного правительства. Кто — с не менее святой идеей борьбы с фашизмом. Кто — с долгожданной мечтой укрыться за стенами парламента от правосудия. Кто — вкусь от халявного госкорыта... А кто-то — есть еще чудачки — воспринял демократические лозунги один к одному, идет в Думу с желанием что-то сделать полезное для страны.

О своих истинных, потаенных целях новоиспеченные члены Государственной Думы, заранее нареченные профессиональными парламентариями, ясное дело, так запросто не расколются... Политики!.. Поэтому будем относиться к их громким публичным заявлениям с большой поправкой на печальный опыт. Но после, естественно, припомним все их красивые заявочки.

В МОСКВУ, В МОСКВУ!
РАБОТАТЬ, РАБОТАТЬ!..

В самом деле, кто ж осмелится возразить лидеру Демократической партии России Николаю ТРАВКИНУ, когда тот уверяет, что основная цель для фракции ДПР в Госдуме — это «акцент на проведении реформ через получение пусть маленьких, но плюсов. Не играть по всему экономическому полю, а делать сегодня те вещи, которые заведомо придется все равно делать и которые мы знаем, как делать. То есть наша задача — уйти от политики «скачков» или «больших замахов» к политике малых дел». И добавляет, что видит «корректировку экономических реформ совсем не на макроуровне — мол, заменить схему Гайдара на схему Явлинского или на схему Джеффри Сакса. А в том, что эти реформы нужно уже наконец начать делать».

Делать дело — это святое дело. Что ж против этого возражишь! С этим тезисом своего заклятого друга даже «жириновцы» согласны. Нет-нет, пока еще не самолично Владимир Вольфович, который, как мы все помним, перед выборами щедро обещал, что как раз делать что-либо, работать вовсе и не потребуется для достиже-

ния полного счастья в обнимку с ЛДПР, — он, лидер, если придет к власти, даст, мол, всё всем желающим прямо с понедельника, задарма!

А о том, что, наоборот, работать надо, заговорил замлидера ЛДПР, некогда сотрудник КГБ, а теперь тоже депутат, Александр ВЕНГЕРОВСКИЙ:

— Мы идем в Думу с глубоко продуманными предложениями прежде всего экономического характера. Как только люди поймут, что у правительства есть долгосрочная программа, ориентированная на интересы производителя, никто не будет заниматься всякой ерундой с перепродажей... Только так! И у нас, у ЛДПР, есть проекты законов, которые позволят стране в самое ближайшее время начать наконец работать.

...«Работать», «делать дело», «сотрудничать конструктивно» — с такими словами шествуют стройными рядами в парламент и коммунисты России во главе со своим испытанным лидером Геннадием ЗЮГАНОВЫМ:

— Наши первые шаги в парламенте? Первое: формирование коалиции, способной предложить конструктивную программу выхода страны из кризиса. Второе: формирование правительства национального доверия. Такого, которое будет в состоянии эту программу реализовать. Причем этому правительству мы готовы дать достаточно широкие полномочия, однако оставить его под контролем не только президента (который при удобном случае снимает неугодного министра, отправив его в очередную зарубежную «ссылку» на валютные хлеба), но и под контролем представительной власти, то есть парламента, который имеет на то полномочия от населения. Третье — это чрезвычайные меры по борьбе против бандитизма и коррупции.

...Ну и уж тем более знает, зачем идет в Думу, блок «Яблоко». У лидера блока — Григория ЯВЛИНСКОГО, — естественно, есть подробнейшая программа экономических реформ:

— А что касается наших предполагаемых действий с начала работы парламента, то могу сказать главное: речь должна идти не столько о том, что Гайдар делает не так, сколько о том, что еще нужно делать *сверх* того, что делает Гайдар...

...Но, несмотря на принципиальное согласие с гайдаровской политикой, «Яблоко» твердо намерено быть в парламенте хоть и демократической, но все же оппозицией правительству и президенту. Почему? Григорий Явлинский объясняет:

— Я могу легко доказать кому угодно, что любой президент, имеющий демократическую оппозицию, очень устойчив. А любой, не имеющий такой

оппозиции, наоборот, крайне неустойчив. Поэтому наличие демократической оппозиции — в интересах президента. И даже не то важно, за какие конкретно изменения в курсе она будет бороться, а какими методами и средствами!

...В БОРЬБЕ ЗА ЭТО

Что же мешает ребятам Явлинского жить спокойно? Оказывается, принятая Конституция:

— Такую Конституцию принимать было нельзя. Нас не устраивала, во-первых, процедура ее принятия. Во-вторых, что ее практически нельзя изменить... В-третьих, что она придает исключительные полномочия одному лицу... Все это чрезвычайно тревожно в нынешней политической ситуации. В соответствии с нашей программой мы считали, что необходима передача проекта Конституции на рассмотрение парламента, внесение изменений, но... Власть всеми доступными ей способами настояла-таки на своем. Вплоть до того, что нам, противникам принятия Конституции, грозили тем, что вообще отстранят от выборов...

В связи с возникшей ситуацией у нас имеются два опасения. Первое вызвано тем, как поведет себя сам президент Ельцин, получив такую неограниченную власть благодаря новому Основному закону. Это ведь вопрос, не имеющий пока ответа: должно пройти какое-то время. И второе: а что произойдет в том случае, если, скажем, на место нынешнего президента придет другой?.. Мы ведь прекрасно помним, кто первым и весьма безапелляционно поддержал именно этот проект Конституции — лидер ЛДПР господин Жириновский...

...Конституция, кстати, не устраивает и коммунистов, которые, по свидетельству Геннадия Зюганова, настроены всячески бороться против нее и за советскую власть:

— Власть в России всегда была коллективистско-общинно-советской. Другую форму пока никто не придумал. Ельцин же пытается реализовать идею концентрации исполнительной власти в одних руках, для чего и сделал все, чтобы протаскать эту Конституцию... И несмотря на то, что новая Конституция считается принятой, избирателями девяти республик она не одобрена. В этой связи мне интересно знать, как же Ельцин собирается управлять страной на основе Конституции, которая не поддержана таким количеством национально-государственных образований?!. Поэтому вопрос о коллективной советской власти остается на повестке дня.

ЧЕСТНОЕ ЖИРИНОВСКОЕ!..

Небывалый взлет ЛДПР Жириновского никого, естественно, не оставил равнодушным. Ну, «Выбор России», как все помнят,отреагировал мгновенно и вполне однозначно: «Сотрудничать с ЛДПР не будем!» Ура...

И не один «Выбор России». Травкин со своей командой тоже, кажется, не рвется в объятия либералов:

— Я считаю Демпартию России центристской. Мы в свое время организовывали центристский «Гражданский союз», потом — другие блоки. Все это были попытки создания «центра». И приход в Думу партии Жириновского в значительной степени можно объяснить тем обстоятельством, что все соперники в предвыборной борьбе в основном бросили свои силы на борьбу с «центром»: Травкину со своей ДПР получить время на телевидении — даже за деньги! — было совершенно невозможно, а вот Жириновскому — всегда пожалуйста... Еще пример: вполне демократическая газета «АиФ» с удовольствием печатала Жириновского, а с ДПР за публикацию интервью она потребовала 10 миллионов рублей или 6 — наличными...

...А Зюганов... На вопрос одного из моих коллег, не считает ли он Жириновского лидером фашистской партии, лидер партии коммунистической ответил вполне витиевато в том смысле, что, дескать, «русскому человеку несвойственно проявление национальной неприязни»... А журналист, знай себе, настырничает:

— Вы имеете в виду, что партия Жириновского не фашистская или что Жириновский не русский?

— Для меня, например, понятие «русский» не только этническое и даже не этнополитическое, а скорее духовное... Если посмотреть на нас с точки зрения тысячелетней истории, у каждого в крови, наверное, можно найти любые примеси. А вот что касается духовного состояния, приоритетов по отношению ко многим ценностям человечества, то в России они давно уже сформировались: коллективизм для нас совершенно естественное состояние. Уважение к власти — тоже. Наш человек персонафицирует власть в лице конкретного ее носителя. А что касается фашизма, он столько бед принес нашей земле! А о конкретных лидерах я давно дал себе обет судить по их поступкам, а не по словам...

— То есть вы пока не считаете, что он фашист?

— Ха-ха-ха-ха... Так, следующий вопрос, пожалуйста...

...Но, конечно, достойную отповедь

«политическим кликушам» дают сами соколы-жириновцы. Замлидера ЛДПР Венгеровский бросается в атаку:

— На знаменитой ночной телепередаче все видели, как мы, ЛДПР, праздновали свой четырехлетний юбилей, танцевали в том числе и с женщинами из «Выбора России». Но об этом факте почему-то никто сейчас не говорит... Для нас победа на выборах — не случайность, а закономерный результат: наш штаб работал над предвыборной кампанией днями и ночами. Наша социальная база — это все слои общества. Ударной частью базы ЛДПР является научно-техническая элита страны, которая не участвовала в разрушении Союза. Она прекрасно знает, что нужно стране.

Мы не собираемся сбиваться ни в какие блоки и стаи: в такие блоки и стаи сбиваются лишь слабаки, хищники и те, кто, как птицы, улетают на юг... Мы — политическая сила. По одному вопросу мы будем блокироваться с одними, по другим — с другими. Но в упомянутую ночь в бывшем Дворце съездов первыми, к кому мы подошли и пожали руки, были коммунисты: они так же, как и мы, вели честную борьбу. А в Думе мы хотим стать центристами. Все это мифотворчество о фашизме кончится, и вы поймете, что ЛДПР — это центристская партия с правым уклоном. Почему с правым? Если взять человеческий мозг, мы увидим, что он состоит из двух половин: левой и правой. Так вот, правая половина никогда не врет...

О нашей тактике на выборах. Перестаньте блажить! Никаким гипнозом, никакой нечистой силой мы не владеем! Сейчас бедного Кашпировского, который ни разу не появился на людях во время нашей кампании и который вообще даже лично не знает Владимира Вольфовича, в Америке буквально затравили...

..Знаете, когда у нас в стране наступит фашизм? Когда сегодняшние экономические реформы приведут к тому, что большая часть наших лавочников (тех, которые сидят в ларьках) обанкротится, они полностью повторят историю Германии. Настоящие труженики — либо с коммунистами, либо с ЛДПР, либо с социалистами. Так вот это будет страшный фашизм в стране, которая имеет ядерное оружие. Либерально-демократическая партия — официально вам заявляю — не допустит создания в России такой ситуации. Никогда фашизм в России не пройдет!

...Но пасаран, ребята. Опять же ура. Просьба всех успокоиться и не возникать покуда. Фашизм не пройдет. Вот те крест. Либералом буду! Ну... честное жириновское!

Андрей СУРЖАНСКИЙ

ДЕЛО НЕ В ГИПНОЗЕ КАШПИРОВСКОГО, А В ДЕНЬГАХ

Мы в очередной раз заставили мир оторваться от своих проблем и обратить на нас пристальное внимание. Счет количеств референдумов и всенародных голосований начинает идти на десятки, и наши соседи за рубежом рискуют потерять голову от калейдоскопа событий в «неугомонной России». Привыкший к неожиданностям, которые мы преподносим, цивилизованный Запад на этот раз испытывает состояние, близкое к шоку. Во всем полагававшиеся на заверения наших официальных лиц о

том, что реформы необратимы, западные державы, по всей видимости, просчитались в собственных оценках происходящих в России событий. До 12 декабря, когда состоялись выборы в Государственную Думу и голосование по проекту Конституции, уверенность в твердом курсе на рыночные реформы не вызывала никаких сомнений. Средства же массовой информации продолжают «прокручивать» самые различные реакции мирового сообщества, где звучат уже менее радужные нотки. Общий тон — выдер-

жанность в оценках и традиционные слова поддержки демократии и реформ в России. Хотя Запад не скрывает своего удовлетворения тем, что в ходе голосования «победила» предложенная Ельциным Конституция, однако нельзя не заметить крайней обеспокоенности в связи с неожиданным для всех успехом на выборах ультралиберальной Либерально-демократической партии.

Безусловно, наибольший интерес вызывает реакция Соединенных Штатов, которые до последнего времени активнее других вы-

ступали в поддержку реформ в России и на значительную помощь которых рассчитывало наше правительство. Так, госдепартамент США выступил с заявлением, в котором подчеркивается, что итоги выборов в России не повлияли на поддержку Соединенными Штатами политических и экономических реформ. Однако, как замечают сторонние наблюдатели, администрация Белого дома отказалась от оптимистических оценок и начала изучать осложняющие факторы, которые могут воздействовать на американскую политику в отношении Москвы. Сам же президент Билл Клинтон расценил результаты выборов как «голосование протеста» россиян. Косвенно американское руководство признает то состояние неудовлетворенности, которое испытывает большая часть жителей России в отношении болезненных реформ правительства Гайдара—Черномырдина.

Впервые Запад также

ВЫБОР РОССИИ

признал, что определенную роль в появлении такого недовольства сыграла его нерешительность в оказании финансовой помощи России. Билл Клинтон высказал предположение, что на итоги голосования в новый российский парламент могли оказать какое-то влияние чрезмерные требования Запада и международных финансовых институтов, настаивающих на том, чтобы в России проводились быстрые экономические преобразования. Выдвигая слишком уж жесткие требования и вынуждая граждан стран, переживающих политические и экономические преобразования, преодолевать навалившиеся на них трудности слишком высокими темпами, Запад, возможно, создает условия, покончить с которыми мы как раз так сильно и стремимся, заявил он.

Тем не менее вряд ли кто мог ожидать столь решительного выступления, на выборах ЛДПР во главе с Владимиром Жириновским. Прилетевший сразу же после выборов в Москву с официальным визитом вице-президент США Альберт Гор, по идее, должен был в первую очередь всесторонне изучить сложившуюся ситуацию. Однако, согласно официальным данным, на встрече с Борисом Ельциным эта проблема не поднималась. Обсуждалось положение на Украине, и в частности начинающий уже раздражать США «ядерный вопрос». Можно лишь предположить, что столь важная тема все же не была обойдена и стороны воздержались от комментариев для того, чтобы согласовать свои действия. Не секрет, что главным своим политическим союзником в России вашингтонская администрация рассматривает демократическое крыло в правительстве, а стало быть, и стоящий за ним блок «Выбор России».

Белый дом, по всей вероятности, пока еще не знает, какую позицию ему следует занять в отношении нового

состава российского парламента и, в частности, как себя вести с лидером партии, рассчитывающей занять большинство мест в его нижней палате. Дезориентация была заметна во время того же визита американского вице-президента, когда возникла дилемма: приглашать ли на прием в Спассо-хаус — резиденцию посла США — Владимира Жириновского. Однако, как сообщили официальные лица, посол Пикеринг отговорил Альберта Гора от этой затеи.

Надо полагать, что дальнейшие шаги Белого дома и других наших партнеров будут зависеть от того, насколько успешным окажется взаимодействие между новой законодательной и исполнительной властью. С этим будет увязано и предоставление финансовой помощи России. Фактор политической нестабильности, которая могла бы наступить с приходом правых, моментально проецируется и на экологическую сферу. Так, например, через несколько дней после выборов в России во время торгов на нью-йоркской фондовой бирже курсы германской марки и швейцарского франка особенно резко упали по отношению к доллару. Когда на бирже распространились сведения о взглядах правой оппозиции, отмечает авторитетная газета деловых кругов «Уолл-стрит джорнэл», «у многих «игроков» пропал аппетит инвестировать свои капиталы в Германию и Швейцарию, так как эти западноевропейские страны расположены неподалеку от российских границ».

Свою обеспокоенность результатами выборов не замедлили выразить и сами европейские государства. Некоторые политики поговаривают о том, что с приходом к власти националистов в России может разыграться югославский сценарий, но уже в гораздо больших масштабах. Кроме того, часть правых сил будет отчаянно бороться за приостановку экономических

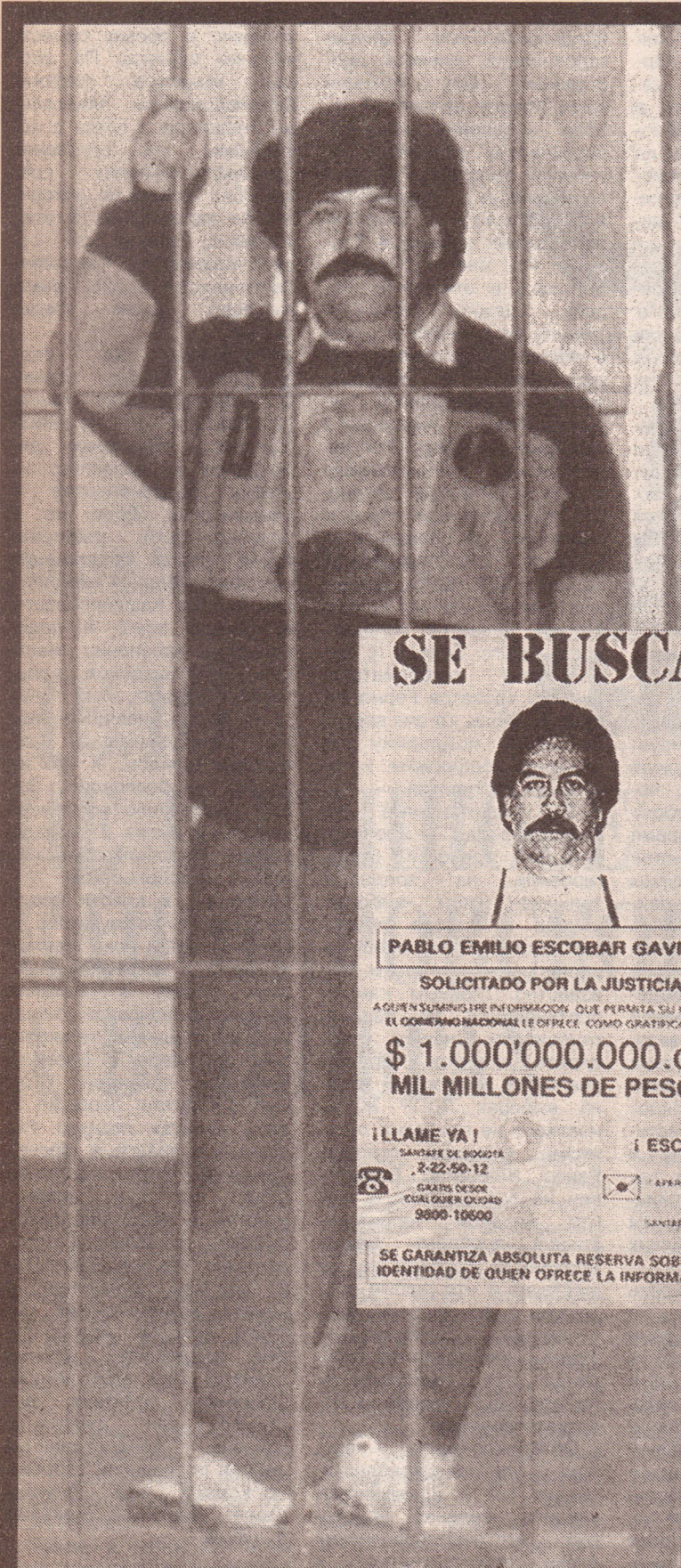
реформ. Комментируя предварительные данные голосования, министр иностранных дел Франции Ален Жюппе заявил об угрозе появления националистических элементов во внешней политике России и возможности пересмотра экономических реформ, проводимых командой Ельцина. По мнению Жюппе, политика в отношении России должна учитывать тревогу ее соседей в связи с ростом популярности националистов и одновременно содействовать существенному увеличению западной помощи России, поскольку переживаемые ею экономические трудности существенным образом сказались на результатах выборов. Его поддержал канцлер ФРГ Коль, заявив, что именно сейчас крайне важной является солидарность всего Запада с российскими реформаторами. Что касается Германии, заметил Коль, то она всегда оказывала поддержку российским реформам и от этого не отступится.

Наш влиятельный восточный сосед — Япония с большей тревогой отреагировала на предварительные итоги выборов, увидев в победе правых сил прямую угрозу своим национальным интересам. Как известно, главным камнем преткновения во взаимоотношениях наших государств является территориальный вопрос, а успех на выборах ЛДПР Жириновского не прибавил оптимизма японской стороне. Ранее Владимир Вольфович не раз заявлял о том, что никакой территориальной проблемы между Японией и Россией не существует и что любые претензии с ее стороны беспочвенны. Официальный Токио с негодованием воспринял эти высказывания лидера ЛДПР, назвав их безответственными.

Обеспокоенность успехом ультранационалистических сил и коммунистов усилила желание некоторых восточноевропейских стран присоединиться к НАТО, а нынешних ее чле-

нов — привести еще один аргумент в пользу существования альянса. По словам министра обороны Великобритании Малкольма Рифкинда, в связи с появлением на горизонте националистических правых сил возникла авторитарная перспектива. В этих условиях, заявил он, существование Североатлантического союза теперь выглядит более убедительно.

Похоже, на этот раз Запад сумел быстрее нас самих разобраться в истинных причинах поражения демократов и, напротив, — успеха националистов и коммунистов. Дело не в разобченности реформаторов, плохой организации или гипнозе Кашпировского, а прежде всего в недовольстве населения жесткой экономической политикой, которая, как считают массы, навязана тем же Международным валютным фондом. И это не может не беспокоить Запад. Достаточно вспомнить выборы в Литве и Польше, когда, воспользовавшись этим недовольством избирателей, к власти пришли бывшие коммунисты. А потому Запад уже сейчас пытается активизировать свои усилия в оказании России финансовой помощи. В недавнем телефонном разговоре с Борисом Ельциным президент США Билл Клинтон сообщил о двух пакетах помощи России. А в январе в Москву приезжает группа экспертов МВФ, которые примут участие в реформировании системы социального обеспечения России. Предстоит достичь соглашения по пакету экономических реформ, который может быть поддержать новыми займами. При этом многие западные политики выступают за смягчение условий предоставления займов российской стороне. Насколько эта помощь станет реальной, покажет будущее.

Анатолий МЕДВЕДЕНКО

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ?

SE BUSCA

PABLO EMILIO ESCOBAR GAVIRIA
SOLICITADO POR LA JUSTICIA

A QUIEN SUMINISRE INFORMACION QUE PERMITA SU CAPTURA
EL GOBIERNO NACIONAL LE OFRECE COMO GRATIFICACION

\$ 1.000'000.000.00
MIL MILLONES DE PESOS

¡ LLAME YA !
SANTAFE DE BOGOTA
2-22-50-12
GRATIS DESDE
CUALQUIER CELULAR
9800-10500

¡ ESCRIBA !
APERTADO BUREO
1500
SANTAFE DE BOGOTA

**SE GARANTIZA ABSOLUTA RESERVA SOBRE LA
IDENTIDAD DE QUIEN OFRECE LA INFORMACION**

2 декабря 1993 года в 14.00 в кабинете начальника полиции колумбийского города Медельина раздался телефонный звонок. Дежурный получил сообщение о том, что в одноэтажном доме, в 200 метрах от стадиона «Атанасио Жирардо», скрывается Пабло Эскобар со своими телохранителями. Мгновенно была объявлена тревога, и вскоре усиленное подразделение, специально созданное для его поимки, ворвалось в указанное здание. Спецназовцев встретили выстрелами, они ответили тем же. Перестрелка продолжалась около 20 минут. Двое из находившихся в помещении были убиты, несколько человек сдались, а один, воспользовавшись суматохой, успел выскочить из простреливаемой комнаты. По чердачной лестнице он пробрался на крышу в надежде скрыться от преследования. Но предусмотрительные спецназовцы устроили там засаду. Как только беглец появился на крыше, он тут же был изрешечен автоматной очередью. К убитому подбежали полицейские. Он был бос, одет в потертые джинсы и холщовую застиранную рубашу. Труп опознали — Пабло Эскобар, «преступник номер 1». Так завершилась самая, пожалуй, продолжительная в истории Колумбии легенда, связанная с человеком, который держал в страхе всю страну, человеком, по утверждению агентства ФФЭ, «более ловким и могущественным, чем все правительство страны; более богатым, чем Крез; более смелым, чем Рэмбо».

Пабло Эскобар в период своего добровольного заключения

Пабло Эмилио Эскобар Гавириа родился 1 декабря 1949 года в бедной семье, в Энвигадо, небольшом поселке, неподалеку от Медельина, второго по величине города Колумбии и административного центра провинции Антьокиа. С детства он познал нужду и голод, мальчишкой подрабатывал мытьем машин, а вскоре переквалифицировался в «халадор де каррос», то есть в угонщика автомобилей. В сентябре 1964 года он впервые столкнулся с законом — угон автомашины.

В 16-летнем возрасте в жизни Эскобара наступает новый этап, предопределивший всю его дальнейшую судьбу. Он связался с наркодельцами. Ловкий и хитрый, энергичный и волевой, не знавший преград при достижении цели и не испытывавший жалости, когда речь шла о разборках с конкурентами, не лишенный обаяния, Эскобар завоевал авторитет среди своих поделщиков и срав-

нительно быстро возглавил «Медельинский картель», создание и становление которого непосредственно связано с его именем. В 80-х годах картель контролировал 80 процентов нелегального производства и экспорта колумбийского кокаина в США и Европу. Личное же состояние самого Эскобара оценивалось в три миллиарда долларов, а сам он постоянно фигурировал в списках богатейших людей мира. (Некоторые газеты утверждали даже, что несколько лет назад «Медельинский картель» предложил властям оригинальную сделку: наркомафии выплачивают одним махом почти 15-миллиардный внешний долг Колумбии в обмен на то, что их оставят в покое и не будут мешать бизнесу. К чести правительства, оно не приняло это предложение.)

Впервые колумбийцы узнали о Пабло Эскобаре с несколько неожиданной стороны. В 1982 году один из журналов рассказал о «Робин Гуде из провинции Антьокиа». В статье речь шла о нашем герое, который

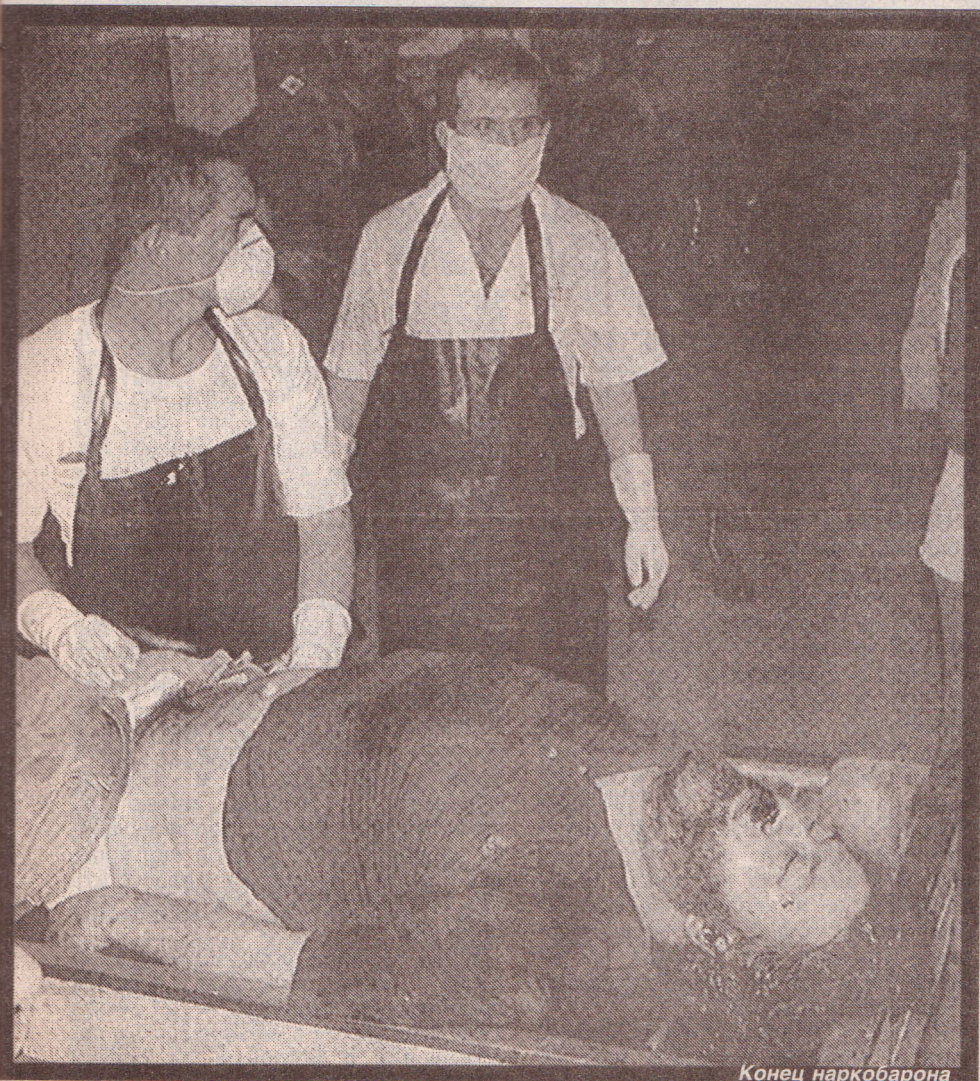
прославился тем, что помогал беднякам. Он, например, построил в Медельине целый квартал жилых домов для бедных, соорудил спортивную площадку и футбольное поле, разбил несколько парков. Именно тогда благодарные земляки стали уважительно звать его доном Пабло. (Примечательно, что во время похорон Эскобара на кладбище пришло более пяти тысяч человек. Многие из них — чтобы убедиться, что наркобарон действительно мертв. Но немало было и таких — и именно из числа бедняков, — кто не скрывал своего сочувствия дону Пабло и оплакивал его гибель.)

На волне «всемирной любви и популярности» Эскобар решил заняться политикой. К тому времени уже «крутой мафиози», он, тем не менее, начинает карьеру с должности помощника муниципального советника в родном Медельине. Спустя некоторое время его избирают депутатом парламента. Но ненадолго. В декабре 1983 года группа депутатов обвинила бывшего в то время министром юстиции Родриго Лару в том, что он берет взятки от наркомафии. Тот был вынужден защищаться, и в своих показаниях специальной комиссии практически выдал известные ему наркомафиозные структуры. Такая откровенность стоила ему жизни — в апреле 1984 года министра нашли убитым. Убит был и главный редактор газеты «Эспектадор», опубликовавший разоблачения министра. Авторство этих преступлений не вызвало сомнений, и Пабло Эскобар был вынужден перейти на нелегальное положение. Именно с этого момента и началась война, объявленная «Медельинским картелем» правительству. Война, длившаяся почти десять лет.

Война эта вышла за рамки противостояния властей с медельинской наркомафией. В нее были втянуты и другие картели, но власти, тем не менее, основные усилия направили на уничтожение именно «Медельинского картеля». Они считали, что именно люди Эскобара ответственны за создание в стране обстановки насилия. Но, как показало время, власти либо заблуждались, либо недооценили другие группировки.

«В 1984 году у нас не было ясных представлений о масштабах этой проблемы, — признавался генерал Маса, возглавлявший воинские подразделения, участвовавшие в борьбе с наркомафией. — Мы не понимали, что они практически поставили под свой контроль наше общество. Они убивают Колумбию».

Что же касается жертв Пабло Эскобара, то список их огромен. В него

Конец наркобарона

входят три кандидата в президенты, депутаты, судьи, в том числе и генеральный прокурор Карлос Мауро Ойос, журналисты, губернаторы провинций, алькальды городов.

Наркобароны не ограничивались расправой со своими противниками. Уничтожали они и простых колумбийцев, ничего общего не имевших ни с властями, ни с конкурирующими группировками. Уничтожали, чтобы продемонстрировать свое могущество, запугать страну, дать понять каждому, что никто не застрахован от смерти, показать, наконец, слабость и беспомощность правительства. Так, в один из январских дней 1992 года полтонны динамита, погруженного в угнанный грузовик, взорвались возле штаб-квартиры тайной полиции. Этот взрыв, образовавший воронку глубиной более 9 метров и нанесший ущерб зданиям в радиусе 40 кварталов, унес жизни более 60 человек, ранил около полутора тысяч. Мафия подорвала бомбу в авиалайнере компании «Авианка», летевшем из Боготы в Кали, что привело к гибели 107 пассажиров. Автор анонимного звонка заявил, что самолет был уничтожен потому, что среди пассажиров было много «осведомителей» — людей, которые наперекор мафии стали помогать властям.

Но не оставались в долгу и власти. Были сожжены плантации, обнаружены и разрушены лаборатории, захвачена недвижимость наркодельцов, арестовано более 11 тысяч человек, в той или иной степени причастных к мафии.

Правительство Колумбии, возглавляемое президентом Вирхилио Барко, поспешило заверить страну, что борьба с мафией ведется успешно и вот-вот в ней будет поставлена окончательная точка. Однако последние события показали поспешность таких заверений. Да, многие наркобароны были вынуждены уйти в горы, отказаться от комфорта, перейти на нелегальное положение и даже сделать себе пластические операции. Но это вовсе не означало, что они сломлены и не оказывают на жизнь общества никакого влияния. По-прежнему гремели взрывы, по-прежнему гибли люди, по-прежнему простой колумбиец ощущал себя жертвой, вполне допуская, что в любую минуту он может расстаться с жизнью. Впрочем, не только простой колумбиец. «Я перехожу из бронированного автомобиля в охраняемый кабинет. Я неделями не выхожу на улицу из-за опасения быть подстреленным. Моя семья живет в ужасе» — эти слова принадлежат министру внутренних дел Карлосу Лемосу Симондсу в правительстве В.Барко.

Более того, выдержав мощнейший удар президента Вирхилио Барко, вожди наркобизнеса не только оправдывались, но и стали возрождать полуразрушенную империю. Производство кокаина, которое было упало до четверти своего обычного уровня, вновь поднялось до 75 процентов.

Как заметил один западный дипломат: «Они потеряли равновесие, но не вышли из игры. Если нужно увеличить производство, они предлагают людям, от которых это зависит, двойную или тройную цену. Деньги для них ничего не значат».

Деньги для Пабло Эскобара и лидеров других наркокланов действительно ничего не значили. Некий армейский офицер, например, был потрясен, услышав предложение, переданное ему одним из эмиссаров мафии: за уничтожение конфискованных документов и компьютерных дисков, содержащих детальный план кокаиновой империи, офицер, чья месячная зарплата не превышала 300 долларов, мог получить 1,2 млн долларов. Наличными. Было выдвинуто и еще одно условие: если он откажется от предложенной сделки, то его выследят и убьют.

В 1990 году президентом был избран Сесар Гавириа. Главой государства он стал не в последнюю очередь благодаря тому, что свою предвыборную программу вел под лозунгами «полного искоренения наркомафии в стране». И вновь его основной мишенью был «Медельинский картель» и лично Пабло Эскобар.

И произошло чудо: 19 июня 1991 года неуловимый и неустрашимый наркобарон добровольно сдается колумбийским властям и позволяет препроводить себя в тюрьму. Правда, в тюрьму особого рода. Но об этом чуть позже.

Разумеется, на решение Эскобара повлияла тактика борьбы Гавирии с наркомафией.

Но была и еще одна причина добровольной сдачи Пабло Эскобара. В борьбе за власть в «Медельинском картеле» и в стремлении удержать ее дон Пабло не страдал особой щепетильностью и использовал все средства. Вчерашние друзья неожиданно становились врагами и так же неожиданно исчезали. С присущей Эскобару жестокостью он расправился с некоторыми из своих сподвижников. Это вызывало не только недоверие, но и негодование некоторых членов клана. Они недвусмысленно угрожали ему, намекая, что он может лишиться не только лидерства в картеле, но и жизни.

И Пабло Эскобар решил переждать за тюремной решеткой, пока не рассеются сгустившиеся над ним тучи.

Он даже заявил, что готов отбыть в тюрьме столько, сколько «будет необходимо для восстановления мира в Колумбии». Согласно конституции ему грозила высшая мера наказания — 30 лет заключения. Но, учитывая явку с повинной, предполагаемое примерное поведение, а также его заверения свернуть работу картеля в Колумбии и перенести ее в Аргентину, Боливию или Перу, срок его пребывания за решеткой мог быть существенно сокращен. По мнению министра юстиции, 42-летнему Эскобару предстояло провести в заключении от силы лет восемь.

Дона Пабло поместили в специальной тюрьме «Катедраль» в местечке Энвигадо. Тюрьма была окружена стальной решеткой трехметровой высоты, ее дополняли 16 рядов колючей проволоки, по которой пропущен электроток напряжением 400 вольт. Телекамеры, мощные прожекторы и приборы ночного видения — всего этого в «Катедрале» в избытке. Подъехать к тюрьме можно по единственной дороге, поднимающейся на высоту 2600 метров над уровнем моря, способной пропустить только одну машину и в одном направлении.

И тем не менее добровольное заточение Пабло Эскобара длилось сравнительно недолго — 21 июля 1992 года вместе с четырнадцатью сообщниками, с которыми он сдался властям, дон Пабло бежал. Побег

Похороны

этот вызвал подлинный шок в Колумбии, отозвался эхом во многих странах. Никто не мог даже себе представить, что из «самой надежной в стране тюрьмы, которую усиленно охраняют», как убеждали власти, можно легко бежать.

Что собой представляет «самая надежная в стране тюрьма», журналисты могли убедиться сами, посетив ее. Перед ними предстала двухкомнатная «камера», напоминающая номер-люкс пятизвездочного отеля. Холодильники со всевозможной снедью и изысканными напитками, дорогая мебель и самая изощренная электробытовая аппаратура. Шкафы «камеры» были буквально забиты костюмами и обувью (не только мужской, но и женской) на все вкусы и случаи жизни. Просторный спортивный зал был оборудован самыми дорогостоящими и современными снарядами для занятий гимнастикой. Добавим к этому и бильярдную.

Поразительные результаты дала и инспекция «тюрьмы», проведенная (уже после побега) генеральным прокурором Колумбии Густаво де Грейфом. Кроме перечисленного выше, он обнаружил фотографии, запечатлевшие сцены пирушек, которые устраивал Эскобар и его ближайшие сподвижники и на которых им прислуживала... охрана. В «камере» были найдены факс-аппарат, радиотелефон и компьютер, позволявшие кокаиноному королю, не выхо-

дя из «темницы», управлять своей империей (уже потом стало известно, что он принимал у себя «коллег», многие из которых разыскивались правосудием. Отсюда же поступило его указание о ликвидации одного из конкурентов). Были найдены видеофильмы и «не принадлежавшее охранникам» автоматическое оружие с оптическим прицелом.

Неудивительно, что генеральный прокурор на проведенной после посещения тюрьмы пресс-конференции выразил возмущение условиями содержания заключенного (вполне логично спросить его, а куда он смотрел раньше?), заявив, что тюрьма была рассчитана не столько на изоляцию преступника от внешнего мира, сколько на обеспечение его безопасности от нападения конкурентов. Собственно говоря, генеральный прокурор никакой Америки не открыл. Именно стремление обезопасить себя от мести и двигало Пабло Эскобаром, когда он решил на добровольное комфортабельное заключение.

Что же побудило дона Пабло покинуть заточение, предварительно выложив, как стало ясно, солидную сумму охране? Неужто его конкуренты уже не представляли прежней опасности или простили его?

А дело в том, что для наркобаронов, с их практически неограниченными возможностями, в первую очередь финансовыми, не существовало никаких преград. Во всяком случае, в Ко-

лумбии. Если Пабло Эскобар сумел подкупить охрану, которая удовлетворяла все его прихоти и создавала прекрасные условия пребывания в «тюрьме», а когда пришло время, открыла ворота этой «тюрьмы», то где гарантия, что его конкуренты, обладающие не меньшими возможностями, не смогут проникнуть в эту «золотую клетку»? Полученная донем Пабло информация говорила о том, что такой гарантии не было.

В то же время Пабло Эскобару из надежных источников стало известно, что далеко не все в правительстве, и в первую очередь в вооруженных силах, были согласны с условиями его содержания в тюрьме и с тем, что против него не начинается процесс. Более того, он получил информацию о том, что его собираются перевести в военную тюрьму. Среди колумбийских военнослужащих, которые должны провести эту операцию, будут и американские «коммандос». Как ни странно (а быть может, и логично), об этом ему сообщили заместитель министра юстиции и начальник управления тюрем страны.

И, наконец, самое главное: президент Гавириа, под давлением своих генералов и Вашингтона, стал подумывать о том, чтобы передать Эскобара США, чего тот боялся больше всего. Он знал, что американцы церемониться с ним не станут. И Пабло Эскобар, не боявшийся «ни Бога, ни черта, ни полиции», дрогнул. Он бежал.

Этот «побег века», как окрестили его журналисты, вызвал шок не только в колумбийском обществе, но и в правительстве. Президент С.Гавириа понимал, что под угрозу поставлены не только его личный авторитет, но и престиж всей страны. Пикантность ситуации заключалась в том, что «крестный отец» мафии и его сообщники покинули свою «золотую клетку» (при этом погибли шесть человек, а два высокопоставленных чиновника были захвачены в качестве заложников) накануне иберо-американской встречи в Мадриде, на которой глава государства должен был сделать сообщение об успехах правительства в борьбе с наркомафией. Надо ли говорить, что С.Гавириа в Мадрид не поехал.

Власти молниеносно отреагировали на побег. В отставку были отправлены многие должностные лица, оказавшиеся «козлами отпущения». Были созданы специальные подразделения для поимки беглецов, в которые вошли представители полиции, вооруженных сил и служб безопасности. Объявлена награда размером в 1 миллион долларов тому, кто поможет поймать Эскобара или хотя бы

укажет место его нахождения. Эта сумма неоднократно повышалась, пока не составила 8,7 миллиона долларов. На помощь пришли Соединенные Штаты Америки, предоставившие Колумбии не только своих специалистов, но и необходимую технику, в том числе и ту, которая использовалась во время войны в Персидском заливе. В частности, самолеты, оснащенные бортовыми радиолокационными станциями, приборами ночного видения, фотооборудованием. Были приняты и меры безопасности в отношении высших должностных лиц, включая президента. На экстренном заседании парламент увеличил на 60 процентов расходы на обеспечение внутренней и внешней безопасности страны. Но беглецы словно в воду канули.

Пабло Эскобар напомнил о себе сам. Через своего адвоката он связался с представителями властей и выдвинул 10 условий повторной сдачи. Он, в частности, потребовал, чтобы охрану осуществляли «международные силы» (судя по всему, войска ООН). Обманутое и оскорбленное правительство отвергло эти условия.

И снова вопрос: стоило ли бежать, чтобы через некоторое время снова сдать властям?

Как писала колумбийская газета «Тьемпо», потребовалось всего несколько дней, и «Дон Пабло понял, что в тюремных стенах он все же будет чувствовать себя в большей безопасности, чем на свободе». «Не надо забывать, — продолжает газета, — что накануне бегства Эскобар отдал приказ о «чистке» «Медельинского картеля», стоившей жизни 14 его членам, занимавшим высшие ступени в иерархии этой организации. По имеющимся сведениям, противники Эскобара из наркомафии разыскивают его еще более рьяно, чем полиция и армия, и, надо полагать, эти поиски могут увенчаться успехом. Тогда судьба Дона Пабло будет решена однозначно».

Дело в том, что в Колумбии дала о себе знать еще одна террористическая организация — «Пепес» (в переводе с испанского эта аббревиатура расшифровывается «Преследователи Пабло Эскобара»). В нее вошли «обиженные» доном Пабло — бывшие его соратники, с которыми он безжалостно расстался; конкуренты, которых он разорил; родственники и друзья бывших членов «Медельинского картеля», замученных или убитых подручными «крестного отца». «Пепес» объявила, что своей целью считает поймать Эскобара и казнить его. Свою деятельность она начала с того, что разгромила жилые

дома Эрминды Гавириа де Эскобар и Марии Виктории Энао, матери и супруги Пабло Эскобара соответственно. На месте преступления была оставлена листовка «Пепес», в которой говорилось: «Пусть Пабло Эскобар почувствует на собственной шкуре применяемые им методы борьбы». За этими разграблениями последовали другие. «Пепес» «проявила внимание» к более чем 20 ближайшим сподвижникам дна Пабло. Несколько человек, в том числе пять личных адвокатов наркобарона, «министр финансов» картеля, начальник личной охраны, были найдены убитыми с пометкой, что это дело рук «Пепес».

Продолжала преследовать Эскобара и специальная группа по его поимке. Она шла за ним буквально по пятам. Нередко группа захватывала дом, где, по ее данным, должен был находиться дон Пабло, но заставляла там лишь чашки с недопитым кофе. Сам наркобарон успевал улизнуть.

В конце ноября тучи сгустились и над семьей кокаинового короля. Правительство отдало распоряжение о снятии охраны с его жены, 17-летнего сына и 9-летней дочери. Семья постоянно получала угрозы. В конце концов она была вынуждена покинуть Колумбию и вылететь в Германию. Но, прибыв в аэропорт Франкфурта-на-Майне, они не получили разрешения на въезд в эту страну. Мария Виктория Энао с детьми были вынуждены вернуться в Боготу.

Кольцо вокруг Пабло Эскобара продолжало сжиматься. Как писала «Тьемпо», он буквально метался в поисках выхода, «походил на волка, вокруг которого были расставлены красные флажки».

1 декабря дону Пабло исполнилось 44 года. Накануне в Боготу вернулась семья. Трудно объяснить, чем руководствовался Эскобар, опытный «подпольщик», прекрасно осведомленный о методах работы колумбийских спецслужб, знающий о том, что полиция ищет любую зацепку, чтобы выйти на его след. То ли нервы окончательно сдали, то ли понадеялся на «авось», то ли еще что-то, но он решил позвонить по междугороднему телефону, чтобы узнать о судьбе своей семьи. Автоматическое устройство идентификации голоса, подключенное к телефонной сети, локализовало звонок, а компьютер выдал адрес. Ну а дальнейшее, как говорится, было делом техники.

Но значит ли это, что правительство С.Гавириа покончило с наркомафией, что в борьбе с серьезным противником одержало победу, как оно пытается в этом убедить не только свою, но и международную общест-

венность? Думается, вряд ли. Испанская «Паис» в этой связи писала: «Если сегодня в Медельине звонит колокол по Эскобару, то в ночных клубах Кали царит эйфория. С шампанским встречают новую эру, которая ознаменуется долларovým ливнем». С газетой нельзя не согласиться. «Белые воротнички из преступного мира», как величают другую группировку, а точнее, «Картель Кали», практически оказались незатронутыми той борьбой, которую вели власти против наркомафии. Теперь не вызывает никакого сомнения, что они поглотят остатки «медельинцев». И не только их финансовые средства, плантации и лаборатории, способы и методы транспортировки кокаина, но и интеллектуальный потенциал бывших своих конкурентов.

Выступая на пресс-конференции, президент С.Гавириа заявил о своей решимости продолжать войну с наркомафией, подчеркнув, что не намерен легализовать наркобизнес. «Мы хотим освободить страну от контрабанды наркотиков, потому что знаем, к чему приводит вседозволенность в этом деле, — отметил глава государства. — Колумбийцы уже заплатили дорогую цену за подобную политику в 70-е и 80-е годы. Тогда мы мало думали об этих преступных организациях, а они стали проявлять свои политические амбиции, желали разделить власть, захотели приучить колумбийское общество к преступности. Мы не можем повторять эти ошибки и должны проявить твердость».

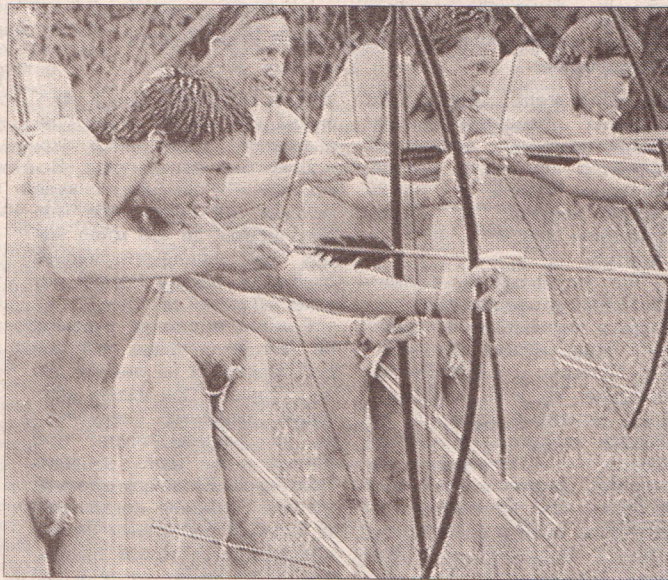
Признание Сесара Гавириа ценно тем, что оно служит серьезным предостережением правительствам тех стран, где либо процветает, либо начинает процветать наркопреступность, а власти, тем не менее, проявляют необъяснимую и ничем не оправданную снисходительность к наркомафии. История Пабло Эскобара поучительна еще тем, что она наглядно показывает, как небольшая группа уголовников, начав с мелкого, на первый взгляд, преступления, превратилась в могучую силу, которой показались тесными рамки преступного бизнеса. Они действительно замахнулись на власть, принимали участие через подставных лиц либо подкупленных парламентариев в решении многих государственных проблем.

Разумеется, история эта продолжается и, откровенно говоря, еще неизвестно, чем она закончится: победой властей или наркобаронов.

Фото из газеты «Паис» (Испания)

Одним словом — катцу

Вроде бы исхожена наша планета вдоль и поперек, по широтам и долготам, по параллелям и меридианам, исследованы и почти обжиты оба полюса, изучены глубины океанов. Давно кончилась эпоха великих открытий, подвиги землепроходцев занесены на скрижали. Не осталось ни кусочка, ни пятнышка. Многоглазые спутники обшарили все, что могли, на поверхности матушки-земли. Нет больше тайн. Нет?

Первые фотоснимки последних людей каменного века

Позвольте, но мы забыли о сельве. О великой реке Амазонке, которая несет свои воды почти семь тысяч километров. Площадь ее бассейна свыше семи тысяч квадратных километров. И вся эта территория называется — Амазония. Тут еще остались нехоженные тропы, а точнее, полное, абсолютное бездорожье. Влажные экваториальные леса сельвы — дикий, малодоступный край, защищенный, как ключей проволокой, толстыми плетями лиан, стволами тесно растущих пальм. Неясные слухи о том, что в глубине сельвы сохранились очаги древних, допотопных племен, что где-то в непроходимых чащах скрываются люди пещерного века, тревожили умы ученых, географов, этнографов. Неоднократно делались попытки найти

этих людей, выйти с ними, как говорится, на связь, обнаружить хотя бы их следы. Следы-то находились, но оставившие их были неуловимы.

И вот экспедиции, возглавляемой французским исследователем Жан-Пьером Дютилье, с помощью проводящих из индейских племен, удалось не только «выследить» пещерных людей, но и сблизиться с ними, не дать им улизнуть, как это бывало прежде. А сделать это было ох как непросто. «Приручение» было длительным. На их тропе были оставлены незамысловатые дары, которые должны были привлечь внимание этих детей природы. Несколько дней дары оставались нетронутыми. Затем все же исчезли. Сближение эпох было медленным и настроженным. И все же

небольшое племя, даже не племя, а группа людей из пятнадцати человек, позволило заглянуть в их жизнь. А жизнь эта похожа на жизнь леса, который их окружает. Он их породил, их защищает, поит и кормит. В основном они — вегетарианцы. Называют себя — авас и общаются между собою на никому не известном языке. Правда, язык этот весьма незатейлив и словарный запас этих людей не велик.

У людей из племени авас главным, всеобъемлющим словом было — кату. Кату — туда, кату — сюда. Кату — так, кату — сяк. Даже когда окончательно осмелев, один из них позволил себя сфотографировать впервые, то при виде появившегося из полярида цветного кадра с его изображением он тоже сказал — «кату». Одежду они практи-

чески не признают, благоприят климат Амазонии позволяет ходить обнаженным, зато необычайное украшение — воткнутая в нижнюю оттопыренную губу полированная палочка — обязательно для всех, мужчин, женщин и даже детей.

В джунглях сельвы обитают и другие племена, живущие вдали от цивилизации, так как жили здесь их предки тысячелетия назад. И почему-то не тянет их к благам нашего электрико-компьютерного, атомно-телефонного существования. Они довольствуются малым и счастливы.

Была у ученых еще одна очень важная задача, помимо изучения быта и антропологических исследований, — не привнести в жизнь этого крохотного первобытного поселения наши болезни, наши вирусы. К несчастью, известны случаи, когда после посещения миссионерами подобных деревень, только более доступных и не таких укромных, все их обитатели вымирали от привычного нам гриппа.

Марина ФЕДОРОВА
Фото из журнала
«Пари-матч»

В России профессор Картте работает около двух лет, в основном во Владимире, где помогает двум крупным предприятиям, некогда принадлежавшим ВПК, а ныне акционированным, постигать тонкости конверсии и рыночных отношений.

— С самого начала, — рассказал журналистам г-н Картте, — я сказал директорам этих предприятий: «Давайте будем честными друг с другом. Я не приду к вам с идеей смены руководства или массовых увольнений. Мне вообще не по душе обвальная приватизация. Я понимаю, что ваши предприятия — это дети нужды, они дают людям, которые здесь работают, все: жилье, детские сады, школы, медицинское обеспечение и т.д. В России потеря работы — потеря всего в жизни, и надо быть сумасшедшим, чтобы приехать сюда с идеей все это разрушить».

И еще мы сказали, что хотим работать не только с директорами предприятий, но с представителями всех подразделений, хотим говорить с ними на равных, обсуждать, спорить.

Прежде всего надо было выяснить, в чем главная ценность того или иного предприятия. И мы начали разбираться. Выяснили, например, что оборудование комбината «Техника», в принципе, позволяет иметь ежегодный оборот во столько-то миллионов, но им надо осваивать рыночное мышление. Скажем, у предприятия свой жилфонд, своя школа, поликлиника — все требует средств и съедает большую часть доходов. Конечно, это нужные вещи, но их цена оказалась слишком дорогой. Мы это объяснили и сказали: думайте. Мы не вмешивались — нет смысла проповедовать там, где люди должны сами дойти до каких-то вещей. Они подумали и предложили администрации: школу с баланса предприятия передать туда, где она и должна быть, — муниципальным властям; для содержания поликлиники можно объединиться с другими предприятиями; за жилье следует отвечать коммунальным службам...

То есть предприятие стало понимать, что есть задачи, которые должно решать оно, а есть те, за которые должны отвечать власти. Как вариант

И ВСЕ-ТАКИ ЛУЧШЕ ОТКРЫТЬ ОКНО...

В Госкомитете по антимонопольной политике РФ прошла пресс-конференция профессора Вольфганга Картте, представителя правительства ФРГ — экономического советника Российской Федерации.

мы предлагали сделать эти объекты самостоятельными хозяйственными единицами. Директор комбината, правда, не хочет терять эту часть своего влияния, но «червь сомнения» все же у него поселился...

Все это время мы стремились найти владимирцам западных партнеров, я привозил сюда многих бизнесменов. Интерес у них к России большой, но есть проблемы. Ведь основные капиталы на Западе находятся в частных банках — это вклады предприятий, фирм, частных лиц. И банки несут за них ответственность. Если я приду, допустим, в «Дрезденбанк» и скажу: «Проинвестируйте покупку современного станка для «Техники», — они начнут задавать вопросы. Первый: какие есть гарантии под это дело? Что я могу ответить? Только то, что никаких гарантий в России вообще нет. Тогда банк спросит: можем ли мы взять землю, на которой стоит предприятие, в залог по ипотеке? Нет, отвечу я, в России нет собственности на землю. Ладно, продолжит банк, а какие там налоги, есть ли льготы для иностранных инвесторов? Увы, должен сказать я, налоги в этой стране составляют примерно 80%, а налоговое законодательство меняется каждый день. Извините, скажет мне банк, но только сойдя с ума можно вкладывать деньги в Россию.

Вот что я стараюсь втолковывать членам вашего правительства — если вы хотите привлечь западные средства в Россию, вы должны ввести ипотечный залог, дать налоговые льготы, а лучше всего на первые три года вообще освободить инвесторов от

уплаты налогов. Мы в ФРГ знаем, как дорого стоит приватизация, перестройка экономики — на примере Восточной Германии, куда каждый год приходится «перекачивать» до 150 млрд. марок из западных районов страны. А ведь у России нет такой «богатой сестры».

Причем я говорю русским: не вводите право частной собственности на землю для иностранцев! При вашей инфляции западные спекулянты за две недели скупают всю Москву и весь Санкт-Петербург. Есть другой путь, им шла Германия, когда была в схожем положении (высокая инфляция, угроза земельной спекуляции): тогда у нас заявили, что вся земля — собственность государства и не продается, но каждый, кто хочет построить предприятие или жилье дома, получит землю в наследуемое право аренды на 99 лет. Что это значит в вашем случае? А то, что, например, тот же «Дрезденбанк», давая кредит владимирскому предприятию, берет в залог землю, которую само это предприятие получило от государства в аренду на 99 лет. То есть Россия имеет возможность дать гарантии инвесторам, не продавая иностранцам землю.

Я понимаю, что ваше правительство озабочено борьбой с инфляцией. Инфляция — страшная штука, особенно для «маленького человека», которого она лишает всех сбережений. Но надо не только бороться с ней, а создавать условия для предпринимателей. Иначе, пытаясь справиться с инфляцией, можно задвить производство. Нельзя же разрушать старые предприятия, не создав социальную базу для

людей, которые там работали. Необходимо, поддерживая хотя бы какое-то время эти производства, создавать новые, открывать новые рабочие места. В провинции нужно больше предприятий, выпускающих товары народного потребления, чтобы люди могли почувствовать преимущества рынка. Для этого требуются деньги.

Впрочем, в рыночной экономике тоже не все хорошо. Она не панацея от всех бед, у нее нет нимба святости. И она порой приводит к власти не самых хороших людей. Однако, перефразируя Черчилля, можно сказать: «Рыночная система плоха, но лучше нее люди ничего не придумали».

А еще стоит вспомнить очень хорошие слова Дэн Сяопина. Когда в 1992 году он сказал китайцам, что «не стыдно подражать капитализму», ему возразили — но тогда у нас тоже будет мафия, проституция и тому подобное. «Ну что ж, — мудро ответил Дэн Сяопин, — когда открывают окна, в них залетают и мухи».

И лучше открыть окна, чем оставлять их на запоре, тем более, что в мире, где есть телевидение и современные средства коммуникации, держать окна закрытыми все равно невозможно. А только своими силами, при всем уважении к России, вам не справиться.

Поскольку встреча профессора Картте с журналистами проходила в Антимонопольном комитете, его, естественно, спросили, что он думает о российской антимонопольной политике.

— Эрхард, знаменитый реформатор экономики в послевоенной Германии, — ответил г-н Картте, — поступил очень умно, когда ввел антимонопольное законодательство только через 10 лет после начала реформ. Как вы собираетесь бороться с монополиями, когда они у вас остались прежними, только превратились из государственных в акционерные и т.п.? Ведь к вам еще не пришли с Запада те, кто может создать конкуренцию на рынке, разрушить этот монополизм! На это нужны годы и терпение, великое антимонопольное время у вас еще наступит.

...Иными словами — не надо задривать окна.

В. МАРКОВ

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

В пивной Дома журналиста, во времена, когда ячменный напиток наливался там из деревянных бочек, преподаватель политэкономии с журфака признался мне в тайном пороке. Лекции о прибавочной стоимости и абсолютном обнищании трудящихся при капитализме вызывали у него смутное беспокойство. Но приближение семестра, когда преподавала пора политэкономии социализма, оборачивалось тяжелой депрессией и неодолимой тягой к алкоголю.

Причинно-следственная связь преподавания экономической дисциплины с нарушением режима своеобразна, но объяснима. То, что происходило и происходит на шестой части планеты, вызывает целую гамму эмоций, ломающих неокрепшие души. Хотя, разумеется, не все так непонятно и грустно.

Роскомоборонпром, к примеру, не послушался Жириновского и предпочел конверсию материальному обеспечению броска на Юг и блокады Японии. Глядишь, в 1997 году будем летать на пассажирском МиГ-110. Уже в нынешнем году на нижегородском заводе «Сокол» начинают ставить на крыло 35-местное грузопассажирское чудо, летающее как на керосине, так и на сжиженном газе.

В год голубой собаки в голубых же небесах России становится все теснее. Смоленский авиазавод решил побаловать фермеров и деловых людей самолетом СМ-92 «Финист», который берет на борт 5—6 человек или 600 килограммов груза. Вот будет облегчение «челнокам», которых уже и в метро перестали пускать из-за неподъемности баулов.

На земле тоже немало новаций. Ярославец Денис Шибанков, к примеру, не намолится на первый в России провинциальный ипотечный банк — филиал московского. Учреждение с иноязычным, непривычным для слуха названием, выдало работнику АО «Железобетон» кредит в 12 миллионов рублей под залог приобретаемой им двухкомнатной квартиры. Треть стоимости жилья подбросило новоселу родное предприятие. Так ярославцы первыми среди провинци-

алов стали строить жилье под залог.

Москва внесла оригинальный нюанс в решение жилищной проблемы. Чердаки в центре столицы решено переделывать в квартиры либо в офисы мансардного типа. Инвесторов, сами понимаете, искать долго не пришлось. Свои кровные в выгодное дело всегда готовы вложить иностранцы. Вон американская фирма «Супервэлло» скооперировалась с новосибирской компанией «Сибком» и отгрохала в Академгородке первый в Сибири супермаркет. Управляющий этой торговой точкой Мартин Бред потирает руки, глядя, как сибиряки накладывают в тележки американскую и европейскую снедь.

«Как постажировался на фирме?» — спрашивают в брежневские времена директора завода, вернувшегося из Америки. «Отлично», — отвечает тот. — В первый же день отбился от всех заказов». Герой популярного в свое время анекдота наверняка читал на ночь политэкономии социализма. Нынешним деловым людям легче, ибо аналогичной книги о наших днях еще не создано, и все мы по мере сил подбираем для нее иллюстративный материал.

Острая нехватка горючего в Армении послужила стимулом для технического творчества. Жители города Ванадзор, братья Петросян, приспособили к своему «уазуки» двигатель, работающий на дровах. Поленья горят, образуя горючий газ, который и движет со скоростью 50 километров в час гибридный автомобиль и печки. На 100 километров расходует поленища весом в 40 килограммов.

Юные бизнесмены из Костромы сумели обратиться в наличность рождественские снегопады. К легковым автомобилям, буксующим на крутых улицах, подлетает бригада толкачей, и с их помощью тачка преодолевает предательский подъем. Мзда взимается в соответствии с маркой машины: с «Запорожца» — штука, с «Вольво» — пять.

Делать деньги — богоугодное занятие не только в переносном, но и в прямом смысле. Святой колодец Оптиной пустыни стал приносить доход. Сертификат о чудотворности здешней воды выдали специалисты, подтвердив, что она сродни известной минеральной «Кра-

инке» и стоит в одном ряду с «Нарзаном» и «Ессентуками». Два местных завода с помощью предпринимателей наладили линию по розливу минеральной воды «Козельская». Осветил новую линию отец Филарет.

Оздоровить душу и тело с использованием старых монастырских методик и народной медицины берется владимирский лечебный центр Святой Екатерины. Местные гиппократы объединили в тандем современные способы врачевания и духовное лечение молитвами, беседами, иконами. Говорят, помогает...

Да, бизнесу все чаще приходится иметь дело с потусторонними силами. Недавно омская страховая компания «Мегаполис—Агро» выплатила своему клиенту 100 тысяч рублей. В застрахованной квартире стали происходить непонятные вещи — летали предметы, горел пол, разбитой оказалась стиральная машина. Неизвестная сила вырвала с корнем люстру. Специалисты выдали страдальцам-жильцам справку, что ущерб квартире нанесен в результате аномальных явлений. Поскольку это и есть страховый случай, пришлось компенсировать ущерб от налета неопознанных сил.

На гораздо большую сумму претендует Михаил Бейг, в 1981 году окончивший Казанский государственный технический университет, который тогда назывался просто авиационным институтом. Он направил ректору письмо с просьбой поменять «синий» диплом на «красный». Заветных корочек его лишили за тройку, полученную на госэкзамене по научному коммунизму. «Научный коммунизм оказался лженаукой», — пишет Бейг, — и моя удовлетворительная оценка может теперь трактоваться как отличное знание жизни». Кроме красного диплома, обладателя которого после распределения получали 10-процентную надбавку к зарплате, знаток жизни требует компенсацию за моральный и материальный ущерб в размере 10 миллионов рублей. Теперь мне понятно, почему периодически впадал в запой преподаватель с журфака МГУ. В этом мне помогли сообщения агентств ИТАР—ТАСС, РИА, «Постфактум» и «Интерфакс».

Александр АГОПОВ

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

ЧЕЛЯБИНСК: ТРАДИЦИЯ ВОЗРОЖДАЕТСЯ?

Отцы города порадовали челябинцев приятным сюрпризом: решили заново создать целую сеть общественных туалетов. К Новому году согласовали проект, техническую документацию, подготовили опытные образцы. Теперь производство компактных уборных поставлено на конвейер на Челябинском ремонтно-механическом заводе. Однако жители города задаются вопросом: не постигнет ли новые общественные туалеты участь старых — преобразованных коммерсантами в торговые точки?

БЕСПЛАТНО, НО ЗА 50 ТЫСЯЧ

Экстрасенс из Киева Катя Литвинова решила осчастливить жителей Миасса бесплатными (!) сеансами. Однако горожан, устремившихся в местный Дворец культуры на это медико-экономическое чудо, подстерегала неожиданность. Оказывается, сообщает агентство ЕАН, сами заклинания целительницы действительно были «безвозмездными», но, чтобы они подействовали, надо было купить комплект, состоящий из листовки с портретом благодетельницы, книжки Кашпировского и разных снадобий — всего на 50 тысяч рублей. В итоге прокуратура запретила эти «процедуры».

«РУБЛЕВЫЕ РЕЙСЫ» ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

Люди, способные улавливать конъюнктуру рынка, времени зря не теряют. Сметнув, что в Москве большинство телефонов-автоматов переделаны под рублевую монету, каковая в киосках стоит 30—35 рублей, они ринулись в Петербург. Там, как известно, с улицы позвонить можно только с помощью жетона, стоимость которого увязана с метрополитеновскими кругляшами. Не имеющие для петербуржцев особой ценности рубли в сорокакилограммовых рюкзаках везут в Москву и продают оптом, кладя в карман по 200 тысяч чистой прибыли.

УВАЖАЕМЫЕ МОСКОВСКИЕ ЧИТАТЕЛИ «СТОЛИЦЫ»!

Если вы имеете возможность приезжать за нашим журналом в редакцию, мы подлишем вас на первое полугодие 1994 года по льготной цене: 3900 рублей (на полгода), 1950 рублей (на квартал), 650 рублей (на один месяц). Подписку можно оформить в редакции по адресу: Петровка, 22, комн. № 610. Справки по телефону: 928-27-69

ТЕКУЩИЙ КУРС ОБМЕНА:

«88-ю статью никто не отменял». Ну кто из нас не слышал этой фразы и... не пропускал ее мимо ушей?! Особенно сегодня, когда в любой подворотне — Exchange Office, пункт обмена, на каждом шагу — фургончик, где черным по белому — текущий курс... Так вот, уважаемые читатели, свободная любовь к доллару по сей день карается лишением свободы!

По рассказам одного из провинциальных прокуроров, ему в своем городе за последнее время пришлось возбудить 20 дел по 88-й статье. Не по своей воле — а под давлением «вышестоящих инстанций».

Можно только гадать о высшем политическом смысле этой карательной активности. Не исключено, что она преследует святую цель укрепления рубля, но средство — взять народ на испуг, отвлечь от доллара — вряд ли назовешь благородным и эффективным.

О том, какая связь между долларом в руках обывателя и уголовщиной, рассказывает адвокат, кандидат юридических наук Марк КОГАН.

1\$ = 10 лет

— Марк Иосифович, складывается впечатление, будто все мы — персонажи театра абсурда: доллар сегодня доступен каждому желающему, и при этом — возрождение уголовного наказания по «валютной» статье...

— На мой взгляд, в этой статье наиболее ярко проявляется анахронизм или даже правовой беспредел нашего государства по отношению к имущественным правам личности. В годы тоталитаризма это было если не оправданно, то хотя бы объяснимо. Одним из первых декретов

советской власти «О национализации банков и государственной монополии на банковское дело» большевики реквизировали, конфисковали все ценности, находившиеся в банках. А затем уже простым подзаконным актом — постановлением ВСХ 1918 года была введена уголовная ответственность: до одного года лишения свободы «за нарушение госмонополии на торговлю золотом и платиной». Следующим декретом «ответственность» резко усилили — давали уже до 10 лет несвободы. Дальше гайки завинчивались круче и

круче. Так, указом Верховного Совета СССР от 25 марта 1961 года установлено наказание до 15 лет — в связи со знаменитым «делом Рокотова». Когда это «дело» начали слушать, в законе был записан максимум «10 лет», валютчика Рокотова и приговорили к этому сроку. Хрущев узнал и стал топтать ногами: «Как можно! Ворочал миллионами, а получил так мало! Давайте изменим статью и сделаем до 15 лет». Дали 15. Хрущев опять: «Мало, расстрелять надо». В марте 61-го в 88-ю ввели расстрел, и Рокотова поставили к стенке.

Единственное на моей памяти вопиющее нарушение основополагающего принципа права, когда закону придают обратную силу. Шум был на весь мир.

Этот «хрущевский» закон действовал до объявления перехода к рынку. Конечно, применяли его лишь к мелким сошкам. Крупные дельцы, которые огребали и огребали миллионы, как выходили, так и выходят чистыми из воды...

— Что же изменилось с наступлением демократии и «свободы»?

— Сперва правоохранительные органы затихли. Они не знали — чем все это кончится, пребывали в раздумье. Несколько лет на всякий случай 88-ю не применяли. После того же, как Уголовный кодекс про-ревизовали, убрали статью о спекуляции, о мужеложстве, а «валютную» оставили — борцы «за порядок» воспряли духом. Раз статья есть — люди найдутся. И опять пошли дела. «Ренессанс» начался примерно два года назад. Я считаю это полнейшей дикостью. Уж если сажать за это, значит, надо вырезать объявления из газет: «продаю валюту», «куплю за СКВ», снимать бумажки со столбов — ведь прямые улики! Так нет же — «борются» от случая к случаю. Причем, по словам некоторых клиентов, нередко милиция сама провоцирует людей на нарушения. Практически около каждого обменного пункта пасутся такие платные «помощники», которые подходят к продавцам или покупателям валюты и предлагают сделать change из рук в руки... У меня недавно было такое дело. Я защищал пацана, который на ярмарке в Лужниках купил 300 долларов.

— И что ему грозило?

— В прошлом году, когда «органы» начали возбуждать эти дела и направлять их в суды, московские райнарсуды их прекращали. Я знаю, например, что несколько десятков дел отверг Ленинский районный суд со ссылкой на ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса «О возможности прекращения дел в связи с изменившейся обстановкой». Однако прокуратура нажала на Мосгорсуд — и тот отменил эти «низшие» решения, заставил возобновить производство, все опять закрутилось... Но судьи пытаются идти по пути наименьшего сопротивления, чтобы и волки были сыты, и овцы целы — чаще дают условные наказания, а судимость-то у человека остается...

— Но каков интерес «высших» инстанций в реанимации 88-й статьи?

— Чисто фискальный. Конфискация валюты. Причем не все идет в бюджет. Немало случаев, когда милиция или органы безопасности хватают человека за руку, отбирают валюту — и на том они расстаются. Приходит ко мне клиент: «Что делать, у меня отняли тысячу долларов?» Я отвечаю: «Не рыпайся — состав преступления налицо. Сиди и помалкивай».

Кроме того, правоохранительные органы подобным образом пытаются произвести впечатление эффективности своего

труда. Недаром на бесчисленных брифингах они похваляются количеством изъятых ценностей и приговаривают — хорошо бы оставлять определенную часть добычи в их распоряжении.

— С 1994 года вся торговля будет осуществляться только на рубли. Чем это обернется для населения, которое верит теперь лишь в твердую валюту?

— Наше государство до сих пор не может примириться с тем, что граждане из чего-то извлекают какую-то выгоду, а оно, государство, с этого ничего не имеет...

Теперь вы, если имеете валюту, должны сперва пойти в обменный пункт и поменять доллары на рубли. Государство получает на этой разнице процент. В супермаркете или ресторане вы расплатитесь рублями, и эти рубли магазины и рестораны тоже понесут в свой банк, им будет конвертировать выручку обратно в валюту. Опять государство в прибыли. Центральный банк это поощряет — основной процент идет в конечном счете в его доход.

— Есть ли какая-то экономическая логика в запрете на свободное обращение иностранной валюты в России?

— Всякое цивилизованное государство не допускает хождения чужой валюты в своем доме. Конечно, на стамбульском базаре за доллары вам продадут хоть мать родную. Или вот в Греции в нереспектабельных магазинах торгуют за доллары, но престижные — из уважения к имиджу собственной страны — этого не делают.

— В законах других стран есть подобие нашей 88-й статьи?

— Уголовной ответственности нет нигде. Если вы в парижском ресторане попытаетесь расплатиться не франками, а долларами, вам укажут, что это некрасиво, неприлично, не принято, но наказывать вас никто не будет. Ну, скажите, какая разница государству — у меня или у вас в кармане лежат 100 долларов?! Это лично, то, что в чулке! Никакой экономической целесообразности 88-я статья, равно как и указ «о запрещении», не имеет — рубль от этого не укрепит!

— Вы сказали — «правовой беспредел». Но речь ведь идет о соблюдении закона, пусть даже ископаемого, допотопного...

— Сама по себе формулировка 88-й статьи порождает произвол — «нарушение правил о валютных операциях». Каких правил конкретно? В Законе о валютном регулировании и валютном контроле есть ссылка на то, что Центральный банк устанавливает определенные правила. Сегодня — одни, завтра — другие, послезавтра — третьи. Правил этих было тысячи, причем они обычно не публикуются, а значит, их нарушение не может вменяться в вину. Уши здесь торчат опять-таки из времен «диктатуры пролетариата», из ленинской теории государства и права. Великий вождь сформулировал понятие права, которое до сих пор приводится во

многих студенческих учебниках: «Право есть возведенная в закон воля господствующего класса...». Не общечеловеческие ценности, не заповеди Христа, не международные нормы...

— А кто у нас определяет эту «волю»?

— Сейчас товарищ Геращенко. Умышленно называю его так, хотя теперь принято иное обращение — «господин».

И никого из стражей такого «правопорядка» не волнует, что 88-я статья оказалась в грубейшем противоречии с Законом о валютном регулировании и валютном контроле. Там прямо сказано: «Иностранная валюта может находиться в личной собственности как резидентов, так и нерезидентов»... Ну, раз это ваша собственность, значит, вы вправе делать с ней все что угодно! Хотите, используйте в качестве туалетной бумаги, хотите — подарите любимой девушке. Однако последнее — это уже подсудное дело — «договор дарения». Хотя ни для кого не секрет: некоторых иностранцев интердевочки обслуживают за валюту — но так как они работают в основном на «органы» (простите за нечаянный каламбур) — их прощают. Но самое интересное — в статье 14 Закона о валютном регулировании и валютном контроле, в которой определяется «ответственность за нарушение валютного законодательства», не содержится ни одного упоминания об уголовной ответственности за эти нарушения!

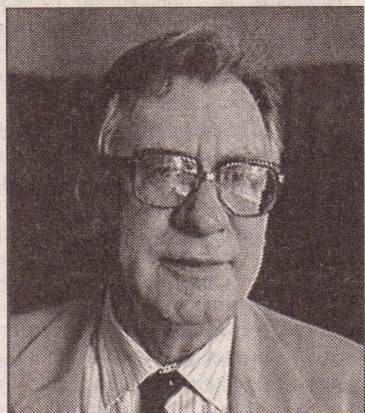
— Какой же рецепт самосохранения при хроническом беспределе можно дать нашим простым, не интер, девочкам и мальчикам, которые и в новом году отдадут предпочтение доллару перед рублем?

— Быть осторожнее. Не просто менять валюту официальным путем в обменных пунктах, но еще и требовать квитанцию. Пусть лежит — при нашей нестабильности вдруг да потребуются доказательства, что ты не верблюд. Вдруг завтра какой-нибудь новый хозяин аля Жириновский проведет ревизию и всех «валютчиков» распределит по фонарям...

Опытный адвокат прав, ибо в нашем государстве возможно самое невероятное. Мне рассказывали, что по сей день в ИТК усиленного режима сидит парень за 6 долларов — цена роковой беспечности.

Итак: в «твердовалютном» вопросе доверяйте не людям, а конторам и штампам. А девушкам дарите лучше цветы, а не «зелень».

Азлита ЕФИМОВА
Фото Э. Кудрявцового

Олег БОГОМОЛОВ:

МЫ, КОНЕЧНО, НЕ КИТАЙЦЫ, НО ВСЕ ЖЕ...

— Олег Тимофеевич, как же так получилось, что демократический оппонент Горбачева (в качестве его советника пытавшийся отстаивать непривычные в то время рыночные идеи), потом — полноправный и вроде вполне естественный член реформаторской команды президента России вдруг эту команду покинул и стал серьезным оппонентом экономической политике, проводимой недавними единомышленниками?

— Я был действительно одно время экономическим советником Горбачева, до тех пор, пока мои взгляды не разошлись с мнением Горбачева. Потом я участвовал в работе Президентского совета Ельцина и предупредил его лично и Гайдара еще в конце 1991 года, когда только еще замышлялась «шоковая терапия», обо всех возможных последствиях для страны: о гиперинфляции, о чудовищном падении производства и жизненного уровня населения, о моральной деградации общества. На мое замечание о том, что предпринимается очень рискованный эксперимент, президент Ельцин сказал: «Нет, это не рискованный эксперимент. Это научно обоснованная политика».

С тех пор стали накапливаться наши расхождения в понимании того,

Академик Олег Богомоллов, будучи демократически настроенным народным депутатом СССР, активным членом знаменитой Межрегиональной депутатской группы, состоял в экономических советах первого и последнего советского президента Горбачева, а затем стал членом Президентского совета Ельцина.

Сегодня 66-летний академик Олег Богомоллов избран депутатом Государственной Думы по списку Демократической партии России, возглавляемой, как известно, Николаем Травкиным и являющейся явно оппозиционной по отношению к правительству Гайдара и президенту Ельцину. Что ж, слушаем оппонентов.

что мы называли реформами. Кстати, не только мои расхождения, но и целой группы членов Президентского совета — Шмелева, и Арбатова, и Бунича, и других. Мы обратились к Ельцину с письмом, где подробно изложили наши предложения: как надо исправить политику, как надо, с нашей точки зрения, работать с парламентом, как надо искать компромиссы и т.д.

— **Что последовало в ответ на это письмо?**

— Ничего!.. Тогда мы стали готовить другое письмо: о нашей коллективной отставке с постов членов Президентского совета. Но... Президент нас опередил: отправил в отставку большую группу членов Президентского совета, а вместо нас поставил Гайдара и иже с ним...

— **А в чем вы конкретно не согласны с нынешней политикой правительства Гайдара?**

— Не только мы. Многие экономисты Запада придерживаются похожей точки зрения. Мы с самого начала были не согласны именно с «шоковыми» методами реформирования нашей экономики, с одновременной либерализацией цен и заработных плат до того, как были созданы условия для конкуренции между нашими предприятиями. Мы считали совершенно необоснованным объявление политики стабилизации, когда под контролем Российского государства не было банков бывших республик Советского Союза и они продолжали выдавать кредиты и наполнять, так сказать, пустыми деньгами нашу российскую экономику. И только в середине 1992 года Гайдар исправил эту ошибку!.. И таких ошибок можно перечислить еще бесконечно много. Но беспокоит меня все-таки не это.

Основной недостаток нынешнего состава правительства, сегодняшней экономической команды, я убежден, в том, что оно просто-напросто не желает даже прислушаться к каким-либо критическим замечаниям в свой адрес, к имеющимся в среде специалистов иным, альтернативным, суждениям, проявляет высокомерие и самоуверенность в своей непогрешимости, которые нам всем сегодня очень дорого обходятся. Ведь не только такие российские экономисты, как Петраков, Шаталин, Богомоллов, Бунич, безответно стучались в правительственные двери со своими замечаниями и предложениями, но и крупнейшие политические и экономические авторитеты Запада — все бесполезно!.. Никто не услышан.

— **Известно, что вы уделяете много внимания вопросам внешней экономики...**

— Сегодня у нас произошел фор-

менный обвал: не только в экономических отношениях с Восточной Европой, партнерами по бывшему СЭВу, но и с такими странами «ближнего зарубежья», как Украина, Беларусь и Казахстан. Цифры свидетельствуют о резком сокращении торговли между нашими странами. И разрыв экономических связей — где-то наполовину, где-то немного меньше — объясняет трудности, переживаемые сегодня Украиной, Россией, Беларусью и другими бывшими республиками. Надо восстановить разорванные связи. Но как? Те схемы расчетов, которые могли бы работать эффективно, в настоящее время полностью отсутствуют: в свободной валюте рассчитывать мы возможности не имеем (у нас, как и у Украины, и у Беларуси, и у Казахстана, этой валюты попросту нет). Искусственный курс рубля по отношению к иностранной валюте делает сегодня практически невозможным покупку нужнейших для нас видов продукции — машин, оборудования, медикаментов на Западе или в странах Восточной Европы: оно нам обходится сегодня (как раз из-за существования этого искусственного курса) примерно в десять раз дороже собственного производства...

— **Значит, все дело в отсутствии механизмов расчетов в торговле с иностранными партнерами?**

— Да. И такие механизмы в свое время нами были предложены правительству: создание многосторонних бартерных систем, объединяющих и торговлю, и расчеты в едином, так сказать, клиринго-торговом доме, как это делается и на Западе.

— **А что же правительство?**

— Ну... вот только сейчас, через два года, оно вроде бы зашевелилось, пытается эту проблему как-то решать... Но ведь столько времени потеряно! Ведь эта проблема-то ключевая, без ее решения не создать экономического союза.

— **А почему, как вы думаете, до сих пор ничего правительством не делалось?**

— Очень просто. Правительство внушало всем и самому себе ложную надежду (и исходя из этой неправильной посылки действовало), что удастся сохранить единую рублевую зону. Хотя для специалистов с самого начала была абсолютно ясна утопичность этой идеи...

Другая иллюзия нынешнего правительства — дескать, Запад нам поможет в осуществлении наших реформ предоставлением каких-то необыкновенных кредитов... Это заблуждение ведь берет начало еще со времен Горбачева. Помните, тогда Явлинский был в Америке, где совместно с американскими учеными-экономис-

тами разрабатывал план поэтапной помощи российским (а в то время еще советским) реформам. Они за наши реформы нам многое обещали — 10 миллиардов долларов, потом 20... Но мы запросили от них такую нереальную сумму, что Запад не выдержал и — ничего вообще не дал: помните, Горбачев в Лондоне, на совещании «Большой семерки» так ничего и не получил.

То же самое произошло и с Ельциным. С начала гайдаровских реформ 1992 года Бурбулис прямо заявлял, что наши реформы пройдут успешно только в том случае, если Запад окажет нам поддержку, но... Ясно было уже тогда любому специалисту, что у Запада таких денег для нас просто нет: просителей слишком много, а кредиторов, наоборот, слишком мало... Естественно, надо было рассчитывать прежде всего на собственные силы и возможности. А сегодня к этим нашим просчетам добавились еще и другие трудности, состоящие в том, что система внутреннего регулирования и валютных и внешнеторговых операций привела к огромному оттоку из страны капитала, в том числе ценнейшего сырья, на Запад.

— **Понятно. Но, Олег Тимофеевич, вы, констатируя наши экономические провалы, говорите о том, как должно было бы быть в идеале. Мы же сегодня имеем то, к сожалению, что имеем: мы влезли в западные кредиты, связаны многочисленными договоренностями как с отдельными западными странами, так и с международными валютными организациями. То есть уже взяли на себя обязательства, которые надо выполнять. Что же, по-вашему, надо конкретно делать сегодня?**

— Исправлять те международные соглашения и договоренности, которые не отвечают нашим, российским интересам. Мы все-таки суверенная страна и не должны пресмыкаться перед развитыми капиталистическими странами, перед международными организациями, не должны слепо следовать их воле, верно?

— **Предположим, правительство решат поменять. Вы бы, Олег Тимофеевич, согласились войти в правительство, если такое предложение сделает вам президент? И если да, то в каком качестве?**

— Нет, сейчас не согласился бы. Я считаю, что у нашего президента нет сегодня никакой экономической политики. Ведь до сего дня он, президент, так и не признался в тех ошибках, которые сделал. И не предложил другой программы по сравнению с той, что сейчас реализуется правительством Черномырдина и Гайдара. А в таких условиях я просто не могу в

этом участвовать в качестве члена правительства.

— **В руководимом вами Институте международных экономических и политических исследований вам удается проводить разработку того направления в экономике, в которое вы верите?**

— Мы изучили опыт Польши, которая начала переходить к новой для себя политической системе начиная с 1980 года. Но смотрите, сколько прошло времени, пока более или менее устоялась польская демократия! А мы хотим реформировать нашу политическую систему мгновенно, да еще с помощью пушек и танков... Польша, кстати, не допустила ни одной жертвы в тот период! Хотя там очень накалены были страсти — военное положение вводилось и т.д.

Или возьмите Чехию. Хотя чехи вначале тоже говорили о «шоковой терапии», на самом-то деле ее так и не было у них! А произошла, наоборот, весьма постепенная для их условий трансформация экономики при очень сильном воздействии государственных институтов. Вспомним опыт Венгрии, Китая!

— **О китайском опыте в последнее время очень много говорит Вольский...**

— А что, в Китае для нас есть очень много полезного! Китай мы почему-то вообще отбрасываем, как будто его нет в природе.

— **Вы, Олег Тимофеевич, второй раз становитесь депутатом — были народным депутатом СССР, теперь — депутат Государственной Думы по партийному списку ДПР. Значит, все же надеетесь, что ваши экономические идеи будут услышаны?**

— Я не только надеюсь. Я просто уверен, что даже независимо от того, будут ли центристы (а мы, ДПР, считаем себя именно центристами) влиять на политику и экономику, те, кто сегодня стоит у власти, не имеют никакого иного выхода, кроме коррекции своей политики. Потому что всякое продолжение того, что делается сейчас, неминуемо приведет к социальному взрыву.

Григорий КРОШИН
Фото ИТАР—ТАСС

НЬЮ-ВАСЮКИ ПЕРЕМЕСТИЛИСЬ НА УРАЛ

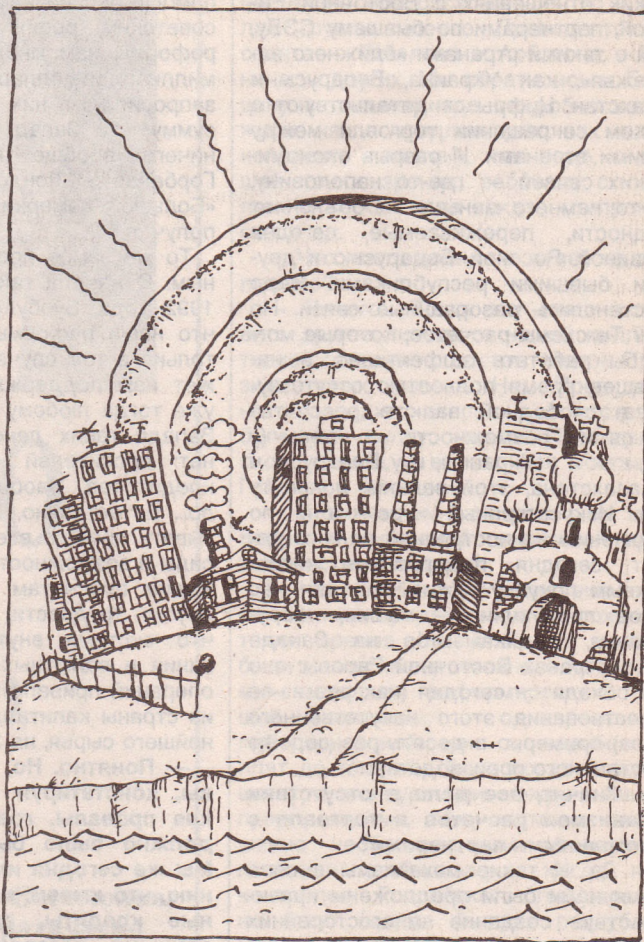
Так уж сложилось исторически, что двоевластие ни к чему хорошему не приводит — будь то в политике, в творческом союзе, на заводе или даже в спортивной организации.

В нашей стране, оказывается, действуют две российские федерации русских шашек. И вот некоторое время назад на стол главы администрации Челябинской области В.П.Соловьева легло письмо, в котором до сведения губернатора доводилось, что Российская Федерация русских шашек (не то первая, не то вторая) намерена провести в Челябинске чемпионат мира среди юношей и в связи с этим просит помочь материально (интересно, что альтернативная федерация уже успела к тому времени провести «свой» аналогичный чемпионат в Подмосковье). Не замеченный в особой любви к шашкам, Соловьев денег не дал. Однако местные ньювасюкинцы сделали ход конем, воспользовавшись неразберихой в областном руководстве. Как раз в тот момент регионуп-

рвали сразу два губернатора: один назначенный Ельциным (В.П.Соловьев), другой — выбранный населением (П.И.Сумин). Получив отказ у одного главы, шашечные фанаты отправились бить челом к другому. И Сумин таки поддержал их, выкроив из областного бюджета пять миллионов рублей.

Началась подготовка к чемпионату — в полной тишине, без рекламы, без привлечения спонсоров. Потом вдруг выяснилось, что федерация-устроитель не имеет ни расчетного счета, ни прочих атрибутов юридического лица. Потом оказалось, что прибывающих гостей некуда селить. Потом возмутились гости — и устроили забастовку. Потом внезапно закончились деньги — шашкистов не на что было отправлять по домам. Чтобы хоть как-то довести дело до конца, спорткомитету пришлось изыскивать в срочном порядке еще пять миллионов рублей. Хорошо хоть, «дальних» иностранцев на чемпионате было немного; всего один спортсмен из Израиля. Да и тот с русской фамилией.

Виктор ЗОЛОТУХИН

ДЕЛО — ТРУБКА

Гоголевского Тараса Бульбу, как известно, сгубило то, что он не вовремя нагнулся за оброчной трубкой. Рабочему Иванову с альметьевского насосного завода то же самое действие стоило... нет, не жизни, но восьмью поллитровок в текущих ценах, что тоже неприятно.

По дороге на работу Иванов нашел обрезок метал-

лической трубы и, решив, что в хозяйстве сгодится, прихватил железку с собой. На завод прошел без помех, спокойно отработал смену... А вот на выходе вохровцы его «повязали»: «Ага, украл казенную (предприятие еще не приватизировано. — Г.К.) вещь!» Как пролетарий ни доказывал, что подобных трубок на заводе и близко не водилось, стража была неумолима. Не стал особенно миндальничать и судья, слупивший с «несуна» штраф — двенадцать тысяч рублей.

Теперь разобидевшийся Иванов адресует различным СМИ (вплоть до ВГТРК «Останкино») один и тот же вопрос: почему с завода исчезают целыми тоннами цветные металлы и всякое прочее добро, неужели маленькую (и совершенно постороннюю) трубку в авоське легче разглядеть, чем доверху груженный самосвал?

Георгий КУЗНЕЦОВ
«Вечерняя Казань»

ПУСКАЙ НАМ ОБЩИМ ПАМЯТНИКОМ БУДЕТ ОБЩАЯ МОГИЛА

Один из наиболее значительных дней в жизни каждого homo sapiens, безусловно, — день прощания с грешной землей. Особенно в том случае, когда человек решает расстаться с жизнью добровольно. Самоубийцам порой хочется обставить мероприятие с помпой — они жаждут всеобщего ажиотажа, фейерверков, иллюминации...

Житель Плюсса, райцентра Псковской области, решил свой последний день пребывания на этом свете отметить грандиозным пожаром, для чего и поджег на местной железнодорожной станции несколько цистерн с нефтепродуктами. Ажиотажа он добился (поселок сплошь деревянный, окажись пожарные чуть нерастороп-

нее — и...), а вот отправляться на тот свет в последний момент передумал. Так что за свои безобразия он теперь будет отвечать не перед небесным, а перед вполне земным судом.

Еще более изобретательным оказался некий молодой человек из деревни Ельцовки, что в Алтайском крае. Он решил развеять свой прах над родными просторами, но при этом, не в пример Индире Ганди, обойтись без кремации. Поссорившись с женой, самоубийца закрепил на себе несколько килограммов взрывчатки и зажег бикфордов шнур... Как установило следствие, вместе с изобретательным самоубийцей развеяться в прах могло еще полселения, ибо молодой человек (в прошлом подрывник-профессионал) натаскал к себе в сарай не один пуд аммонала. К счастью, трагедию удалось предотвратить.

Анатолий ТИХАНОВ,
Сергей ТЕПЛЯКОВ

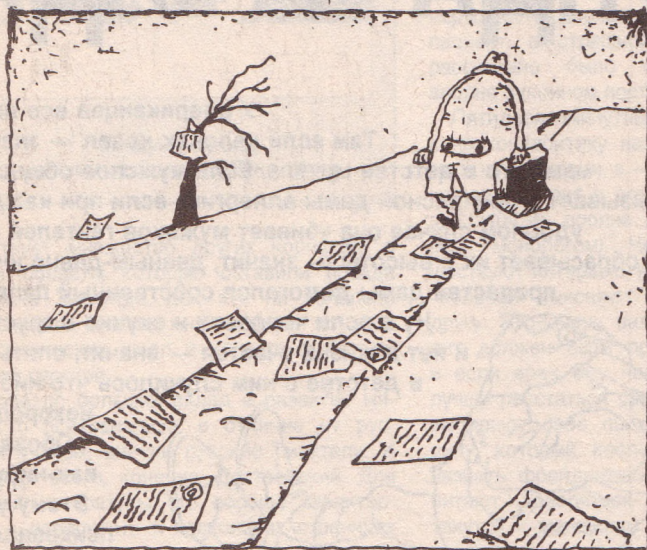
ИСАКОВ ВХОДИТ В АННАЛЫ

Бывший нардеп Российской Федерации Владимир Исаков, вернувшись в свой родной Екатеринбург, порадовал местную общественность благородным поступком: неумный фэнэзсовский скандалист передал в дар государственному архиву Свердловской области несколько чемоданов, набитых подлинными рабочими до-

кументами Президиума ВС России и материалами, связанными с деятельностью екатеринбургских общественных объединений в 1988—1990 гг.

Ближайшая задача архивистов — рассортировать многопудье исаковских бумаг и определить, какие именно документы войдут в анналы истории, а какие — нет.

Олег ДУЛЕНИН

500 МИЛЛИЛИТРОВ РТУТНОГО СТОЛБА

В семейных ссорах в последнее время все чаще фигурируют такие весомые аргументы, как холодное и огнестрельное оружие, — это для нашей публики уже не в диковинку. А вот одна из омских семей в своих «разборках» пошла дальше...

Во время буйного застолья возник конфликт отцов и детей, в процессе которого к животворному консенсусу прийти не удалось. И тогда, окончательно разобидевшись на своих родителей, великовозрастный сынишка (32

года от роду) пошел на крайние меры. Сбегав на улицу, он вернулся домой с поллитровой банкой в руках. С криком: «Я вас всех отравлю!» — он запустил ею в своих папу и маму. Банка разбилась, и ее содержимое разлилось по комнате. Оказалось, емкость содержала семь килограммов чистой ртути...

В милиции домашний террорист заявил, что банку он нашел на помойке. Работники СЭС с превеликим трудом очистили квартиру от отравы. Родители вспльчивого гражданина, по счастью, не пострадали.

Игорь БАРИНОВ
Рис. А.Зайца

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Есть на телевидении такая передача — «Общественное мнение». Известна она главным образом тем, что ее создатели опозорились на встрече Нового политического года. Но я-то программу заприметил задолго до этого прискорбного случая. Интересно не «конкретное наполнение» каждого выпуска, интересен принцип. Пока ведущая зачитывает телеграммы зрителей, компьютер подсчитывает голоса — «за» и «против» (частной собственности, Ельцина, черта лысого). Таким образом — видимо, считают устроители — можно выяснить, чем согораждане дышат. И все бы хорошо, если бы это ну хоть что-нибудь для кого-нибудь да значило.

Увы — не значит. Общественное мнение (не в передаче, а «по жизни») дег-

Эдуард ДОРОЖКИН

ГОСПОДА!

НЕ ПЛЮЙТЕ В КОЛОДЕЦ

радирует с каждым днем. В том смысле, что власти у него остаются все меньше и меньше. Причем наш бомонд (политический, культурно-духовный и пр.) плюет с высокой колокольни не только на «глас народа», но и на глас «равных». А потребность высказаться, выразить чувствают все. Грязь, которую раньше пытались утаить — не дай Бог кто увидит! — сейчас у всех на языках.

Известный режиссер рассказывает, как не менее известные актрисы воровали для него книги из библиотек. Актрисы как в рот воды набрали. Газеты пишут, что певица такая-то была побита там-то. Певица не спешит это сообщение опровергать. Политик такой-то, сообщает пресса, запялнул себя участием в том-то. Политик молчит — видимо, продолжает себя «запаятывать».

Имен называть не буду. Откройте любую газету — хоть «Московский комсомолец», хоть «Сегодня», — все кричат про то, как, кто и чем именно себя скомпрометировал.

О другом хочется спросить. Когда судьба повернется тыльной стороной к нынешним «великим», у кого будут они просить помощи? К какому «общественному мнению» будут апеллировать, кого снарядят в поход, кого поставят под знамена? Людей, мнение которых они предпочли не замечать? Людей, которых они презирали, втихомолку (а то и прилюдно) именую всеми разными словами? Людей, перед которыми предпочитали не «метать бисер», как перед свиньями?

Так вот: ЭТИ люди под их знамена не пойдут. А других, кажется, нету.

Елена АВЕРИНА

ЖИЛЕТКА ИМЕНИ ЗИГМУНДА ФРЕЙДА

У американцев все ясно. Там если человек козел — значит, мама его в детстве мучила. Если мужское общество вызывает у прекрасной дамы аллергию, если при каждом удобном случае она убивает мужиков гантелями или сбрасывает их с высоты — значит, давным-давно юных прелестей дамы домогался собственный папаша.

Ну а если человеку и скучно и грустно, и нет в жизни счастья — значит, опять же в детстве с ним случилось что-нибудь нехорошее.

Обозвали как-нибудь. Этому учит психоанализ.

Рисунки из журнала
«Ле монт диманш»

Психоанализ проник, кажется, во все сферы западной жизни вообще и американской в особенности. Мода на него не проходит. Он есть в каждой американской «психологической драме» — будь то роман или фильм. Кабинет психоаналитика — самая популярная декорация американского кинематографа. Такова их жизнь.

Почти каждый имеет своего психоаналитика и бежит к нему по любому поводу, восклицая: «I have problems!» Это престижно, это приветствуется, поскольку героически побороть все свои проблемы в кабинете психоаналитика (хоть и за приличный гонорар) гораздо выгоднее, чем нерв-

ничать, чувствовать себя чужим на этом празднике жизни и наживать таким образом всевозможные болезни. Иному нашему соотечественнику, потрясенному таким размахом исследования бессознательного, может даже показаться, что кабинет психоаналитика «там» можно найти чуть ли не в каждом квартале — и он будет недалек от истины.

Приготовься, соотечественник: психоаналитики появились и у нас. Докатились, в общем.

Собственно, психоанализ нашел своих приверженцев в России очень давно. В этом мы от Европы почти не отстали. У нас вовсю публиковались работы Фрейда —

и в журналах, и отдельными изданиями. Многие труды переводились сперва на русский язык, а потом уж на все прочие. Существовало Российское психоаналитическое общество. Наши психиатры ездили в Германию изучать психоанализ. Но потом исследователей бессознательного с позором разогнали, психоанализ назвали лженаукой, ну и далее — по обычному для того времени сценарию. Долгие годы советские психиатры и психотерапевты читали своего любимого Фрейда тайком и чувствовали себя героями-подпольщиками.

Кстати, в арсенале современного психоанализа не только теория Фрейда. Су-

Зигмунд Фрейд
глазами художника Бена Шана

ществует множество других корифеев в этой области, которые оставили позади старика Зигмунда. Как это ни печально признавать, во всем многообразии и психоаналитических школ и концепций нет ни одной русской.

Гораздо больший вклад в развитие мирового психоанализа, в отличие от русских ученых, внесли русские писатели. И прежде всего, конечно, Достоевский. Для нашей литературы это вообще характерно — наворотить в нескольких страницах столько бессознательного, что на десяток психоаналитических учебников хватит.

Русская душа для остального мира — потемки, это давно ясно. Русские, со своей стороны, тоже не могли «въехать» в причуды остального мира. Например, их безумно веселило то, что человек может идти к другому, возможно, совершенно незнакомому человеку и за деньги рассказывать ему о своих горестях и печалях. У нас для таких целей есть «ближний». Соседка (сосед), подружка (друг) всегда согласятся побыть в роли «жилета», успокоят, да еще научат жить правильно. Казалось бы, в стране, где так доверительны отношения между людьми и где все так любят давать советы, никогда не приживется американская мода на психоаналитиков. Как выяснилось, приживается.

В основном наши психоаналитики — бывшие психологи, врачи-психиатры. И слава Богу, если вы попали к таким. Потому что есть и неизвестно откуда взявшиеся типы, которых называли издевательски: приверженцами «дикого психоанализа». Это самозванцы, которые прочли пару учебников и решили, что уже могут работать с пациентами. «Дикий психоанализ», кстати, практиковался и во времена Фрейда.

Работа психоаналитика — каторжный труд. Представьте: надо целый день сидеть и выслушивать чужие жалобы на

жизнь. Причем слушать приходится очень внимательно, чтобы обнаружить влияние того самого бессознательного. Пациент говорит в течение пятидесяти минут. «Доктор» в основном с умным видом молчит (зато уж потом он «отрывается» за целый день в кругу родных и близких). Слово «доктор» взято в кавычки, потому что психоаналитик ничем не должен походить на врача. Не надо напоминать читателю, что еще несколько лет назад наша психиатрия была карательным органом, которого все боялись как огня.

Чтобы нервного пациента не испугал и не смутил вид психоаналитика, последний не надевает белый халат. Не занимается нудным заполнением медицинской карточки. И держит все, о чем рассказал пациент, в страшной тайне. Даже если рассказано было о каком-нибудь не вполне законном поступке.

Пятидесятиминутные визиты пациента к психоаналитику называются не приемами и не сеансами, а — сессиями (хотя, поскольку говорит в основном лишь пациент, это занятие вполне можно было бы назвать монологом). Череду сессий предшествуют интервью, на которых «доктор» и «больной» выясняют, подходят ли они друг другу. Это очень важно. На сессии пациент должен быть предельно откровенен, и если врач ему чем-то не нравится, то лучше расстаться сразу, не мучаясь. Люди выбирают себе психоаналитика по принципу, который вполне уместно было бы назвать фрейдистским. Женщины предпочитают доверяться мужчинам, мужчины тянутся к женщинам. В конечном счете, в отношении пациента к психоаналитику можно прекрасно увидеть его взаимоотношения с людьми вообще.

Второй по важности вопрос — деньги. Сумма, которую человек платит за лечение, должна быть значимой для него, иначе он не будет стараться, не будет работать на сессиях. Поэтому в гонорарах психоаналитиков нет верхней планки (хотя есть нижняя).

Как это ни печально (а может, впрочем, как раз наоборот), но впервые явившись к психоаналитику, вы имеете шанс продлить себе это удовольствие на всю жизнь. Психоанализ учит человека избавляться от проблем (или, говоря научным языком, от бессознательных конфликтов), а самостоятельно это сделать не очень-то легко. Чаще всего пациент приходит «лечиться», как только наступает очередная черная полоса в жизни. Идеальный вариант — когда человек благодаря визитам к психоаналитику научился сам справляться с проблемами и успешно это делает.

На богатом примере американского кинематографа мы множество раз видели, как это происходит. Во время сессии какой-нибудь бедолага рассказывает, наконец, о долго скрываемой неприятности (обязательно детства), и тут наступает катарсис, рекой льются слезы. Но в результате все довольны, все смеются.

На самом деле все бывает не совсем так, и за тем, что человека мучило долгие годы, скрываются еще какие-то мучения, и эти комплексы уходят в бесконечную глубину. Впрочем, может, это только у нашего соотечественника все так сложно и наворочено в жизни?

С одной стороны, по американским меркам, наш человек, подвергшийся далеко не самому правильному воспитанию, испытывавший в детстве все мыслимые и немыслимые формы обмана, унижения и давления, должен в результате получиться в лучшем случае Джеком-потрошителем.

С другой стороны, я не открою Америки, напомнив, что все ужасы нашей действительности сделали необычайно гибкими ум и способности соотечественников. Но все равно, если ребенок рос в спокойной семье, где его любили и нормально воспитывали — не важно, на Беверли-Хиллз или в Сызрани, во взрослой жизни ему вряд ли понадобится психоаналитик.

...После нескольких сессий психоаналитик прерывает наконец свое молчание и выдает пациенту интерпретацию. То есть открывает ему глаза на ту самую злосчастную проблему, которая мешала жить. Начинается обсуждение, в результате чего происходит (или, увы, не происходит) осознание: человек по-новому смотрит на мир, он принимает вещи, которые раньше отрицал, и, наоборот, переживает в последний раз и отменяет воспоминания, которые делали его подавленным и несчастным.

Русские люди страдают теми же комплексами, что и весь мир, ничего такого особенного у нас в этом плане нет.

К психоаналитику приходят не тяжелобольные люди. Это, можно сказать, «легкие случаи». Неврастеники. Психоанализ — необычная терапия, она показана далеко не всем. Человек может ждать от нее одного, а в результате получится совершенно другое. Особенно трудно придется людям, имеющим слишком конкретное мышление. Естественно, легче всего психоаналитикам работать с творческими людьми. Но, как выяснилось, кто только к ним не приходит.

...И спросила я одного знакомого психоаналитика, а как, собственно, следует жить? И какой можно в этом деле дать совет? Что-нибудь типа: «Все будет хорошо, не берите в голову?» Посмотрел он на меня грустно и сказал, что, дескать, они, психоаналитики, — не соседки по коммуналке, чтобы советы давать, потому что одного совета на всех не бывает. Это Кашиповский может заниматься психологическим фашизмом: «Я сейчас считать буду, а вы все почувствуете счастье». А они — работают с личностями...

Но один универсальный совет все же есть: надо мозги развивать. Мир изучать. Книжки читать, интересоваться всем. Короче, быть «продвинутым» — есть такое хорошее новое слово.

И тогда, возможно, временами все будет о кей.

Анна ГАВРИЛКИНА

МЕСТО СМЕРТИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

Проблема в том, что все мы когда-нибудь умрем, раньше или позже. Вторая проблема: совершенно не с кем обсудить первую. Даже в том случае, если пришла болезнь и смерть стала жестокой реальностью.

С врачом и не мечтай поговорить о возможном уходе. В лучшем случае удастся уточнить диагноз, остальное сам додумаешь, если не совсем глуп. Врачу, во-первых, некогда. А во-вторых, для него смерть больного — горечь, крах и профессиональная неудача. О циниках в белых халатах не будем, да и нет таких садистов, которым бы и свой собственный врачебный провал был безразличен.

Медиконенавистников можно отослать к книге Н.Амосова, где он пишет, как стоял у окна великий хирург-виртуоз сердечных операций, а внизу в больничном двореке собирались родные на похороны умершей в его отделении девочки, и думал: «Господи! Ну почему я не стал истопником?» Нет, врач — не собеседник.

Не поручусь за точность утверждения, но поговорить о смерти ни с одним человеком при должности, будь это даже штатный психотерапевт в больнице, не удастся. Долгие лета заглядывать за грань жизни и интересоваться «что там?» было запрещено официально, потому что там — скорее всего, Бог. А мыслей о Боге государственная идеология ни терпеть,

ни тем более финансировать не могла. И «спихотерапевт» быстро спихивал мыслителя к общим словам и родственникам. А тем совсем плохо, когда уходит близкий.

В общем, ситуация такая, что хоть всем миром разыскивай буфетного мужика из толстовского рассказа. Он сказал «все умирать будем, барин», и Ивану Ильичу сразу стало легче.

Как ни странно, от разговоров о смерти иногда становится легче даже безнадежным больным. В это трудно поверить, но так свидетельствуют специалисты. Заговор молчания страшен, и человек обреченный становится одиноким вдвойне. Как ни удивительно, но такую недоступную обыденному сознанию истину постигли даже дети, пациенты онкологического центра. Шестилетний Кирилл популярно объяснил психологу Марине, как ему жалко маму, ведь она, бедная, и поговорить с ним не может. А он

знает, что умрет, ведь здесь все умирают с такой болезнью.

За дверью Марина заплакала. А потом сказала себе: «говори!». И стала говорить и действовать, то есть начала свой путь человека хосписа.

Для обыденного сознания хоспис — это место типа больницы, где можно пристойно и без страданий умереть. Только люди хосписа знают, что это — идея или философия. И начинает жить хоспис не тогда, когда открывается здание и комиссия пилит тупыми ножницами ленточку у дверей. Хоспис и все то горькое и милосердное, что с ним связано, рождается, когда находятся люди, готовые не отказаться от умирающего, не строить хорошую мину при плохой игре в «завтра выздоровеешь», а общаться, разделять его тревогу, избавлять от боли и страха. Вот почему для хосписных людей такое значение имеют разговоры о смерти.

Кто же они, люди смерти, и почему им не страшно прикасаться к запретному? Потому что хосписные люди — специалисты, и они умеют, специально этому учились. И в них есть что-то особенное, позволяющее посмотреть друг другу в глаза и сразу сказать: хосписный человек или нет.

Скажу сразу, я напрасно искала в лицах собеседников некую печать. Может быть, они были чуть мягче, интеллигентнее, чем лица обычных людей из толпы.

Но ни разу не проявилось на них приличествующее теме постное выражение и не прозвучало банальных сентенций. Хотя и Андрей Гнездилов, возглавляющий систему хосписов в Петербурге, и Вера Миллионщикова, создающая ее в Москве, и детский психолог Марина Бялик видели смерть много раз, но корой почему-то не обросли. Возможно, им просто некогда: в Петербурге на Гнездилове — три здания, выездная служба, дневной стационар, а в Москве стройка идет полным ходом — это Миллионщикова везет. Научная конференция

по проблемам смерти состоялась недавно — Марина запрягла Институт философии РАН и провела конференцию. Словом, посылку умирающие — процесс неизученный, работы здесь непочатый край. Но хоспис-то в Москве будет или нет? И когда?

Отчасти он уже есть, потому что есть добровольцы, посещающие безнадежно больных. Хоспис — система триединая, он должен состоять из выездной службы, готовой прийти на помощь домой к больному, дневного стационара, куда больной может прийти сам, и собственно клиники, где можно остаться до конца. Хоспис предназначен для больных раком в терминальной стадии и сможет принять больных СПИДом. Только в этих болезнях смерть скована временными рамками и ее можно предсказать. И прежде всего онкологическим больным приходится мучиться от боли, а хоспис нужен, чтобы избавлять от страданий, душевных и физических.

О боли, как выяснилось, никто тоже толком ничего сказать не может. У боли тысячи разных оттенков, она бывает колющая и режущая, мерцающая и вспышкообразная, давящая и расслабленная. Но главное, боль превращает умирающего человека в стонущее существо, в комок нервов, а человек должен уходить достойно. И первая задача специалистов хосписа — избавить от боли. Именно необходимость выполнять эту задачу то препятствовала открытию хосписа в Москве, то позволяла невероятно извратить саму идею, сводя ее к нулю.

Четыре года назад к нам в страну приехал Виктор Зорза, человек номер один в мировом хосписном движении. С тех пор как в 1975 году в Англии умерла его дочь, избавленная в хосписе от мучений, Зорза решил повсюду собирать народ и добиваться открытия хосписов в тупых и неразвитых странах. Туповатой в отношении проблем смерти оказалась Америка, где Зорза много лет работал как журналист-кремленолог, аналитик действий советской верхушки. В США, как и у нас, процветал деланный оптимизм, и, не найдись у Зорзы такого единомышленника, как сенатор Эдвард Кеннеди, может, и там бы до сих пор мучились. В Ленинграде Виктор нашел поддержку в лице Анатолия Собчака, и существует легенда, гласящая, что устав первого хосписа мэр писал у себя на кухне, обсуждая с Зорзой каждую строчку.

Думаю, что, и не будь поддержки в верхах, нашлись бы люди, каждый из которых по своей воле взваливал на себя заботу об умирающих. Врач Вера Миллионщикова продолжала приходиться к больным, когда их выпи-

сывали ввиду безнадежности, и встречалась с родственниками, а потом они отправлялись помогать страдающим семьям и вести разговоры, о важности которых уже упоминалось. Теперь добровольцы объединены в общество «Хоспис» по всей России, хосписы есть в Ижевске, Туле, Твери, Иванове и еще в 10 городах. Москва оказалась глубокой провинцией.

Существует несколько версий, объясняющих, почему предназначенная под хоспис 43-я больница так и не стала им еще в 1991 году. Когда Вера Миллионщикова и Виктор Зорза нашли больницу в поселке «Северный», в тихом ангельском месте, и прорвались внутрь почему-то с большим трудом, то оторопели от представшей перед ними роскоши: в больнице были даже моющиеся обои. Но и похолодели: такую роскошь обязательно уведут. И увели — помещение отплыло к иным берегам. Причина — в вечной московской привычке отхватывать и утаскивать лучший кусок, даже чужой, чтобы всюду распахивать блатных. Даже смерть могла стать достойной только по благу.

Но хоспис — милосерден, он не может действовать для богатых и бедных по-разному, и превращать его в придаток Четвертого управления Виктор Зорза был никак не согласен. Какое счастье, что в Главном медицинском управлении Москвы сменилось руководство, и новое готово руководствоваться идеей равенства: пока хосписов не хватит на всех, у нас они будут действовать по региональному принципу, то есть принимать только тех больных, кто живет на территории, приписанной к хоспису. И так до тех пор, пока не будут соблюдены международные нормы: один хоспис на 400 тысяч населения. Тогда место смерти можно будет выбирать по своему усмотрению.

Еще одна версия долгой московской несговорчивости — детективная. Она как раз связана с болью. Победить боль могут только препараты, приготовленные на наркотиках. Как это так — раздавать наркотики направо и налево, и неизвестно сколько, и не раз в день из шкафчика, запертого на ключ, а каждый раз, как потребует больному? А вдруг наркоманы налетят?

Наркоманам можно не беспокоиться: в хосписах используются препараты пролонгированного действия. Могучий кайф словить от них невозможно. Вводят препараты по методикам, предложенным ВОЗ с учетом состояния больного, и так, чтобы человек оставался в ясном сознании и не страдал. Хоспису нужно-то всего 150—200 граммов наркотического вещества в год (в год!), а при одной

операции по борьбе с наркобизнесом милиция уничтожает килограммы.

Чтобы лекарства не исчезали неизвестно куда, в хосписе должны работать особые хосписные люди. И еще раз хвала московскому медицинскому управлению, осознавшему, что в этом исключительном случае персонал будет подбирать фактически общественная организация, московское отделение общества «Хоспис», то есть Вера Васильевна Миллионщикова, будущий зам главного врача.

С болью связано и одно из извращений идеи хосписа. В 61-й больнице открыли нечто вроде хосписа, собрали туда умирающих старушек. Но для хосписа главное — больной и даже его причуды. Хочешь держать кошку или собаку — пожалуйста, а хочешь, чтобы тебя самого родственники держали круглые сутки за руку, — родным есть где приткнуться и где отдохнуть. Какие могут быть кошки в помещении московской больницы и что скажет родственникам обычная, не хосписная, медсестра, легко себе представить. В 61-й, естественно, нет домашних животных, никто не поставит тебе пластинку Шопена и не оставит близких ночевать. Но тогда это не хоспис, а сказать «немножко хоспис» или «как бы хоспис» нельзя, как нельзя «слегка умереть» или «как бы» скончаться. Смерть, к сожалению, приходит все-таки, и место ее прихода нельзя изменить, не извратив до неприятия милосердную идею.

Нельзя, а мы все-таки будем. И вот уже пытаются от опробованной системы хосписа оторвать кусочки, как кость кинуть. Давайте откроем кабинеты, где будем принимать для обезболивания. Давайте! Только как умирающий больной сползет по лестнице и доберется до кабинета? А тогда придется «скорую помощь» держать наготове. Но машина с врачом и ампулой обезболивающего и есть частица хосписа, почему бы не собрать все частицы под одну крышу и в интересах больного!

Коммерческое искажение идеи хосписа так банально, что о нем не хочется распространяться. Естественно, нашлись люди, желающие основать платный хоспис, и такой уже есть в Москве. Очевидно, когда у больных кончаются деньги, они просят об эвтаназии. Где находится это заведение, не имеющее права называться хосписом — по сути своей заведением бескорыстным и всегда бюджетным, — не скажем, за рекламу принято платить.

Настоящий хоспис — это другое, отличное от всего, к чему мы привыкли.

Фото И.Стомахина

ВОЗЬМУТСЯ ЛЬ ЗА РУКИ ДРУЗЬЯ — ПАУК И ОКУДЖАВА?

В.Бондаренко
(второй слева)
в окружении
соратников
и рокеров

— Естественно, когда рок внедрил на русскую почву, то спустя лет десять он стал явлением национальным. Конечно, не все мои друзья так думают. Внутри нашего патриотического движения есть люди, которые откровенно отрицают не только рок-н-ролл, но и любой вид художественного авангарда. (Я-то вообще считаю, что газета «День» — это явление национального авангарда. Потому что вся ее жизнь не укладывается в традиционные нормы.)

Любое талантливое проявление русского духа, в самых даже нетривиальных формах, — это привычное дело для России. В свое время были авангардистами и Пушкин, и Чайковский. Поэтому я не думаю, что появление полосы «Рок: русское сопротивление» в нашей газете выглядит искусственно.

Сегодня газета «День» объединяет два ведущих рок-направления. Металлистов во главе с Пауком и панков во главе с Егором Летовым. Хотя вроде бы они несоединимы.

...Мы встретились в «подпольной», по его собственному выражению, редакции «Дня».
Владимир Григорьевич БОНДАРЕНКО. Заместитель А.А.Проханова и одно из самых бойких перьев оппозиции. По профессии — литературный критик. Был завлитом МХАТа и Малого театра. Сейчас его то и дело называют «идеологом русского патриотического рока» (см. «Столица», № 48).
Собственно, мы и намеревались беседовать с Бондаренко именно об этом занятном явлении. Но с очевидной неизбежностью разговор наш не мог не перейти на другие темы.

(Недаром, когда мы делали свои фестивали, металлисты выступали в одном клубе, а панки — в другом. Молодежь разная — зачем нам устраивать побоища между нашими сторонниками?) Но при этом и у тех и у других Россия как таковая начинает все больше звучать в текстах. А значит, она звучит и в душах сотен тысяч девчонок и мальчишек.

Уже года полтора мы под разными афишами проводим свои мероприятия. В этом мы видим двойной смысл. С одной стороны, мы сами слушаем и смотрим, чем живет наша тусовочная молодежь. А с другой стороны — я не отрицаю, — мы преследуем и воспитательные цели. Через эти наши ансамбли мы проводим свои политические, социальные идеи, свою концепцию России.

— А чья конкретно была идея — полоса «Русский рок» в «Дне»?

— Может, это немножко нескромно, но это моя идея. А Проханов одобрил ее. Ведь если на то пошло, то Проханов в прозе своей — аван-

гардист. Недаром еще десять лет назад Проханов с Маканиным были самыми близкими друзьями. Были времена, когда Андрей Вознесенский тянулся к Проханову и очень любил с ним общаться. А спорили с Прохановым на страницах «Литературной газеты» как раз Распутин и Белов. Потом уже тема спасения великой России объединила новаторов и традиционалистов. В вашем лагере, кстати, есть точно такие же традиционалисты, как у нас Василий Белов. Ведь Фазиль Искандер — это еще один вариант Белова. Разделяет их не эстетика, а политика. Виктор Петрович Астафьев проклинал Андрея Макаревича, а сегодня они вместе подписывают пропрезидентские письма. Поэтому Проханов, которому близка открытость новым веяниям, меня поддержал. А лично на меня, может быть, повлиял сын. Сейчас он студент МГУ, хорошо разбирается в этой музыке. И потом, моим приятелем был Дима Ухов*: мы вместе учились в Литинституте. То есть я всегда знал музыкальный процесс.

— Но ведь, допустим, в клубе «Секстон», постоянным посетителем которого вы являетесь, много ребят, которые просто приходят послушать музыку, потусоваться. Как они вас воспринимают?

— По-разному. Понимаете, я ведь не боюсь общения ни с кем. Когда я иду на рок-тусовку, я прекрасно понимаю, что за молодежь туда приходит. Бывают и наркоманы, и алкаши... Но я повторяю, что если есть явление, в которое втянуты сотни тысяч молодых россиян, то, естественно, мы должны с ними взаимодействовать, если мы всерьез думаем о будущем России. Мы очень много спорили на наших летучках и с Сашей Невзоровым, и с Валею Распутиним, которые считают, что рок вообще — это нечто плохое. Но они пришли к согласию с нами. Они, конечно, не полюбили рок, но что же делать — сдаваться? Нет, если мы хотим бороться за Россию, то должны любить все то, что любит Россия.

— Одна из групп, которую вы пропагандируете («Зазеркалье»), поместила на обложке своего альбома свастику. Что бы ни говорил ваш постоянный автор Сергей Жариков об этом древнем символе и его космической семантике, у нашего народа к свастике вполне определенное от-

ношение, которое невозможно изменить.

— У меня самого в семье очень много погибших на войне. И мы всегда будем проклинать тех, кто на нас напал, кто постарался сделать из России колонию. Поэтому я лично считаю, что нам сегодня пропагандировать эту символику не к чему. Но когда речь идет о молодежных группах... Вот скажите честно, а вы верите, что это фашисты? Тут ведь присутствует момент эпатажа...

— Может быть, так оно и есть. Но ведь должна быть элементарная ответственность художника за свои дела. И поэтому, помещая свастику на обложку альбома, ему неплохо бы задуматься, адекватно ли это будет воспринято публикой. Тем более молодежной.

— А вот, кстати, вы поместили свастику на обложку одного из своих последних номеров! Объясните мне разницу между свастикой на обложке «Столицы» и свастикой на альбоме рок-группы. Это вещи одного порядка. Вы будете говорить, что тем самым вы хотели доказать, что свастика — символ партии Жириновского, но многие этого не поймут.

— По-моему, это исключительно вопрос контекста, и понятно, что...

— Ну да, а у этой рок-группы свой контекст! Давайте уж так: именно демократы сняли табу со слова «фашизм» и с фашистской символики. Именно демократы! Когда молодняк еще боялся даже трогать все эти понятия. Во всех этих «столицах» бесчисленное число раз называли фашистами Белова, Распутина, Шафаревича... А сегодня вы называете фашистами Жириновского и двадцать миллионов его сторонников. Это крайне опасная игра, она может закончиться тем, что не только какая-то рок-группа, а миллионы людей, в том числе и ветераны войны, скажут: да, мы фашисты.

Партия Жириновского по сути к фашизму не имеет никакого отношения, хотя мы относимся к ней с меньшим опасением, чем вы. Я-то, например, давно говорил, что Жириновский — подсадная утка в патриотическом лагере. Помяните мое слово: очень скоро он сольется в экстазе с Ельциным. И противостоять им двоим будем мы, наше движение.

— А как быть с Баркашовым, одним из авторов «Дня», который называет себя русским фашистом?

— Нет, ну мы-то публиковали те его статьи, которые не несут на се-

бе печать фашизма. А вообще я думаю, что он просто развивает те идеи русского фашизма, которые имели место на Дальнем Востоке в двадцатые годы. Это православно-монархическая модель русского фашизма, но все равно я думаю, что такой терминологии лучше избегать. Было бы правильней, если бы идеологи Баркашова говорили, как в свое время говорил Муссолини, о корпоративном государстве. Ну что ж, мы все равно считаем, что их идеи направлены на возрождение России и не несут расовой окраски.

— В последнем, уже нелегальном, номере «Дня» на полосе «Русский рок» есть заметка о Федоре Чистякове из группы «Ноль». Там говорится, что Чистяков стал жертвой нынешней карательной психиатрии, поплачившись за свои честные песни, что все рокеры требуют освободить узника, и так далее. Но ведь ситуация-то, мягко говоря, иная. Чистяков бросался с ножом на какую-то свою знакомую, чуть не зарезал... С политикой-то это уж все никак не связано.

— Ну, это мы уже пошли на измелчение темы. Это мелкий фактик, который может не вписаться в нашу беседу. В данном случае ребята из рок-тусовки просто хотели помочь своему коллеге и поддержать его таким образом — вот и написали. Обычное чувство сострадания... Наверняка и у вас в «Столице» подобные истории были.

(Потом Бондаренко долго и страстно говорил о недавнем жестоким разгоне силами ОМОНа панковской тусовки близ одного из московских ДК. Тусовку организовали Проханов, Бондаренко и самый яркий лидер правого рок-уклона Егор Летов («Гражданская оборона»). Безбилетная молодежь тогда пыталась всевозможными способами проникнуть на концерт своего любимца Летова, но внезапное появление ОМОНа положило конец этому бурному рвению. И самому концерту.)

— Да, возможно, ОМОН действовал безупречно. Но вы же не станете отрицать, что со страниц того же «Дня» (или «Завтра») постоянно несутся призывы, замешанные на сильной ненависти.

— Нет, ну, конечно, лучше бы жить по любви... Но, знаете, все-таки зачинатели баррикадного мышления — это демократы. Возьмем ситуацию в литературе. Ведь наши позиции были определены и десять лет назад. Но доста-

* Дмитрий Ухов — известный критик и историк джаза.

точно мирно — как и мы с вами — беседовали в «Литературке» Кожин и Сарнов, Золотусский и Ланщиков. И мы, например, могли спокойно, поспорив с Сережей Чуприниным, потом пойти с ним в ЦДЛ и выпить литр коньяку. Почему сегодня нельзя себе представить за одним столом Проханова и Юрия Карякина? Началось с того, что в начале перестройки ряд сотрудников «Литературной газеты» пригрозили забастовкой, в том случае если в «Литературке» будут печататься Бондаренко, Кожин, Лобанов, Ланщиков и кто-то еще. Началось с того, что перестали здороваться — это такая чисто дешевая интеллигентщина, — перестали здороваться с Распутиным, с Беловым писатели, которые намного ниже их по таланту. И шаг за шагом это баррикадное мышление все более развивалось. Кончилось тем, что нас уже на самом деле развели танки и автоматные очереди — четвертого октября. И если мы не сумеем преодолеть это, то может настать такой момент, когда мы с моим бывшим приятелем Сережей Чуприниным возьмем в руки автомат и будем стрелять друг в друга. Но я все равно скажу, что все-таки это начали демократы. И, кстати, сейчас об этом уже начинают размышлять многие из думающих демократов. Пример тому — «Независимая газета» или даже некоторые статьи в «Столице». Приходит понимание того, что вновь российская интеллигенция виновата в том, что она ведет страну к войне. Сперва не подают друг другу руки на пляже Коктебеля, а потом — пулеметные очереди у «Белого дома». За преступления прошлого кровавого года во многом ответственна наша интеллигенция. Интеллигенция русская объединяется-то даже не нравственностью высокой и духовностью, а ощущением вины своей перед народом. Если мы начинали перестройку и думали, что будет свобода, но не думали, что эта свобода закончится танковым расстрелом, значит, мы — дерьмо. Или, как говорил Ленин, — говно. Если мы сумеем восстановить чувство вины перед народом — тогда это уже снижение баррикадного мышления. Тогда не будет ни пулеметов, ни танков.

— Хорошо, но как в таком случае вы объясните те объявления в «Дне», где давались контактные телефоны для записи в военизированные формирования?

— Во-первых, я вам вот что скажу. Я уверен, что девять из десяти человек, которые навешивают на нас самые жуткие ярлыки, никогда

не читали «День». Они читали проклятия и клевету в адрес «Дня» и поэтому считают, что мы призывали вешать и убивать, чего не было. А другие, кто читал, явно гиперболизируют какие-то наши материалы. Да, мы давали список из двадцати журналистов, которые негативно относятся к России. Я не говорю, что тем самым мы хотели их порадовать. Но уж так, смеха ради, можно сказать, например, что мы считаем их героями России. А они прочитали и стали ахать: «Вот расстрельные списки!». Понимаете, это, что называется, на воре шапка горит. Значит, они сами чувствуют, что сделали что-то такое, за что их можно... Или вот мы давали список всех тех офицеров, которые стреляли по «Белому дому». Мы не писали, что это плохие люди. Я-то не скрываю, что считаю их предателями, подонками России, но мы дали просто список, а дальше — народ, разберись. Если ты считаешь, что это герои, — твое дело, если ты считаешь, что это предатели, — тоже твое дело. А расстрельными эти списки называют уже «Столица» или «Московский комсомолец».

А вот — молодежно-спортивная организация «Бейтар». Эти ребята и не скрывают, что принимали участие в расстреле «Белого дома». Или котеневцы. Это такой проельцинский отряд «афганцев». Кстати, любопытно, что они называются Народно-патриотической партией России. И они входят в «Выбор России». Более того, они-то, будучи гражданскими лицами, и сидели в танках, которые стреляли по «Белому дому». Вот вам ответ на ваш вопрос. Если существует «Бейтар», котеневцы... Нас разгромили раз, разгромили два. И мы, естественно, думаем о том, чтобы иметь какие-то возможности легальные отряды, которые не дали бы нам погибнуть.

— Вернемся все же к интеллигенции. Вы видите возможности для примирения?

— Я буду искать эти возможности до конца. И только если уж начнется кровавая мясорубка... Да даже и тогда, наверно, буду. Вообще, если вы следите за газетой «День», то эту концепцию мы проводим последовательно. Есть понятие — русская национальная элита. И вот у меня два твердых убеждения. Во-первых — ни пяди русской земли кому бы то ни было. Во-вторых — ни одного имени из русской национальной элиты я тоже не собираюсь отдавать кому бы то ни было. Я могу с Астафьевым спорить сто тысяч раз, но я никому его

не отдам. Вот, скажем, я был идеологом-теоретиком «школы сорокалетних». В эту школу входили и Маканин, и Личутин, и Киреев, и Есин, и Проханов, и Володя Орлов. Я буду делать все, чтобы Маканин и Личутин по-прежнему были вместе.

А враги России хотят, чтобы мы стреляли друг в друга, как в семнадцатом году. Собирается так называемая «демократическая писательская общественность». Посмотрите, кто это. Один — политкомиссар Союза писателей, человек, который «с наганом в руке» нас всех учил марксизму-ленинизму. Сейчас он главный демократ. Второй — в прошлом заведующий отделом «Правды». Третий — этот «бронзовый» советский литературовед брежневского времени!

А вот Булат Окуджава трижды «опоздал» на встречи с президентом. Я искренне аплодировал Булату Шалвовичу: отказать неудобно, а ехать неохота. Я знаю, как Андрей Вознесенский делал все, чтобы не подписать позорного письма в защиту расстрела «Белого дома». Так вот делали порядочные люди, чтобы не подписывать письмо против Солженицына. Не было мужества прямо отказать — и они скрывались. Кто-то в запой уходил, как Олег Ефремов... Так вот, сейчас талантливые демократы стараются из тусовки ельцинская исчезать. Я рад этому. Я понимаю, что вряд ли мы когда-нибудь с ними станем друзьями, но в рамках одной культуры мы будем существовать. Мы сумеем договориться.

— Вы уверены, что сможете договориться с тем же Окуджавой — после всего, что писали «День» и «Завтра»?

— Так ведь это все писалось не по адресу русских либералов и демократов, а по адресу режима уголовников. Я надеюсь, что со временем наши взгляды разделят и Андрей Вознесенский, и Булат Окуджава.

Вот на этой мажорной ноте...

Но если говорить серьезно, то корреспондент посчитал излишним присовокуплять к сомнительным оценкам Бондаренко свои комментарии как фактологического, так и идеологического характера. Интересно, знаете ли, поговорить по душам с человеком, находящимся по ту сторону баррикад.

Алексей БЕЛЯКОВ

Ксения КЛИМОВА

ОДИН СУПРЕФЕКТ И МОРЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Не прячьте ваши денежки по бархатным углам, а лучше достаньте их и выложите на стол.

А теперь лампочку ультрафиолетовую круглолицую приладим и посмотрим внимательно. Что это там проступает на купюре в 10 тысяч достоинством, сбоку? Буковки разные? Целое слово: «ВЗЯТКА». А может проступить число или название милой организации «ОБХСС», например. И кабалистика эта означает только одно: денежки ваши уже стали участниками процесса века, и кто-то уже сидит за то, что тронул их нежно своими пальчиками.

Давать супрефекту Смышникову взятку никому не хотелось. Во-первых, за что ему давать? За подпись на договоре о строительстве торгового центра, чтобы потом иметь право суетиться, искать инвесторов, добывать стройматериалы и наживать себе язву и головную боль? Во-вторых, кому давать? Пьянице, вымогателю и мелкому дебоширу. Деньги он немедленно пропьет, а когда супрефекта снимут, то придется заключать договор с новым хозяином и опять платить. Несправедливо.

Молодой человек Макс Курочкин и деловая женщина Вера Можайцева пребывали в смятении. Тем не менее деньги собрали, пусть не все. Зарвавшийся супрефект оценил свою подпись на договоре в один миллион, и это в то время, когда подержанный «Мерседес» стоил примерно половину! Полмиллиона в мелких купюрах и упаковали в целлофановый пакет, пакет засунули в коробку из-под французского спирта и поехали к Смышникову на дом.

И все бы обошлось, да только встретила Вере и Максу торчавшая в подъезде смышниковского дома милиция. Что несете, куда? У Веры душа ушла в пятки, а Макс замолчал на ближайшие сутки. Вера как женщина сообразительная смекнула, что лучше сотрудничать с органами, чем сидеть за взятку на скамье подсудимых рядом с супрефектом, и быстро призналась: взятку тащим, вымогает, коварный.

Дальнейшее развитие событий напомунало советский детектив с элементами эротики. Веру и Макса мгновенно доставили на Петровку, усадили перед борцами с экономичес-

кой преступностью, допросили и записали — на видео и просто в протокол. Затем гражданку Веру, согласную сотрудничать с органами, снабдили маленьким магнитофоном, чтобы записывать все подряд в подтверждение факта взятки. Поскольку одежды на даме было немного, возникли трудности с маскировкой магнитофона. Техсредство отобрали, взамен выдали радиомикрофон, упрятали его в... за... в общем, скрыли в одежде. Все в присутствии понятых и тщательно протоколируя каждое следственное действие.

Гражданка Вера трижды позвонила Смышникову по телефону. Все разговоры записали и фонограмму тут же перепечатали в протокол. Два раза Вера говорила с женой и один раз — с самим супрефектом. Дамы сплетничали и советовались, на что взятку истратить — машину Смышникову покупать не надо, а то он расслабится и не будет работать. Что именно купить, решили спросить у Макса — у него связи в торговле. Супрефект в разговоре был краток, но подтвердил: ждет Веру с деньгами.

Быстро погрузили Веру, коробку с переписанными и помеченными купюрами в автомобиль, попрятали туда же лампы, видеотехнику и оперативных работников и примчались к Смышникову уже поздним вечером. Вера юркнула в его квартиру и вышла оттуда через минуту. Следом вошли оперативники.

Супрефект в полосатом купальном халате представлял собой зрелище малозстетичное, но эпохальное. Увидев людей к кожанкам и суровых пиджаках, он лишь воздух втянул краем рта. Пока квартиру обыскивали, супрефект вяло бурчал, что не знает содержимого коробки, стоявшей посередине комнаты. Его выдали руки: под ультрафиолетовой лампой пальцы Смышникова светились, как шерсть лишайной кошки.

Выезжая на Петровку, супрефект еще попытался сам себе вызвать служебную машину. Не надо машины, сказали ему, у нас все есть. Подхватили под белые руки и умчали навстречу следствию, аресту, суду и двенадцати годам лишения свободы с конфискацией имущества.

Учение о взятке всесильно, потому что оно верно. И если писать трактат о претворении в жизнь глобального принципа «ты — мне, я — тебе», положенного в основу взятки, то страшно представить себе, сколько мумий отчаянно завертятся в своих гробах.

Простенькая история супрефекта муниципального округа «Крылатское» вносит мало нового в изучение вечного явления, но лишней раз подтверж-

дает жизнестойкость и изящество этого вида преступлений. Взятка нежна и интимна, как половая жизнь, и столь же неуловима и изменчива. Исследователь, сосредоточенный на официальной стороне дела, обречен. Он сломаёт себе голову над неразрешимыми вопросами. За что милый молодой человек Макс собрался давать взятку супрефекту Смышникову? По его собственным словам, и не собирался, а хотел лишь потрясти мешком с купюрами перед носом хозяина «Крылатского», чтобы убедить того в своей кредитоспособности. Но зачем Макс исполнять перед Смышниковым этот ритуальный танец? Чтобы супрефект подписал договор о строительстве центра с фирмой «Профит». Но Макс-то от этого какая польза, если в «Профите» вышеозначенный молодой человек не работает, а работает в другой фирме, по имени «Бавас»? И даже если «Бавас» тоже подрядится строить торговую палату, то зачем же Макс за это свои личные деньги платить? А уж какой смысл суесться Вере — искать инвесторов, договариваться, таскать тяжёлые коробки с деньгами — совсем непонятно.

Вера и Смышников познакомились в московском доме деловых свиданий — в Моссовете. Вера просила поспособствовать в поисках офиса для своей фирмы, а Смышников — в поисках строителей центра. Строитель нашёлся. Он даже выкупил проект у проектной конторы и в целях установления теплых отношений подарил супрефекту микроволновую печь. Исключительно из чувства личной симпатии. А потом вдруг исчез с горизонта, плюнув на потраченные деньги. Странные у нас коммерсанты. Есть сведения, что с этим генподрядчиком встретилась группа товарищей из числа конкурентов и посоветовала не тратить силы, а лучше — исчезнуть совсем.

Всевозможных фирм вокруг строительства торгового центра увивалось предостаточно. Взаимоотношения их напояли возню собак на помойке. В таких случаях побеждает тот, кто быстро вскарабкается на мусорный ящик и пролазит оттуда: убирайтесь все или будем разбираться! А что такое разборка с участием автоматического оружия, знает в городе каждый подросток. Но к взятке это имеет весьма призрачное отношение. Взятку давали не фирмы, и даже не представители фирм, а просто люди.

Прятели, почти друзья, Вера и Макс договорились с женой супрефекта Галей, что привезут нечто для Владимира Николаевича. Вера жаловалась на усталость, а Галя хвали-

ла внешность приятельницы, Макс же обещал заглянуть завтра, насчет договора что-то утрясти. То, что следом за Верой заглянула милиция, — нелепая частность. Никто в этой истории и не помнил, что за Верой, Максимом стоят предприятия с их счетами в банках и коммерческими интересами. И то сказать, на счету Вероиной фирмы не было ни копейки. Ничего себе, спрут отечественной экономикой.

«Бавас» брали той же ночью, через пару часов после того, как был «захвачен с личным» супрефект Смышников. Так и хочется спросить: не отстреливался ли?

В офис «Баваса» на Смоленской ворвались те же борцы с экономической преступностью в кожанках. Сунули пистолет в затылок раскосому охраннику, двинули его ботинком по голым ногам, чтоб стоял смиренно. Быстро одели остальных в наручники, быстро пронесли по всем помещениям, двери открыли, диван отодвинули. В комнатке, закрытой от лишнего взгляда, нашли никак не оприходованные деньги, аккуратно расфасованные по целлофановым мешкам: 135, 500 и 100 тысяч. Из-за дивана извлекли спортивную сумку с мирно спящим в ней автоматом Калашникова. А еще нашли пистолет «Милбро» и кобуру. И долго ползали по полу, пересчитывая рассыпанную наличность и недобро помяная свою зарплату в 3—5 тысяч по тому времени.

Итоги операции: супрефект по обвинению в получении взятки — один. Макс по обвинению в даче взятки (ко-

торое потом успешно рассыпалось) — ноль. 735 тысяч в доход государства. Уголовное дело, возбужденное против охранника «Баваса» за хранение оружия — выделено в отдельное производство. И фирмы «Бавас», «Профит» и др., с которыми неизвестно что делать. Они сами неизвестно что делали.

Вот и спрашивается: зачем «Бавас» понадобилось трогать? Может быть, фирма и не стала бы строить центр и покупать кого-то и грозить оружием. И вообще «Бавас» — товарищество с ограниченной ответственностью. Но мы уже заметили: действуют не фирмы, работают люди, чья ответственность за судьбу свою нелегкую безгранична, как и море возможностей к перемене участи. И если писать трактат о современной взятке, его так и следует назвать: «Старик и море возможностей». Роман века.

Возможности, дарованные судьбой, Смышников и раньше использовал прекрасно, а если судьба жмотничала, успешно ее потораливал с дарами. Мало ли фирм зарегистрировано в Крылатском! Всяких «Люксов», «Беркутов», «Варанов». Для успешного общения с ними по поводу помещений под офисы и другую недвижимость Смышников основал при муниципальном округе «Крылатское» целое коммерческое производственно-техническое управление. При этом ухитрился нарушить штук пять законов и штук шесть действующих положений. Зато создал отличные условия для того, чтобы спокойно брать и чтобы неуклонно давали. Фирму «Профит» и Макса с

Кадры из оперативной видеосъемки:

Деньги, изъятые в ходе операции

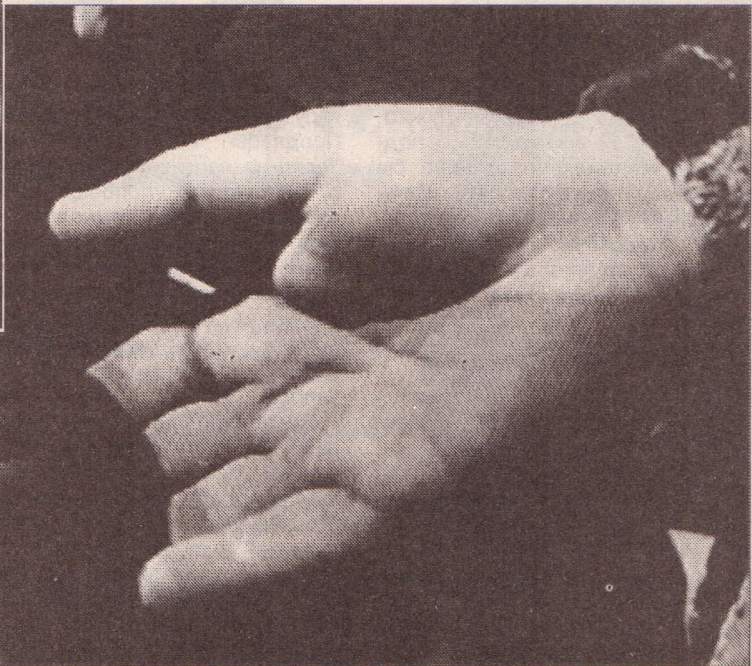

ресчитать все деньги, поступавшие за аренду! Неудивительно, что арендаторы порхали вокруг супрефекта как бабочки и могли в любой момент выпорхнуть из предоставленных помещений, а могли и оказаться внутри. Могли получить разрешение строить, а могли получить шиш.

Поначалу Смышников намекал на благотворительность — именно в благородных целях притащила ему 50 тысяч фирма «Плазматек» за право довести до ума недостроенное

здание магазина в Крылатском. Какие именно блага и кому творились на немалые для 1991 года деньги, думаю, узнать уже не удастся.

Забавно складывались отношения супрефекта с коммерческими банками. Однажды уборщица «Примбанка», явившись утром на работу, застала в офисе двух невыспавшихся мужчин. Один из них предложил ей стремительно исчезнуть. С появлением сотрудников банка выяснилось, что Смышников — это он и был —

Пальцы взяточника светятся под ультрафиолетовой лампой

деньгами Смышников ждал несколько месяцев, потому что точно знал: придут и дадут, не одни, так другие. Когда он подписывал исторический договор, кто-то сказал: ваша подпись стоит миллион. Смышников и не отрицал, даже заметил: ну и что же, земля стоит дороже. Он чувствовал себя хозяином земли. И был им.

Решения от имени Совета муниципального округа Смышников принимал единолично и принял с января 1991-го по апрель 1992-го 105 исторических решений. Причем лишь 20 из них касались обеспечения населения «Крылатского» необходимым для жизни. Остальные — офисов и стоянок. Набрал себе штат в 37 человек, из коих работало лишь 15. Раздавал деньги по трудовым соглашениям. Не терпел подле себя элементарного бухгалтерского учета. Не утруждался особым учетом арендаторов жилых помещений, да и самих помещений тоже. Чистая фантастика, но банковских счетов для перечисления арендной платы Смышников завел целых три штуки. Попробуй разом пе-

Смышников откровенно растерялся

явился в офис накануне вечером изрядно навеселе и с бутылкой шампанского в руках. Устроившись в кресле председателя правления банка, Смышников потребовал бокал и красиво распил игристое. Сам председатель прокомментировал происходящее мрачно: «Опять нажрался».

У банкиров хозяин Крылатского брал бутылками, мелкими деньгами и ночевками в офисе, о чем возмущенные коммерсанты писали в Моссовет и в прокуратуру, справедливо расценивая появления Смышникова как попытки превратить хранилища денег в «кормушки и балаганы». Сам же супрефект искренне полагал, что, заключив договор о сотрудничестве с филиалом ереванского банка «Анелик», он укрепляет дружбу между народами, и свои взятки, очевидно, расценивал как дружеские. Но мог и рассердиться. Строптивый «Анелик» не проявил должной заинтересованности в сотрудничестве с супрефектом, и договор с «армянской стороной» был расторгнут, а помещение банка опечатано.

Когда Смышников предстал перед судом, коммерсантов, чьи письма о деятельности супрефекта сегодня невозможно читать без слез, пригласили давать показания. Но они почему-то не явились. Тем более странно, что хватило бы и одного-единственного явления: филиал «Анелика» и «Прима-банк» возглавлял один и тот же человек.

Но еще забавнее то, что Смышников, барски шествовавший по офисам, на самом деле был и оставался всего лишь... главным врачом профилактория СПТУ, где числился на работе до апреля 1992 года, то есть почти до исторической взятки. Как же не процветает этому радужному явлению, если дают кому попало и берет кто попало?

Самое трудное — понять, как Смышников, врач по образованию, оказался хозяином «Крылатского». Вехи его биографии, можно сказать, само время расставило — время демократических перемен, преобразований, а главное, экспериментов. Создание в Москве муниципальных округов — гениальный эксперимент, открывающий то самое море возможностей.

С инициативой эксперимента выступили депутаты комиссии Моссовета по развитию самоуправления Смышников В.Н. и Великий П.Я. Первыми стали «Братеево» и «Крылатское». Смышникову досталось «Крылатское». В январе 1991 года было принято решение исполкома Моссовета об экспериментальных муниципальных округах, в марте — определены границы «Крылатского», а в авгу-

сте — распоряжением вице-мэра Ю.М.Лужкова Смышников был наделен полномочиями главы администрации округа. Он уже действовал вовсе как председатель совета, а раньше — как глава территориальной депутатской группы и комитета самоуправления. Поскольку полномочия и того, и другого, и третьего размыты. И никто точно и теперь не знает, что такое супрефект.

Когда художества Смышникова приобрели размах и стали известны и в Моссовете, и в прокуратуре, выяснилось, что никто не знал, как же снять с должности наглого супрефекта. В ноябре 1992 года, когда Смышников уже сидел, префект Западного округа А.Брячихин, направляя Лужкову, уже мэру, характеристику подследственного, намекнул: хорошо бы в дальнейшем супрефектов назначать в общем порядке в префектуре, поскольку существует положение о муниципальном округе. Когда Смышников начинал править, не было положения. И поскольку назначен он был Ю.М.Лужковым, никто не рисковал его снять.

Ни один из документов, касающихся муниципальных округов, не устанавливает четких временных границ эксперимента, рассчитанного вроде бы до начала 1994 года. Продолжение следует, и кто решит, насколько оправдала себя практика муниципального управления, какие специалисты примут участие в обсуждении итогов проекта, — неизвестно. Предполагалось, что эксперимент будет удачным. Он и удался — для хозяев округов. Потому что имущество муниципальных округов (в отличие от границ полномочий) было определено четко и сразу: в собственность округ получал все: предприятия, учреждения, здания... Владейте!

И владеют. Есть новые опыты: те, кто не успел поплясать на костях супрефекта Смышникова, могут насладиться историей заместителя супрефекта муниципального округа «Преображенское», дело которого будет слушаться в Мосгорсуде в том же зале. Можно только порадоваться знакомым обстоятельствам. И в деле новом, и в деле старом фигурируют специально созданные для общения с предпринимателями управления (в «Преображенском» — дирекция), и недвижимость, и договор о ней, желанной. И помпезное задержание с поличным. Миллион за подпись — теперь не деньги.

Даже вехи биографии супрефекта «Крылатского» и зам. супрефекта (надо же такое звание избрести!) «Преображенского» совпадают. Смышников приобрел рыночное мышление на строительстве профилактория, а но-

вый подследственный — в жилконторах. И ловили обоих одни и те же люди. И лампа покорно высветила помеченные словом «взятка» деньги. Скучно на этом свете жить, господа.

Чтобы поразвлечься, расскажем еще одну историю, в свое время и она всплывет в Мосгорсуде. Пока самое существенное в ней — пакетик, а в нем (правильно!) — деньги. Пакетик из-под жвачки «Манго» хранил 7 миллионов для следователя. За ерунду взял: за подпись на постановлении о прекращении уголовного дела. Да оно бы и само прекратилось, хоть в деле и фигурируют (что? — правильно!) автоматы Калашникова.

Некая фирма купила у людей квартиру и что-то начудила с договором. Продавцы выметаться отказались. Тогда на пороге у них возникли люди с автоматами, пообещавшие разобраться. Жильцы помчались в милицию. Так и возникло уголовное дело. Но поскольку установить четкую связь между явлениями громил с оружием и фирмой, неспособной выцарапать у продавцов квартиру, скорее всего, не удалось бы, дело само бы и прекратилось.

Так, может быть, и не городить огород? Не создавать могучих следственных бригад, не вести бесконечных допросов, не занимать специалистов, не сыпать всякую дрянь на денежные купюры? Просто признать взятку как атрибут существования, раз уж она у нас так прижилась.

В Италии теперь политическую систему строят так, чтобы никто никому не мог дать — чтобы это не имело смысла. А мы городское хозяйство устраиваем так, чтобы давали и брали, да еще заводим мутную воду экспериментов. Может быть,

отступить, и пусть они все и всех купят? Заплатят и будут строить свои торговые центры и сами их поделят, нам-то что? Заплатят и получают на откуп социальную государственную программу. Ну, подерутся перед тем, как заплатить. Так это же между собой.

Подерутся, и заплатят, и решат, кому быть президентом. Ну, придут разок с автоматами. Что мы, автоматов не видели? И кто сказал, что мафия — это плохо, ведь мафия всегда наводит порядок! А после того, как обрыдла всякая демократия, самое время приходит мафии.

Только это будет — **их** порядок, **их** президент, потому что им принадлежат деньги и автоматы. И мы тогда уже будем не мы, а **их** люди. Ведь заплатили же.

Леонид НИКИТИНСКИЙ

«СПРОСИТЕ

ЗОЮ»

*Как она
приватизировала
женский
журнал*

Журналистика сама по себе — профессия довольно гнусная и опасная не только в физическом смысле. Врать надо часто — это раз. Молчать — это два. И все время где-то рядом большая власть и много денег. С министром — за ручку. С банкиром на брудершафт. И все как-то мимо клюва. А это соблазн.

Выпущенные из клетки цензуры, певчие птицы «гласности» поначалу зашлись трелями и воспарили, но скоро сникли: нечего стало клевать. Поется сладко на воле и даже обо всем, чего душа попросит, отчего же так тянет вернуться на крепкую государственную жердочку?

В длинных коридорах газетных редакций и в монтажных студиях телевидения кукушкиными птенцами появились коммерсанты: непривычно для этих коридоров модно одетые, непривычно самоуверенные, со своими какими-то повадками и увертками, короче: чужие — хотя вчерашние коллеги, до боли знакомые, но совершенно неузнаваемые. И эти птенцы странного, измененного оперения стали учить газетчиков, как надо делать газеты. Умных слов поменьше, титок побольше, а главное — отрежьте нам вот тут полосочку, мы разместим рекламку какого-нибудь «экарамбурса», и всем сразу станет хорошо. И ваши лапки будут чистенькие, перышки беленькие, вы себе пойте, небесные, а поклевать мы вам принесем.

1. Что может быть страшнее голодной «Работницы»?

Все так изменилось в этой жизни, кроме судебного присутствия. Рядом, на Цветном бульваре: и новый «старый цирк», и в старом рынке новые рыночные отношения, а здесь, в Свердловском райсуде, все те же желтые казенные скамейки и обшарпанные стены. И пусть не вводит нас в заблуждение новая обложка: под ней все тот же скучноватый, лишенный сенсаций очерк об административной расправе.

Маша Мусина, известная давним подписчицам «Работницы» по рубрике «Подружка», любимая ими за криминальные очерки про всякие страсти-мордасти, была уволена в октябре за «систематическое нарушение трудовой дисциплины».

Но даже районному суду, который старался придерживаться рамок индивидуального трудового спора, вскоре стало ясно, что он — лишь проявление и свидетельство какого-то другого конфликта, гораздо более глубокого, важного и давнего, касающегося, может быть, не только и не столько «Работницы», сколько сегодняшней журналистики в целом.

Политические и финансовые бури гремели где-то поблизости, буквально на соседних этажах журнального здания издательства «Правда», но «Работницу» до поры до времени обходили стороной. «Девочки», как сотрудницы сами себя предпочитают называть в смысле обозначения скорее общего душевного, нежели индивидуального физиологического состояния, привычно писали про семью и школу, про кройку и шитье, ратовали за права женщин и тружениц, а также в духе времени пели какие-то новые песни про ваучеры и акционирование, хотя и не очень понимая, что это такое (а кто, собственно говоря, понимает?).

Лицемерие, унаследованное журналистами еще от агитпропа, заключается, оказывается, даже не в том, что мы сознательно врем своим читателям, а в том, что и сами не знаем: то ли врем, то ли говорим правду, перелажая на музыку слова, доносящиеся из высших сфер.

«Приватизация», «акционирование»... Эти нездешние и заманчивые термины, обращенные к другим, конечно, бессчетное число раз производились «девочками» со страниц своего издания, прежде чем кому-то из них пришло в голову: а может, нам самим — того, как это? Акционироваться? Говорят, от этого бывает хорошо. Да ну? А кто говорит-то? Да

вот же мы сами про это и пишем!..

С таким отчасти еще наивным предложением — провести общее собрание женколлектива и обсудить на нем вопрос об акционировании — «девочки» пошли к главному редактору Зое Петровне Крыловой. Однако страшное слово «акционирование» вызвало с ее стороны реакцию, которая всякому непосвященному показалась бы совершенно неадекватной.

Вместо общего собрания Крылова собрала редколлегия, шестеро членов которой вывели из своего состава четверых редакторов ведущих отделов: Ларису Богданову (отдел семьи), Людмилу Гаврюшенко (отдел морали), Надежду Осьминину (отдел публицистики) и Наталью Аришину (отдел литературы и искусства). Этим членам редколлегии, посмеявшимся заикнуться о переменах в журнале, было предложено подавать заявления об увольнении. С сотрудницами рангом пониже церемонились еще меньше: троих Зоя Петровна собственноручным приказом уволила по сокращению штата «в связи с тяжелым экономическим положением» (позже они были восстановлены).

«Девочки» решили воззвать о помощи к профсоюзной организации и, естественно, этого пережитка развитого социализма в редакции не обнаружили. Тогда они в количестве десяти человек образовали собственный независимый профсоюз и даже где-то зарегистрировали его, что, кстати, оказалось совершенно согласно сегодняшнему закону. Новый девичий профсоюз попросил начала представить: штатное расписание, балансовый отчет, расчетные карточки по зарплате, устав родного журнала «Работница».

У них и в мыслях не было превращаться в частных детективов. Но по мере драматического развития сюжета их, конечно, по-человечески и по-женски тоже заело. Можно дискутировать, вправе ли рядовой сотрудник ознакомиться с банковскими проводками, может, там и правда зарыта какая-то коммерческая тайна. Но уж учредительные-то документы, по которым работает журнал и которые принимались, по идее, самим коллективом, разрешите, пожалуйста, посмотреть? — Нет!

В свете такого развития событий голодовка восьми «членов профсоюза», которая поначалу была воспринята в журналистском мире как некий девичий эксцесс, уже не выглядит такой взбалмошной, истерической затеей. Ответом на нее стал приказ о восьми выговорах, затем приказ о снижении зарплаты, затем об отпра-

лении всех в принудительный отпуск, потом еще новый приказ, которым в полном противоречии с предыдущим главный редактор обязала всех журналистов находиться на рабочих местах ежедневно с 10.00 до 18.00. Естественно, при таком режиме увольнение любой из сотрудников администрации стало как бы вопросом техники. Спецкор Мусина стала лишь первой из намеченных жертв. Вряд ли Зое Петровне даже в голову приходило, что какой-то там суд может ее куда-то восстановить. А разве у нас есть еще суд?

Расколы редакций, известных и дружных в прошлом коллективов, в числе которых «Работница» представляет лишь частный случай, стали тоже одной из примет времени. На поверхность конфликтов, раздирающих сегодня бывшую советскую прессу, могут выходить усугубляющие их и играющие вполне реальную роль политические или творческие разногласия, однако фоном во всех случаях является поиск источников финансирования.

Первым через финансовый передел прошел флагман перестройки — журнал «Огонек». Результаты с точки зрения его читателей оказались плачевными. В конце прошлого года дала трещину всегда славившаяся своим дружным «духом 6-го этажа» «Комсомолка», отколовшаяся от нее наиболее талантливая часть родила «Новую ежедневную газету» параллельно с отколовшейся частью «Независимой газеты», которая родила «Сегодня» от финансовой группы «Мост», который родил потом еще и «НТВ» от первой программы Центрального телевидения. Сходные бракоразводные процессы идут в региональной прессе, на телевидении за кадром не прерываются семейные скандалы и разборки.

Эти процессы, вероятно, объективно неизбежные, нигде не проходят безболезненно. Но ни в одной из редакций, сколько нам известно, они не принимали такого размаха, таких откровенно насильственных и непристойных форм, как в тихом и приличном женском журнале «Работница».

2. Вопросы под протокол

Мирок московской журналистики очень тесен, и здесь о таком человеке, как Зоя Крылова, навести справки не составляет труда. Таким образом, я знаю про нее довольно много как имеющего, так и не имеющего отношения к данному делу, однако лицом к лицу она со мной встретиться отказалась, несмотря на неоднократные и

настойчивые просьбы. Не чувствуя себя вправе рисовать ее портрет в полный рост, я сообщу читателям лишь самые общие сведения.

В шестидесятых годах в «Комсомольской правде» появилась молоденькая, очень активная, улыбчивая, умевшая всем понравиться и со всеми подружиться сотрудница — Зоя. Звезд с неба она не хватала, но старалась и скоро стала, что называется, «крепкий профессионал». В начале семидесятых вела популярную рубрику вопросов и ответов, которая так и называлась: «Спросите Зою».

В конце семидесятых Зоя Крылова стала членом редколлегии, в восьмидесятых направлена в Академию общественных наук при ЦК КПСС. По ее окончании назначена главным редактором журнала «Работница» издательства ЦК КПСС «Правда». Состояла членом Комитета советских женщин, избрана народным депутатом СССР, член ЦК КПСС последнего созыва.

В 1990 году после принятия Закона о печати «Работница» была зарегистрирована, наряду с другими изданиями издательства «Правда», как орган, учрежденный, с одной стороны, упомянутым издательством, а с другой стороны — трудовым коллективом журнала. На учредительном собрании трудового коллектива в 1990 году, как помнят «девочки», кто-то заикнулся о выборах главного редактора — скорее, для проформы, но и эту попытку демократии Зоя Петровна пресекла: «Меня назначили в издательстве «Правда», какие еще выборы?». Естественно, кто бы с ней стал спорить в 1990 году — с членом ЦК?

После распада СССР все средства массовой информации должны были пройти перерегистрацию в Министерстве печати теперь уже России, для чего предложить переработанные уставы. Такой устав «Работницы» и был зарегистрирован в декабре 1991 года, причем в качестве единственного учредителя остался только трудовой коллектив. Регистрация была произведена со ссылкой на общее собрание, якобы утвердившее измененный устав и избравшее главным редактором Крылову. Однако никаких следов этого собрания нигде в «Работнице» не сохранилось. «Девочки» же утверждают совершенно недвусмысленно, что его и не было вовсе.

Журнал перестал быть государственной собственностью, от издательства отпочковался. Однако какая же это собственность? Акционерная? Нет. Коллективная? Но ника-

В 1991 году мало кто знал слова «приватизация» или «акционирование». И коллектив «Работницы» был счастлив?

кое товарищество здесь не учреждалось, работники таких вопросов не обсуждали, устава не утверждали, органов своих не избирали. Более того, если принять сведения о подделке протокола учредительного собрания за достоверные, то такого журнала вроде бы и вовсе нет. А практически — не де-юре, а де-факто — получается, что журнал принадлежит лично Зое Петровне Крыловой. И это су-

щественно в плане принципа, известного еще в римском праве: плоды и доходы, приносимые вещью, принадлежат собственнику вещи.

Но, помилуйте, какие уж тут доходы при таких-то ценах на бумагу и полиграфические услуги, при таких расходах на распространение — одни убытки! Как посмотреть. Если вообще удастся посмотреть, что, однако, оказалось довольно трудно сделать

даже уполномоченным на это органам внутренних дел. Поэтому пока нам придется ограничиться вместо ответов цитированием вопросов, которые были заданы, в том числе, на первой и последней расширенной редколлегии журнала, в какой-то мере касавшейся его финансовой деятельности, 24 сентября 1993 года (по стенограмме, заверенной пятью «членами профсоюза»):

«ОСЬМИНИНА. Профсоюзу стали известны факты вопиющих нарушений. **КРЫЛОВА.** Не надо давать оценок. **ПОЛЯНСКАЯ** (бухгалтер). У нас 24 миллиона убытков на второе полугодие. О средней заработной плате творческих сотрудников — она 140 тысяч. **БОГДАНОВА.** Нам не нужна средняя заработная плата, нам нужны сведения о существующем штатном расписании. Каковы итоги инвентаризации? **КРЫЛОВА.** Не горячитесь, берегите свое здоровье. Не все у нас отработано, не все коммерческие вещи мы умеем делать. **БОГДАНОВА.** Реклама в руках двух-трех человек, которые на ней греют руки и не хотят никого подпускать. **ГАВРЮШЕНКО.** Почему в шести номерах идет бесплатная реклама семян? **МУСИНА.** При нашем-то «тяжелом материальном положении». **КРЫЛОВА.** Мне иногда звонят, просят... **МУСИНА.** Кто принимает решение о печатании такого количества бесплатной рекламы? (Молчание.) **ГАВРЮШЕНКО.** Кто занимается валютной рекламой? Куда перечисляются средства? В 1991 году в пяти номерах печаталась реклама Евангелистов. Где деньги? **ОРЛОВСКИЙ** (ответственный секретарь). Я ездил в Австрию вместе с Зоей Петровной. Нас пригласила в Австрию фирма, которая оплачивала эти расходы. **БОГДАНОВА.** Мы спрашиваем о валютных счетах, а в ответ невразумительное. **КРЫЛОВА.** Не надо домысливать. Был приказ сдать 22 сентября материалы в первый номер. А вы работаете над компрометацией журнала. **ОРЛОВСКИЙ.** Здесь идет торг, как на рынке. Где творческая атмосфера? **КРЫЛОВА.** Есть еще вопросы?».

Да, вопросы есть. Как в той давней рубрике: «Спросите Зою». Спросите, кто на это как-нибудь уполномочен, может, она в конце концов и ответит. А мы, со своей стороны, исчерпав собственные возможности, вправе лишь констатировать, что есть вопросы, которые абсолютно правомерны и которые остаются открытыми.

Например, отдел по борьбе с экономической преступностью сейчас пытается ответить на вопрос о двух с половиной тысячах долларов, которые были получены еще от издательства «Правда» на несостоявшуюся поездку в Китай и списаны, в том числе, на траты «девочек», которых они, по их собственным утверждениям, не производили. И, может быть, это и правильно, что в журнале печатается бесплатная реклама не только магазинов для сирот, а расценки на другую рекламу занижаются в десятки раз,

может быть, это каким-то образом выгодно для общего дела. Но в таком случае почему это решается тайно и узким кругом людей, которых никто для этой цели не выбирал, не назначал и не уполномочивал?

В судебном заседании по вопросу о восстановлении на работе Мусиной в ответ на требование ее адвоката юрист редакции Заур Закиров официально предъявил суду в качестве устава журнала документ 1990 года. А никакого другого и нет. И собрания не было.

Боже упаси, мы не обвиняем ни главного редактора, ни кого бы то ни было из сотрудников журнала в присвоении какого-либо имущества — мы же не прокуратура. Но в отношении журнала «Работница» не в качестве некой массы имущества, а в виде марки или, если хотите, интеллектуальной собственности, мы уже и сейчас скажем: имя и интеллектуальные возможности «Работницы» присвоены его руководством во главе с главным редактором Зоей Петровной Крыловой — как будто бы журнал был ничей и просто валялся на дороге.

3. Кто платит, тот и заказывает музыку?

Логика политических событий привела к тому, что рухнул один из самых стойких мифов перестройки: миф о независимой прессе. Никаких независимых средств массовой информации нет и при нормальном ходе исторических событий не может быть нигде в мире. Слово слишком дорогостояще во всех отношениях, чтобы долго быть независимым, оно не как воробей: как вылетело по недосмотру в междуцарствие, так и поймают.

С другой стороны, журналисту чувство личной независимости свойственно имманентно, иначе он уже и не журналист и его профессия должна называться как-то иначе. Но как таковой — он, скорее, по части пицци духовной, а не для брюха. Пока все средства массовой информации в стране были государственными (или партийными, или профсоюзными — что то же), журналист одной рукой брал от государства, а другой боролся с ним за свою независимость.

Теперь наступило время союза между журналистом и бизнесменом, капиталистом по-старому, и борьба за независимость слова и печати тоже будет вестись соответственно между ними. Новое содружество у нас, журналистов, восторгов не вызывает, но и принципиальных возраже-

ний тоже: как прежний брак был по расчету, так и этот не по любви. Но брак по расчету должен быть, по крайней мере, честным, иначе это уже мошенничество. Можно делить общий пирог в разных пропорциях, иногда, с чьей-то точки зрения, может быть, и несправедливо, но размеры долей должны быть предметом договора, а не чьего-то одностороннего тайного решения.

Журналисты давно и пристрастно изучают феномен «номенклатурной приватизации». Возьмите любую газету, и вы прочтете, как бывшие «красные» директора, быстро освоившись в капиталистических отношениях, присваивают себе в самых разнообразных формах прибыль, приносимую заводами и парходами, да и все, что только способно ею плодоносить. Думаю, что и журнал «Работница» от такого материала не отказался бы, а его главный редактор Зоя Крылова даже, наверное, в ладоши бы захолопала.

Так зачем далеко ходить? Номенклатурная приватизация — вот она. И проблема ее заключается вовсе не в несправедливости, потому что несправедливости вообще понятие слишком относительное. Проблема в бесчестности, бесстыдстве, рвачестве и халужничестве. Она, вероятно, имеет объективную почву и возникает неизбежно, будь то алюминиевый завод или журнал «Мурзилка». Но размеры ее и острота далеко не одинаковы и зависят уже от качеств конкретных личностей.

Раньше, при ЦК, членом которого была Зоя Крылова, ее после такой статьи с треском сняли бы с работы. При одном маленьком условии: что такую статью в том же ЦК вообще разрешили бы напечатать, а это, безусловно, было бы совершенно невозможно. Зато теперь возможно: пиши — не хочу, свобода слова. Но и действия никакого: главного редактора Крылову как никто на это место не назначал, так некому, в общем-то, и снимать.

Так чего же мы в таком случае хотим? Мы совершенно не хотим посадить Зою Петровну в тюрьму. Мы не хотим оккупировать и стричь купоны с журнала «Работница», хотя перерегистрировать его по правилам и провести соответственно выборы главного редактора там было бы, как нам кажется, уместно. Но главным образом мы хотим честно выполнить свой журналистский долг, как мы его понимаем: сообщить нашим читателям кто есть кто.

Фото из семейного альбома, 1939 г.

«Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории, и смотрят на ее листы как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. (...) Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей (...) она питает нравственное чувство, и праведным судом своим располагает душу к справедливости...»

Слова Карамзина пришли мне на память, когда я готовил к печати фрагменты мемуаров Наталии Сергеевны Полозовой — человека, прожившего жизнь долгую и достойную, хотя и негромкую. Жизнь простого гражданина России — а ведь и это звание надобно если не заслужить, то оправдать.

«В нашей семье соединились два рода, Нахимовых по матери и Полозовых по отцу. Дед мой по матери Сергей Нилович Нахимов был внучатым племянником Павла Степановича — адмирала, героя Севастополя. Дед мой со стороны отца — Полозов Николай Александрович — был помещиком города Рославля Смоленской губернии. Затем стал купцом

2-й гильдии. Семья была уважаема в городе. В книге скульптора Коненкова «Мой век» она расценивалась как Рославльский университет...» — это я выписываю из той части мемуаров Н.С.Полозовой, где она рассказывает, что знает и помнит о своих предках.

И в этой части ее заметок, поражающих массой живых деталей и вместе с тем строгостью, предельной точностью, и в краткой родословной, и в записках о раннем детстве есть множество примеров того, как человек «из массы», «простой гражданин» читает свою частную жизнь — как Историю. С большой буквы и в полном смысле слова. Но все же самая яркая часть воспоминаний Полозовой — о Ленинградской блокаде, пережитой ею с первого и до последнего дня.

Эту часть мемуаров, записанных в 1992 году, незадолго до кончины, предназначенных правнукам, но заслуживающих более широкого прочтения, «Столица» публикует в дни 50-летия прорыва блокады.

Михаил ПОЗДНЯЕВ,
обозреватель «Столицы»

Наталия ПОЛОЗОВА

«Я влезла в ЭТУ ВОЙНУ...»

18 января

Прежде всего и особенно в этот день захотелось вспомнить прорыв блокады Ленинграда.

18 января 1944 года был обычный рабочий день в госпитале. Мы тогда размещались в институте Отто, около Биржи. Утро, как всегда, начиналось с собрания в конференц-зале, с нудных споров с анатомопатологом о причинах смерти раненых. Анатомопатолог была порядочная дура, и эти разборательства меня крайне раздражали. Однажды я даже обратилась к Деду-бате Глебову* (так между собой мы называли начмеда) с просьбой посылать меня разгребать снег по утрам вокруг института вместо этих конференций. Дед пригрозил гауптвахтой. Я бы и не возражала: гауптвахта по тем временам была отдыхом. Но отдохнуть не удалось.

Утро 18-го было темным, туманным. В конференц-зале собралась вся офицерский состав — врачи и политуки. Последних у нас было почему-то довольно много. В 8.15 появился начмед — «принимать доклад дежурного врача. Я, как всегда, сидела на верхних рядах зала. Передо мной была огромная стеклянная

стена. Вдруг раздался артиллерийский залп. Здание дрогнуло, стекла зазвенели. В окно, сквозь утренний сумрак, видны были военные корабли за мостом Лейтенанта Шмидта, озаряемые вспышками пламени из корабельных орудий. Все замолчало. Гул крепчал. Мы поняли, что это артподготовка. Через 40 минут она оборвалась, но где-то вдали канонада продолжалась еще какое-то время.

Не говоря ни слова, не обсуждая событие, мы разошлись по рабочим местам. День был заполнен обычной работой в перевязочной и операционной. Но вечером весь состав нашего четвертого отделения был отправлен в санпропускник: начали поступать раненые. Раненых привозили в одежде, часто с оружием, потому что по установке ФЭП (Фронтовой эвакуопункт) раненые в голову поступали к нам прямо с поля боя, минуя центральный сортировочный госпиталь 22-22. Политруки собрали оружие и разошлись на отдых, а мы — врачи — работали до утра. (...)

К утру 80 коек моего отделения были заполнены. Я специализировалась по лобно-орбитальным пулевым и осколочным ранениям, часто с повреждением глаз. Особенно тяжелыми были четыре сапера, пострадавшие от разрыва мин. У них были изуродованы лица, выбиты глаза и исковерканы руки.

В этот день и последующие не было обстрелов города. Мы к

* Доктор Глебов — свекор Н.С.Полозовой.

Ленинград
в дни блокады
1942 г.
Волково кладбище
Фото из архива
РИА-Новости

ним так привыкли, что, казалось, чего-то не хватает. Значит, что-то изменилось на фронте в нашу пользу. Командование госпиталя молчало, непривычно молчали и политруки.

Раненые, находившиеся первые дни в полусознательном состоянии или глубоком сне, стали понемногу приходить в себя. От них мы узнали о тяжелых боях в Лигово и Красном Селе, о переходе армии через залив от Лисьего носа на Петергоф. Но был ли это прорыв? Мы пережили уже несколько неудач. Радио в госпитале молчало, и только тикало все время. Наконец через неделю или дней через десять на утреннем обзоре было объявлено о прорыве и снятии блокады города. Политруки как-то суетились, а мы слушали молча. По-видимому не только у меня длительное напряжение было настолько сильным, что это известие, быть может, самое долгожданное, приняли сдержанно: лишь ликовали, не обсуждали. Выслушали и разошлись. Осознания, ощущения, что свершилось нечто грандиозное, не было.

Но это чувство пришло — вечером, во время салюта. Я с нашим поваром забралась на крышу института. Стреляли от Петропавловской крепости. Потом начали стрелять с кораблей и со всех сторон. С крыши все было как на ладони. На Дворцовом мосту стоял народ. Как он реагировал, не было видно, радостных криков (как это бывает теперь во время салютов) не было слышно. Наверное, их и не было. С такого-то расстояния можно было бы услышать. Слишком замучены были ленинградцы для громогласных ликований. Мы обнялись с поваром и заплакали, и в этот момент ощутили радость.

На следующее утро началась обычная, размеренная, напряженная работа, заполняющая все время и все чувства. Ни для чего другого их не оставалось. Борьба со смертью — простая, естественная, профессиональная жизнь, вся погруженная в страдания людей и, вместе с тем, отрешенная от страдания. Когда живешь в гуще страданий, только отстранение от них сохраняет силы для работы. Но были и срывы. Однажды на моем операционном столе умер раненый, которого можно было спасти. Он был ранен в темя и находился в шоке. Если бы мы подождали с операцией, дали бы ему выйти из шока. Но мы поторопи-

лись, и на шок от раны наложился шок от операции.

Организм не выдержал. Я плакала, отвернувшись к окну.

7 февраля

Хочется записать о смерти Деда-бати. Он все-таки достоин этого.

С октября месяца 1941 г. моя квартира на 12-й линии Васильевского острова, в доме № 17, стала заполняться родственниками и близкими знакомыми. Сначала приехала жена двоюродного брата Шура Колпинская с дочкой Наташей. Их дом на Петроградской стороне разбомбил. Наташа (ей было 9 лет) так была потрясена этим, что при каждой очередной бомбежке забивалась под кровать и пронзительно кричала. Успокоить ее было невозможно.

Октябрь был еще относительно благополучен: помню, на день рождения дочери Насти пили какао, правда, без молока. А дальше круто пошло вниз. В январе 42-го умерла соседка Люция Федоровна, затем давнишние, еще дореволюционные друзья нашего дома Люба и Вова Войцеховские. Вова прислал записку в госпиталь с просьбой прийти попрощаться, но я не успела. После их смерти Нина Войцеховская с двумя детьми — Петей и Леной — и племянником Мишей приехала ко мне. Вскоре за ними появилась Ольга Анцулевич — сестра шурина — с двумя чемоданами и сказала: «Буду жить у вас». Никто не возражал.

Каждое утро я с Настюшей уходила в госпиталь. На пути часто приходилось перешагивать через мертвые тела, зашитые в пикейные одеяла, или проходить мимо лежащих, но еще не умерших людей. На углу 9-й линии и Большого проспекта, около бань, возвышался штабель покойников. (...)

Нина Войцеховская с тремя детьми, тетя Ося, Ольга и Дед-батя оставались почти все время дома. Да и холода в феврале стояли суровые. К этому времени Шура с Наташей уехали в эвакуацию. Как-то внезапно, без предупреждения. Вернувшись однажды из госпиталя, мы их не застали. Удивлены были крайне, но искать не было ни сил, ни времени. О том, что они эвакуиро-

вались, узнали много месяцев спустя. Но тогда это было хорошо даже: слишком скудными были средства для жизни, чтобы делить их на многих.

Дед-баба был удачливый охотник и порой отлавливал кошек или собак. Но когда народу стало много, это оказалось каплей в море, и он отдавал свое детям. Дед стал тихо, медленно угасать. Молчал, ничего не требовал. Наконец слег, открылся кровавый понос. Я мало уделяла ему внимания. Последние дни около его кровати сидела Ольга, была внимательна. Умер он тихо, спокойно, днем, без меня. Попросил, чтобы похоронили похристиански. Дети были очень испуганы. В госпитале сказала главврачу о смерти свекра. Он ответил по-хорошему: «Со смертью надо быть на Вы», — и отпустил на три дня. За кусок хлеба мы заказали дяде Яше-дворнику гроб из нашего сундука. Решили с теткой Осей непременно везти гроб на санях в церковь. Действующая была одна Владимирская на Петроградской стороне. К вечеру 4 марта повезли. Было ясно, чисто, светло в природе, и хотя вечерело, но Солнце заливало город. Только пошли, неожиданно появился мой муж Николай — сын Деда-баба*. Подошли к церкви, двери распахнуты. Внутри 14 открытых гробов. Поставили свой и вернулись домой, т.к. панихида намечалась на утро следующего дня. Утром в церковь пошли вдвоем с теткой: у Николая закончился пропуск в город, и он должен был вернуться на фронт. Храм через верхние окна был ярко освещен мартовским Солнцем и очень красив. Священник — убогенький, маленький, истощенный — просто, душевно отслужил панихиду. Запомнилось лицо очень красивой молодой покойницы, убитой обломками дома. После панихиды заколотили гроб, и мы вдвоем впряглись и повезли его на братское кладбище. То, что мы выполнили свой долг, очень успокаивало, мы не плакали, настроение было торжественное.

Шли по Тучкову мосту, Среднему проспекту, по 17-й линии свернули к Смоленскому кладбищу. Впереди и сзади нас шли тоже женщины, впряженные в большие фанерные листы, на которых везли умерших. Зрелище было тяжелое: умершие лежали как попало, иные поперек, головы некоторых колотились о землю. Одежда их была ужасна. А наш дед был хорошо одет, лежал в гробу, и мы покойно везли его на санках. На мосту через Смоленку стоял милиционер в нарядном белом полушубке и указывал, кому куда везти покойников.

Там, где теперь братское кладбище, были вырыты глубокие траншеи, у которых стояли женщины в ватных куртках и с ломами в руках. Они брали покойников за руки и ноги и сбрасывали их в траншею. Здесь же высилась длинная стена высотой метра 2,5—3, сложенная трупами полураздетых людей. У многих были отрезаны части тела. Из этой стены ломами выламывали вмерзшие тела и отправляли в траншею. Вся эта обстановка нас закалила. Мы поставили гроб на край траншеи, попросили опустить деда прямо в гробу и поспешили уйти. Но не были уверены, что исполнят. На обратном пути, в каком-то полубессознательном состоянии, зашли на Дерябкин рынок, купили несколько поленьев дров. Там продавали куски розового мороженого мяса.

Вернулись домой, затопили печку, легли и только тут пришло осознание вины: мало сделали, чтобы спасти деда.

6 марта

Конечно, я влезла в эту войну и всем надоела. Но мне хочется рассказать о людях, с которыми имела дело с утра до вечера и с вечера до утра. Все же это были живые люди, а не табуретки.

Раненые, которые поступали к нам, обычно 2—3 недели находились в прострации, почти все время спали. Это было связано не только с их ранением, но и с крайним переутомлением. По прошествии этого времени те, кому было суждено, начинали осознавать окружающий мир, знакомиться с врачами и сестрами...

Летом 43-го года меня направили с выздоравливающими бойцами в Колтуши на посадку картошки для госпиталя. Это случи-

лось после того, как со мной во время операции произошел обморок от переутомления и голода. Мне дали возможность отдохнуть. Из города выезжала с чувством огромного облегчения. В это время был обстрел, и облака разрывов поднимались над крышами. Впервые наблюдала обстрел со стороны. Наш грузовик вел мой больной — Михайлыч. Одного глаза у него не было, в другом всего 0,3. Я очень боялась, но он вел хорошо. Михайлыч до войны жил в Кронштадте, был красильщиком судов. Это был тип Левши, на все руки умелец. После лечения я оставила его в госпитале, и он быстро стал всем необходимым.

Все дни вместе с бойцами я проводила в поле. Вечером купалась в озере. Михайлыч меня охранял. Во время нашего пребывания в Колтушах была попытка прорыва блокады. Началось с артподготовки. То, что попытка была неудачной, стало ясно через несколько дней, когда мимо нас потянулись разрозненные толпы пыльных, утомленных солдат. Часть из них пошла по полю, на котором мы работали. Им преградил дорогу наш политрук, размахивая пистолетом. Разыгралась нелепая сцена. Обозленные, переутомленные люди стали угрожать политруку. Пришлось вмешаться мне. Я в грубой форме потребовала, чтобы он удался. Он подчинился, хотя пистолета у меня не было.

Эту нравственную тупость политруков мне пришлось наблюдать на протяжении всей моей службы. Они никогда не находили общего языка с солдатами. Те называли их «звонарями» и посылали без стеснения «звонить куда подальше». Это была особая корпорция бездельников и циников, где крепко держались друг за друга.

С лета 44-го наши успехи на фронтах стали устойчивыми. Исход войны был очевиден. И именно в это время пришлось пережить противоречивые чувства.

С одной стороны, душевный подъем, но с другой — особо ясное осознание трагедии тяжело искалеченных людей. На фоне победных ликований они особенно стали понимать свою ущербность, и в них появилось и стало нарастать озлобление. Мне впервые пришлось испытать чувство неуверенности и страха при обходе больных, впервые услышала я обвинения и угрозы.

Однажды прихожу в палату, вижу у постели раненого постоянного человека, на тумбочке железная кружка и бутылка водки. Для черепного раненого водка — почти верная смерть. Я требую немедленно прекратить. Посетитель встает и бьет меня в грудь. Поднять руку на врача до сих пор было делом неслыханным. Человек был арестован и получил год тюрьмы.

К тому времени госпиталь наш заметно сократился: выздоравливающие выписывались, новых поступлений было мало, часть врачей ушла вслед за армией. Оставшихся перевели в школу возле Александрово-Невской лавры.

Наши раненые (черепные) располагались на втором этаже, а на первом — ампутанты (без обеих ног). Передвигались они на площадках с колесиками, с помощью маленьких костылей. Дежурный врач должен был обходить оба этажа. Во время одного моего дежурства эта накипевшая злоба выразилась в нашествии ампутантов на второй этаж для избияния черепников. Я услышала страшный грохот и вопли, выбежала на лестницу и увидела карабкающихся по ступеням людей, совершенно потерявших рассудок от отчаяния и злобы. Картина была неопишимо страшная. Я их остановила. Но как? Каким напряжением воли, какими словами — не знаю. Это было как в бреду.

Ярким примером состояния раненых был поступок моего больного. Он был слепой — с исковерканными руками и лицом. На отказ сестры вывести его на прогулку он разбежался и врезался головой в стеклянный шкаф.

Последний месяц перед окончанием войны психологически был самым трудным для нас и для раненых. Припадки бешенства становились все чаще. Некоторых приходилось привязывать к кроватям.

На мою долю выпало ночное дежурство, совпавшее с окончанием войны. Была теплая ночь. В два часа загудели репродукторы, появился начальник госпиталя и старший политрук. Мы вторым обходили палаты, где лежали парализованные люди, и поздравляли их с победой. Это было очень трудно: бурного ощущение

* Муж Н.С. Полозовой находился в действующей армии, оборонявшей Ленинград. Изредка он получал увольнительную в город.

ния радости не было ни у нас, ни у раненых. Все были подавлены.

Утром следующего дня все, кто мог стоять, вышли на тротуар Староневского проспекта. Шли войска. Усталые, понурые победители едва передвигали ноги, у некоторых в руках были полевые цветы. Мы смотрели друг на друга молча. День победы в Ленинграде прошел не торжественно, по моим ощущениям, во всяком случае. Быть может, особое состояние наше сказалось на таком восприятии. Но и многие мои знакомые впоследствии говорили то же самое.

К концу войны стали возвращаться из эвакуации родственники и знакомые. Они возвращались как из совсем другого мира. Мы не понимали друг друга. Возникало чувство отчуждения. Всем было тяжело в войну, но все же слишком различен был наш опыт. Преодолевать это отчуждение пришлось долго и трудно.

Вообще возвращение в ритм обычного быта было сложным. На какое-то время я оказалась в нравственном тупике. Из этого состояния меня вывело предложение академика Лимберга заняться восстановительной хирургией. Это было продолжение военного опыта. Но это занятие опять увело меня от внимания к дому, что мне не простили близкие — муж и дочь.

22 марта

Даже в ужасной обстановке блокады было заметно резкое социальное расслоение людей. Быть может, даже особенно заметно, хотя ни сил, ни охоты наблюдать это не было.

К весне 43-го года (конец февраля или начало марта) резко стал проявляться авитаминоз и нарастала депрессия. Я пришла в негодное состояние. Несколько дней лежала, не выходила на работу. Надо было принимать срочные меры. Дед Глебов заявил, что мне надо восстановить силы, но он не желает, чтобы работники госпиталя лечились тут же, и поэтому направляет меня в «Свердловку», где был госпиталь для офицеров.

Меня привезли на санитарной машине. В палате было четыре человека. По одну сторону у окна располагалась я, далее молодая красивая врач из медсанбата с высокой ампутацией бедра. Напротив нас — две дамы восточного облика. Старшая, лет сорока, прибыла с Большой земли. Это было крайне странно, т.к. в то время стремились, наоборот, вывозить людей на Большую землю. Вторая — молодая, упитанная женщина, лежала по поводу аборта, что тоже было из области давно забытого.

Не помню, чем меня лечили. Основное лечение было ничегонеделание. Читала Толстого «Севастопольские рассказы». Поражалась сходству психологического состояния солдат тогда и теперь. Те же выражения, такие же рассказы о враге.

Докторша из медсанбата целые дни молчала. Иногда ее навещал друг, и они, закрывшись одеялом, плакали.

Противоположная сторона несколько дней молча приглядывалась к нам с видом недоброжелательства. Затем старшей захотелось высказаться. Это были упреки в наш адрес. Суть примитивна: мы, врачи, только тем и занимались, что расстраивали личные жизни уехавших в эвакуацию женщин. Это мы-то — дистрофики! Возможно, с ней так и получилось. Но за частным этим случаем она не видела окружающей действительности и относилась к ней презрительно. Я особенно не спорила: это было бесполезно, душевная слепота не лечится.

Мы с соседкой наблюдали посетителей этих дам. Старшую опекал какой-то большой чин в военной форме. К младшей приходил молодой, холерный толстяк в хрустящей португее и с револьвером. Мы прозвали его «комод». Они приносили своим дамам поражающие воображение продукты: мандарины, лимоны, пирожные, что-то мясное. Разговаривали они шепотом, недоброжелательно и настороженно поглядывая на нас. Мы оказывались невольными свидетелями чего-то незаконного и постыдного, что, однако, могут совершать некоторые представители нашего общества, но что другим знать нельзя. Мы молчали.

Дней через десять мне стало лучше, и я начала выходить в сад. Он весь был в снегу, но солнце было уже теплое, и я подолгу сидела на скамейке, читала. Дни в военном смысле стояли ти-

хие. И мне впервые захотелось бомбежки, чтобы эти женщины, поставленные в не совместимые с блокадой условия, поняли нашу беду. Бомбежки в то время были уже редки. Но как будто бы меня услышали: был ночной налет и бомбили район «Свердловки». В первую ночь попаданий не было, но разрывы были близки. С внутренним удовлетворением я и моя безногая соседка наблюдали за притихшими дамами. На следующую ночь от близкого разрыва бомбы разбило стекло в нашей палате. Страх и растерянность были написаны на их лицах.

Я решила не подвергать себя дальнейшей опасности, не испытывать судьбу и выписалась из госпиталя. Взяла вещи, продуктовую книжку и прекрасным, солнечным, морозным днем отправилась на Васильевский остров, пройдя весь город пешком. В ту ночь в наш госпиталь и в соседний, что был за БАНом (Библиотека Академии наук) перевели часть раненых из «Свердловки» после прямого попадания бомбы.

Я была удовлетворена.(...)

Перед глазами живо стоят картины города периода войны.

Грозной была одна ночь в сентябре 1941 года, когда горели «Американские горы». Они были в районе Зоологического сада и Госнардома. Огромное зарево охватило треть небосклона. Я наблюдала с 12-й линии В(асильевского) О(строва), и сюда доносились крики людей и крики горящих животных. Небо пронизывали эшелоны немецких бомбардировщиков. Эта картина как бы предвещала тяжесть будущих испытаний.

Город зимой 42-го — белое безмолвие. Засыпанный снегом, скованный льдом, с застывшими потоками воды на тротуарах, которые образовали местами целые гряды. На улицах изредка встречались качающиеся тени со страшными, устремленными в пространство взглядами. Утром, направляясь в госпиталь, мы с Настей переступали через зашитые в одеяла трупы, вынесенные ночью на улицы. Хоронить не было сил, но последний долг люди все-таки отдавали, зашивая умерших в одеяла, а не просто выбрасывая на улицу. Лежали и живые, но вконец обессилевшие люди. Их (да прости меня Бог) мы обходили далеко.

Весной огромный, пустой город казался прекрасным. Освобожденный от людской толпы, городского шума, суеты — он был чист, прозрачен, молчаливо-прекрасен. Особенно хороши были лунные ночи. Порой мне доводилось вырываться из госпиталя, выходить поздними вечерами на Неву и любоваться Академией наук, Университетом, Академией художеств. Полное отсутствие электрического света, глубокая тишина создавали особенное созерцательное настроение. Уходило все — и оставалась только замечательная панорама.

Да! Нужна была блокада, чтобы так полно и свежо почувствовать красоту города...

В 43-м году, не помню откуда, но стало известно, что будет концерт в Филармонии. Дирижер — Элиасберг. Я решила пойти, хотя такие отлучки тогда нам запрещались из-за частых обстрелов. Пошли с Любочкой.

Вошли в зал прямо в верхней военной одежде. Зал был полупустой — но все же не пустой. На хорах не было никого. Мы решили слушать оттуда. На хорах почему-то стояли скамейки из грубых досок. Мы сдвинули их и легли: были очень усталые. И с особым удовольствием прослушали весь концерт лежа.

Быть может, это был единственный случай в истории Филармонии. Давали 6-ю симфонию Чайковского.

Как-то августовским вечером в 42-м году пошла проверить, не взломали ли квартиру. Нет, все в порядке, печать на месте. Возвращалась по Большому проспекту.

Пустой город. Никого. Пронзительная тишина и черная-черная ночь.

Вдруг с 8-й линии выходит женская фигура, неверно освещаемая горящими лучинами, и поворачивает к 1-й линии. Туда и мне.

Так и шли мы до первой линии, поджигая одну лучину за другой от догорающих. Совершенно необычная картина. Завороженная этим, я шла молча, не вступая в разговор.

Я была несколько раз на гауптвахте. Один случай был просто комический. Наши хозяйственники были страшные воры. Мне, например, не выдавали ни шинели, ни сапог. Шинель выдали впер-

вые лишь в конце войны. Носила я ватную куртку и штатские ботики. Однажды на ботике оборвалась застежка, и я заколола его булавкой. Как раз тут подвернулся патруль и отправил меня на гауптвахту. Гауптвахта располагалась на Садовой и была очень старинная. Там якобы сживали Суворов и Чкалов. Наказание заключалось в двухчасовом маршировании по внутреннему плацу. Вместе со мной маршировало несколько мужчин. Наверное, я выглядела на этом плацу комически в своих ботиках и со своей грацией. И все-таки какой идиотизм заставлять женщину маршировать с мужчинами! Блокада, голод, работа в тысячу раз более тяжелая, чем это марширование. Такая все чушь! Мне даже было интересно познакомиться с этой глупостью.

Другой случай был серьезный. Начались бои на Невской Дубровке, и вдруг я получаю предписание ехать туда. Что делать хирургу на поле боя? Глупость была столь очевидной, что я пожаловалась своему непосредственному начальнику. Он посоветовал просто не ехать. Я так и сделала. По-видимому, от меня хотели отделаться. Но, тем не менее, не выполнен приказ. Мог быть и трибунал. Присудили мне гауптвахту, но не посадили. Наказание заключалось в том, что я должна была работать в две смены, и меня лишили зарплаты. Первое было совершенно не страшно, т.к. мы и так работали без всяких смен. Лишение зарплаты было тяжким наказанием, т.к. я посылала деньги дочери на Урал и, кроме того, на рынке порой можно было купить продукты. Однажды даже купила шоколад.

К слову сказать, даже в самые тяжелые месяцы блокады продукты на рынке были. Кто-то, значит, имел их достаточно, если мог продать...

28 апреля

Тяжелая обстановка войны и блокады давала некоторые преимущества простым людям по сравнению с мирным временем. Это выражалось в большей душевной раскрепощенности, позволяющей, несмотря на строгости нашего режима, высказывать и отстаивать свои мнения, порой даже вразрез с официальными установками.

Примером этого может быть мое столкновение с главным политруком госпиталя. Роль политруков везде была одинакова и не очень уважаема (по-моему, из-за нелюбви к ним пострадал даже маршал Жуков). При всем человеческом разнообразии этих людей (что естественно) имелись и общие черты, всем им свойственные. Поэтому можно говорить об определенном типе, присущем эпохе и этой профессии. Типичные их черты: самоуверенность, властолюбие, грубый эгоизм, отсутствие контактов с простыми людьми (солдатами), безделье и трусость. Пропаганда того времени усилена лепила образ политрука как рыцаря без страха и упрека, первого бросавшегося в бой и увлекающего за собой беспартийную массу. Но я таких не видела, и никто из моего окружения ближнего и дальнего, прошедшего войну в разных условиях, тоже не видел. Напротив, все единодушно подтверждали мои наблюдения.

Наш главполитрук — самодовольный украинец лет 38 по фамилии Гапанюк. Столкновение мое с ним произошло весной 43-го. Я была так занята, что не обращала на него никакого внимания, и его дела как-то меня не затрагивали. Помню только, как он заставлял нас учить новый Гимн Советского Союза. От безделья и скуки он решил проявить такую инициативу в деле нашего воспитания.

Однажды я встретила его в приемной начальника госпиталя, и он сказал, что состоится суд чести и что там надо быть обязательно. Я спросила, по поводу чего суд. Он отвечал, что будем судить одну докторшу, которая без увольнительной, в гражданской одежде ушла из госпиталя по личным делам. Я отказалась.

Прошло несколько дней. Он снова стал настаивать на моем присутствии на суде чести и мундира. Пришлось пойти.

В огромной аудитории разместились человек 150 врачей. Присутствовали высшие чины ФЭПа — генералы. На скамье под призывом сидела обвиняемая — довольно красивая блондинка. Я мысленно назвала ее Маргаритой из Фауста. Атмосфе-

ра была торжественная и театральная. Гапанюк говорил 40 минут. Суть речи состояла в обвинении всех нас (особенно женщин) в попирании чести мундира и достоинства офицера Советской Армии. Приводил дикие примеры из личной жизни многих из нас. Лицо оратора было гневно и вдохновенно. Закончив речь, он предложил выступать.

В зале стояло гробовое молчание. Меня охватило чувство раздражения и волнения. Забило сердце, стало жарко. Я не сумела справиться с собой и ринулась с верхнего ряда, где сидела, к кафедре. От волнения растегнула ворот гимнастерки и, забыв всех и вся, разразилась руганью. Я привела всем известные факты злоупотреблений руководства госпиталя. К тому времени мы были истощены дистрофией. Лица же начальства были круглы и упитанны. В отличие от нас, они были хорошо одеты. Воровство амуниции было обычным делом. Практиковалось оставлять после выздоровления тех бойцов, которые могли обшивать и точить сапоги для руководства. Говорила о том, что Гапанюк питается непосредственно на кухне, а по ночам устраивает проверки в общежитии для медсестер в поисках нарушений нравственности. Основное его занятие — драить пуговицы и пряхку зубным порошком. Все это я и изложила в очень горячей форме. Гапанюк пытался оборвать меня, требуя застегнуть пуговицу на воротнике. Но я неслась неудержимо. Общий смысл мною сказанного состоял в том, что не мы, а они позорят честь мундира. Мы же верно служим Родине и народу. О подсудимой я не говорила вообще. Закончив, я пошла на свое место при полном молчании зала. Потом выступила одна врачиха. Она попыталась смягчить мои резкости, но ничего не вышло. Собрание закончилось, все разошлись, так ни разу и не вспомнив про обвиняемую.

Я шла одна, только доктор Косинская подошла и поцеловала меня в щеку. В конце дня в мой кабинет вошел врач — поклонник обвиняемой (впоследствии ее муж) и поблагодарил меня, но все же попрекнул в неосторожности. Я поняла, что переступила грань дозволенного и что могут быть перемены в моей судьбе.

На следующий день приехал мой муж Николай. Я рассказала ему о происшествии. Он был удручен. Несколько дней я находилась в изоляции. Это особенно чувствовалось в столовой. Обычно за столом мы обсуждали разные дела — рабочие и нерабочие. Но в эти дни за мой стол никто не садился. Однако дня через четыре ко мне в столовой подошли два ординатора профессора Лимберга, с которым я не была знакома, и сказали: «Профессор Лимберг шлет вам привет». Лимберг был выдающейся фигурой в медицине, и такой привет значил для меня очень многое. Я приободрилась. Тем не менее продолжала напряженно ждать вызова.

Так прошло не менее недели. Однажды на переходе из одного отсека госпиталя в другой я встретила Гапанюка. Он подошел и сказал: «Здравствуйте, капитан Полозова», — и протянул руку. Я руки не подала. Еще через несколько дней после этой встречи у нас появился новый главный политрук.

Я выиграла. По тогдашним временам случай совершенно невероятный.

9 мая

В этот день невольно обращаешься к воспоминаниям о войне. И вот что неожиданно всплыло в моей памяти. Во время блокады у меня время от времени невольно возникал вопрос: почему в такое заметное здание города, как Большой дом, не попало ни одной бомбы и ни одного снаряда? А ведь в то время это было самое большое здание города (если не считать Исаакиевского собора)! К тому же важный объект военного значения — главное здание НКВД. Казалось, что немцы его оберегают.

Эта ужасная мысль глухо шевелилась в глубине сознания, но я подавляла ее. Поделиться с кем-нибудь было невозможно.

Быть может, немцы уже тогда понимали, что это охранные отделение своей чрезмерной и неоправданной суровостью более помогает им, чем своей стране.

Почувствуйте себя миллионером!

Уехать жить в Подмоскowie, особенно в ближнее, было бы просто здорово. Миллионеры нынешние только так сейчас и делают. Да вот незадача — я не наследница Ротшильда, а муж у меня и вовсе инженер. Так что жить в собственном коттедже на природе шансов вроде бы никаких? А вот и нет. Шанс есть, и вполне реальный. Неподалеку от Звездного городка в ранее закрытой и заповедной зоне в этом году будет начато строительство коттеджного поселка. Что примечательно, поселок этот ориентирован не на миллионеров, а на людей среднего достатка, и даже ниже среднего. Об этом рассказывает финансовый директор акционерного общества «Квазар», которое является генеральным подрядчиком строительства, Игорь ВИКЕРЧУК:

— Земельный участок в 12 гектаров, на котором планируется застройка, находится в бессрочном пользовании пансионата МИД «Дружба». Но так как в наше сложное время своими силами пансионат со строительством справиться, разумеется, не сможет, то в роли генерального подрядчика выступает наша фирма.

— Что подразумевается под строительством?

— Планируется создание целого поселка коттеджного типа с подсобным хозяйством и спортивно-оздоровительным комплексом. Предполагается построить около 60 домов, кафе, продовольственный и промтоварный магазины, сауны, бассейны и даже конноспортивный комплекс с конюшней и манежем. Поселок этот будет находиться всего в пяти минутах ходьбы от остановки автобуса, сразу за Звездным городком, так что проблем с транспортом не будет. Однако, если кому-то из жителей, имеющих детей, все-таки будет неудобно каждый день ездить в Москву, на этот случай совсем рядом расположена школа, где дети могут спокойно учиться. Ну и, разумеется, дома будут обеспечены всеми удобствами — и светом, и газом, холодным и горячим водоснабжением, канализацией и московскими номерами телефонов.

— И все-таки наверняка вся эта красота будет очень дорого стоить... Так чем же отличается ваш проект от множества подобных, рассчитанных исключительно на людей состоятельных, если не сказать богатых?

— Действительно, сейчас коттеджей строят очень много и в основном они очень дорогие. Такой «домик» площадью 300—400 квадратных метров и стоит соответственно — около полумиллиона долларов. А мы готовы строить небольшие коттеджи, оговаривая проект в каждом конкретном случае и в зависимости от средств, которыми располагает заказчик. Причем качество постройки от того, что дом будет дешевле, страдать ни в коем случае не будет. Сэкономить можно на многом. Например, принято облицовывать коттеджи кирпичом. А ведь сейчас каждый кирпичик стоит около 300 рублей. Представляете, в какую сумму выльется одна отделка? А у нас на вооружении есть прекрасная и дешевая технология: стены штукатурятся и красятся специальной краской, которая не облупляется, не портится и требует лишь мойки примерно раз в три года. Красиво, оригинально и совсем недорого. Конечно, по желанию заказчика мы можем отделать дом и малахитом, но тогда это и стоит будет соответственно.

— Ну, роскошными излишествами сейчас мало кого удивишь, а вот дешевыми домами — другое дело. Но все же хотелось бы уточнить, что значит дешевые? Просто боюсь, что о дешевизне у нас с вами разные понятия.

— Дешевые, конечно, тоже относительно: стоимость дома будет примерно соответствовать стоимости городской квартиры. Ведь очень многие сейчас хотят и готовы поменять квартиру в Москве на дом в Подмоскowie. И вот тут как раз тот случай, когда

это можно сделать вполне реально.

— Каким образом?

— Можно заложить свою городскую квартиру и под залог получить ссуду в банке, внести пай, по окончании строительства сдать квартиру государству и переехать в собственный дом.

— Да, но где гарантия, что эти деньги не пропадут? Ведь квартира — это, пожалуй, самое ценное имущество на сегодня. Не может ли получиться, что человек останется без квартиры, без денег и без возжеленного коттеджа?

— Я прекрасно понимаю, что доверие ко всяческим фирмам и акционерным обществам сейчас равно нулю, так как неприятные прецеденты, увы, уже были. Я повторяю: наша фирма — лишь генеральный подрядчик строительства. Юридическим же лицом в договорах выступает государственное учреждение — пансионат и администрация Ногинского района, при участии и под контролем которых будут проходить все финансовые операции. К тому же никаких денег взиматься не будет до тех пор, пока каждому пайщику на руки не будут выданы официальные документы на определенный участок земли и на определенный дом.

— На каком этапе строительство?

— Уже сделан генеральный план участка и разработаны проекты домов, от небольшого скромного коттеджика до шикарного особняка — на выбор по желанию и наличию средств у заказчиков. Сейчас формируется пакет пайщиков, этот процесс продлится еще некоторое время, затем, весной этого года, будет начато строительство. Согласно строительной технологии следующую зиму дома должны простоять без жильцов, во избежание всяческих казусов, и уже в апреле-мае следующего года, после проверки надежности и комфортабельности коттеджей, поселок сможет принять новоселов.

— Могу я еще успеть попасть в число пайщиков и что мне для этого нужно сделать?

— Успеть вы еще можете. Для этого надо позвонить нам, выразить желание стать пайщиком и оставить свои координаты. При этом, повторяю, никаких денег платить не надо. Выплата пая будет производиться только после оформления и выдачи на руки всем пайщикам документов. А потом...

А потом будет множество приятных хлопот по выбору черепицы, цвета стен, планировки участка, закупки саженцев и семян и много-много чего другого. А через полтора года — собственный дом, дети и собаки резвятся на лужайке, бабуля дремлет в шезлонге, а вы с гордым видом обзрываете свое хозяйство. Ну точно как миллионер, хотя вполне можете им и не быть.

Беседовала Юлия ТРАНКВИЛИЦКАЯ

Тел.: 256-60-15, 256-83-27.

БЫСТРО ХОРОШО НЕ БЫВАЕТ,

считает Марат Фаткудинов, создавший свою телекомпанию, которая быстро заработала хорошо

Несколько лет назад начав работать на телевидении, Марат сделал неплохую карьеру, пройдя довольно быстро путь от администратора до заместителя директора по рекламе в нескольких студиях. Но деятельного юношу не удовлетворяла работа в государственной структуре, и он ушел оттуда, открыв свое рекламное агентство. Надо ли говорить о том, что первый блин бывает обычно комом, и это предприятие не увенчалось успехом. Однако был наработан весьма ценный опыт, и, что самое главное, налажены связи и найдены пути поддержки, что в общем-то и предопределило следующий шаг — создание собственной телекомпании.

Сейчас АОЗТ «Панорама», возглавляемое Маратом Фаткудиновым, довольно известно на Московском телеканале. О работе компании рассказывает сам президент:

— Телекомпания была образована весной прошлого года, и поначалу ее основным профилем было создание документальных фильмов по западным заказам и рассчитанных на зарубежную аудиторию. На этом телекомпания сделала себе имя и заработала денег. А с осени мы начали выходить регулярно в эфир с собственной программой.

— Эта программа также ориентирована на западную тематику?

— Как раз наоборот, только на нашу. У нас родилась интересная идея — сделать такую передачу о торговле в Москве, какой раньше не существовало нигде. Мы начали тесно сотрудничать с департаментом потребительского рынка и услуг Москвы. Первый наш выпуск представлял руководитель этого департамента, и до сих пор мы получаем от них содействие в работе и, что очень важно, полный объем информации о всех указах и постановлениях властей, касающихся торговли и услуг в городе. И задача у нас общая: улучшение качества торговли и услуг населения в Москве.

— Вот так: ни больше ни меньше? Ну а программа-то все же рекламная?

— Наша эфирная программа — это не та реклама, к которой все уже привыкли. Я бы назвал рекламу, которую мы делаем, глубокой. Наша цель не только показать товар «лицом», но сделать это осмысленно.

— То есть?

— Необходимо показать назначение товара, его применение, достоинства и недостатки, которые, кстати, в определенных случаях могут оказаться достоинствами. И опять же все вкуче сводится к рассказу о столичной торговой жизни в целом и освещению в этом деле роли государства.

Или такой пример: вы занимаетесь оптовыми поставками, и вам нужно реализовать товар, обойдя при этом кон-

курента. С помощью нашей рекламы это можно сделать очень хитро и корректно. Для этого мы можем пригласить государственного эксперта из департамента, который в состоянии объективно оценить ваш товар, дать гарантии его качества и предупредить потенциального покупателя об ошибках в операциях с подобным товаром низшего качества. То есть мы проводим как бы мини-телевизионную экспертизу. Кроме этого надо учитывать, что прежде, чем выполнять какой-либо заказ, наши специалисты проводят ряд исследований, выясняя, какой вид рекламы наиболее выгоден заказчику и принесет ему наибольшую отдачу. Для этого у нас существует целый аналитический отдел.

— Какие виды рекламы вы предлагаете клиентам?

— Собственно говоря, любые, начиная от малюсенького сюжета и кончая десятиминутным фильмом. Также мы снимаем рекламные ролики, которые дороже, чем сюжеты, зато дают больше эффекта.

Кроме того, у нас существует очень удобная форма отношений с клиентами, которая называется абонентной оплатой. Ведь многие мелкие фирмы и магазины, да зачастую и крупные, не могут сразу выделить достаточно средств для грамотной рекламы. В таком случае они могут переводить незначительные суммы на наш счет. После того как накопится достаточно денег, мы снимаем для клиента ту рекламу, которую он заказывает, и выпускаем ее в эфир по первому требованию. Эта форма отношений хороша еще тем, что страхует от всяких неожиданностей. Иногда реклама нужна срочно, тогда начинается гонка, которая, как правило, ни к чему хорошему не приводит. Для того чтобы что-то хорошо снять, нужно время. Быстро хорошо не бывает — это закон

Фото В. Кантора

телевидения. А имея у нас в архиве свою рекламу, причем качественную, всегда можно показать ее вовремя и с наибольшей отдачей.

— Давайте поговорим о ваших расценках...

— Ну, тут получается парадокс. Мы, имея очень выгодное эфирное время, одновременно имеем: цены ниже, чем где бы то ни было.

— В чем же тогда смысл? За счет чего вы получаете прибыль?

— Все очень просто. За счет количества клиентов, которые к нам обращаются.

— А когда выходит ваша передача?

— Мы выходим еженедельно в самое выгодное для рекламы время, в воскресенье вечером на третьем канале телевидения. Наша программа десятиминутная. Мы сознательно пошли на такой небольшой объем. Дело в том, что наша передача уже сейчас, и я могу это смело сказать, выгодно выделяется на фоне спокойного тона остальных передач МТК. Но если увеличить время эфира, то возникнет опасность потерять динамичность, которая является большим нашим достоинством.

— Вы очень уверенный, я бы даже сказала, самоуверенный молодой человек. Что за этим стоит: вера в себя, в людей?

— Прежде всего я верю в профессионализм. Мало того что верю, хорошему профессионалу я плачу хорошие деньги. Что касается меня лично, то при всем том, что мне достаточно мало лет и нельзя сказать, что у меня есть большой жизненный опыт, в своей жизни я набил уже столько шишек и преодолел столько трудностей, что, конечно, чувствую себя уверенным. Но самое главное — я верю в свое дело, которое знаю, а главное, хочу его делать хорошо.

Беседовала Юлия ТРАНКВИЛИЦКАЯ

Телефон телекомпании «Панорама»: 908-89-14

АРАБЕСКИ

«Женитьба» Н.В.Гоголя
Театр «Эрмитаж»,
реж. М.Левитин

Гениальная и безумная книга Андрея Белого «Мастерство Гоголя» была бы лучшей рецензией на этот спектакль. Подобно труду Белого, напоминающему гротескный ковер, сотканный из мелких и мельчайших цитат, спектакль Левитина построен по

исполнении Бориса Романова то и дело перебивают сцены в петербургских гостиных. Чудесное языковое смещение по имени Гоголь представлено, как это подобает театру, зримо и выпукло. Украинские песни и диалоги из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» переплетаются с распадающимися нитями интриги, завязываемой неистовым Кочкаревым

хотя бы парадоксального Подколесина-Виктора Гвоздицкого. Монолог Гвоздицкого у окна в tempo lento — изумительный пример интонационного могущества, когда слова, произносимые с монотонной расстановкой, как бы набухают смыслом — с тем, чтобы через несколько минут быть отброшенными ради причудливейшего танца-побега. О, это взрывное allegro! Как описать его?

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

ОПЯТЬ ХОЧЕТСЯ
В ПАРИЖ

«Золотой век», N 4,
1993 г.

Выход каждого номера «Золотого века» без преувеличения можно назвать событием культуры, тем более редким, чем реже выходят номера, а между третьей и четвертой книжками журнала прошло немало времени. Оно и понятно, издание такого качества (во всех отношениях) — затея дорогая. На сей раз с деньгами помог банк «Столичный» (гравюра из его коллекции украшает обложку), дальнейшие надежды редакция возлагает на банк ЛЛД (который тоже, как известно, корпоративный коллекционер), и это естественно: «Золотой век» — журнал литературно-художественный, и обе составляющие жанра, как много раз отмечалось, равноправны, а главный

художник Сергей Семенов равнозначен главному редактору Владимиру Салимону. Четвертый номер, посвященный Франции (в нем опубликованы замечательные страницы Пруста, Шарля Нодье, Мориса Бланшо и Даниэль Сальнав) радует к тому же и текстами двух знаменитых художников XX века — воспоминаниями Марка Шагала и трактатом о живописи Анатолия Зверева. Каждый из них — точное продолжение эстетики творчества мастера, образ их искусства, выраженный иными символами и знаками. Шагал вспоминает о Париже начала века, где, по его признанию, он пережил «революцию видения» и, вырвавшись из гетто, «здесь в «Улье», в Париже, во Франции, в Европе стал человеком». Для человека из России это так естественно становится человеком в Париже, но до сих пор — главное вырваться из гетто. Доказательством тому страницы наших соотечественников разных времен из этого же «Золотого века» — Владимира Трубецкого и Гайто Газданова, Михаила Эпштейна и Владимира Помещика. Впрочем, к сегодняшнему положению больше подходит цитата из рассказа Николая Климонтовича — фраза из открытки, присланной его герою знакомой француженкой: «Жизнь эдит в совсем другую сторону».

М.К.

...И СТАРЫЙ
БАРКАС «ВИТЯ»

«Моя Одесса»
Московский театр
миниатюр

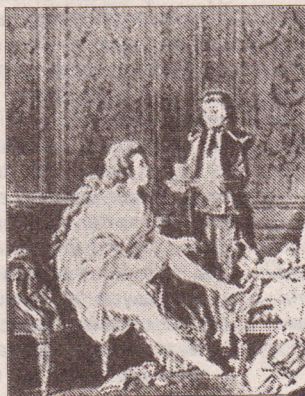
Роман Карцев — артист, стоящий отдельно. Вне общего сатирического ряда. О нем часто забывают редакторы телевидения, радио... Но не зрители. По гололеду и лужам, сквозь мокрую метель публика шла в концертный зал Олимпийской деревни, чтобы увидеть новую программу артиста. На заре перестройки, когда сатирики, поголовно растерявшись перед обрушившейся гласностью, замолчали, поняв, что

Сцена
из спектакля

принципу арабесок — излюбленного романтиками рода орнаментального искусства. Напрасно было бы искать здесь мотивировок, заимствуемых у психологического романа. Разве Гоголь, автор «Арабесок», книги, где «Записки сумасшедшего» сочетались с отрывками экзотико-исторического «Гетьмана» и со статьями по литературе, фольклору и архитектуре, — этот Гоголь — и Толстой, и Золя — неумолимый детерминист? Нет и нет, утверждает Левитин: капризная логика своенравно извивающихся, иронически одухотворенных линий довлеет Гоголю, и нет большей тщеты, чем доискиваться причин, по которым Подколесин выпрыгивает в окно, а не идет к венцу. Анекдот, положенный в основу «Женитьбы», можно лишь с большой натяжкой назвать сюжетом, а в спектакле понятие о линейном развитии действия искореняется с изобретательностью Поприщина, чьи монологи в лихорадочно-блистательном

(В.Гусев); в пастельные тона мебели и модных платьев в стиле «бидермайер» вкраплены яркие пятна и полосы крикливых южнорусских нарядов (худ. Г.Гуммель, костюмы С.Калининой). Упоминание о расстегнувшейся «стремешке» вызывает к жизни целую сцену в соответствии с тем «гомерическим» укрупнением мелочей, о котором говорил применительно к Гоголю Немирович-Данченко. Сваха Фекла Ивановна (Г.Морачева) описывает «хлигеря» Агафьи Тихоновны так, что мысленному взору представляется терем до небес, а сама Агафья (Л.Панченко) ужасается бородатому мужу с жемства Медеи, убивающей своих детей. Неистощимость фантазии создателей спектакля сама гиперболична и представляет собой редкостное исключение на фоне последних премьер, анемичных и пресных. Это особенно заметно по актерской игре, редкой, смелой, контрастной. Взять

Гравюра, украшающая
обложку «Золотого века»

политики отняли у них хлеб, Карцев и Ильченко, естественно, не без участия Жванецкого, создали первое в нашей стране «Политическое кабаре». И мы, оторвавшись от любимых съездов, так же скользили по холодным лужам, спеша на ту премьеру.

— Ах, как я любил их! — говорит сегодня Карцев о героях тех политических баталей. — Я любил не только то, что они говорили! Я любил их тембр голоса! Сегодня мы любим их не так безоглядно. И «Санта-Барбара» вполне конкурентоспособна на фоне Думы. И Карцев, открывший тему, сегодня, похоже, закрывает ее. Он возвращает нас к нормальной жизни и рассказывает об Одессе, где в августе солнце расплавляет песок, одесситы, «соединяя прошлое с будущим, не вычеркивают настоящее».

— Что вы воруете с убытков? Воруйте с прибылей!

— Моя домашняя аптечка разрослась до районной... — Они хотят, чтобы страной правили бедные! Но бедные не хотят править! Они хотят кушать!

— Рома, вы хороший артист, но вы сильно пересаливаете лицом.

На сцене — старый баркас. Его имя «ВИТЯ». Витя и Рома. Они никогда ни с кем не соревновались. Они и сейчас — отдельно. Рома и старый баркас «ВИТЯ».

Наталья ЛОГИНОВА

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

«Ты у меня одна»
 Агентство
 «Информпресссервис»,
 к/с «Астур» при участии
 «Ленфильма»,
 реж. Д.Астрахан

Черт! Привязалась же эта, казалось бы, давным-давно забытая песенка: «ты у меня одна, ля-ля-ля-ля (здесь просто слова забыл, что-то вроде «как у луны вода или у воды трава»), а потом помню: «чтобы качать всю ночь у колыбели дочь». Юрия Визбора это песенка. Она оттуда, из 70-х, от костра или из общаги, под гитару, с портвейном и с вечными поисками места (подъезд? комната на пару часов, пока

не вернулись родители друга? бульвар, если летом и темно?), где можно было уединиться с одной знакомой и, помнится, очень горячо любимой девушкой. Боже, когда это было?! Давно. А потом была взрослая жизнь — ранние дети, квартирные проблемы, маленькая зарплата, собачья работа, то-се, пятое да десятое. А сейчас все чаще одолевает бессонница: уже за сорок, дети выросли, а зарплата не очень, квартирные проблемы остались и завтра опять на эту... работу. Но есть хороший способ уснуть. Надо закрыть глаза и представить себе, что в тебя страстно влюбилась молодая импортная миллионерша, которая прислала за тобой личный «Боинг» и увезла тебя на теплый и необитаемый, но очень благоустроенный (обязательно без совмещенного санузла!) остров, где она вся такая красивая, загорелая и в бикини, как та японка со старого календаря на кухне. И вот ты уже плывешь в чистом и прозрачном море далеко-далеко... как раз до будильника, который звонит всегда ровно в восемь. Этот сон и то, что было до него, экранизировал Дмитрий Астрахан, сняв свою пронзительно-искреннюю мелодраму «Ты у меня одна». С Александром Збруевым, толкающимся в метро и стоящим у кульмана. С Мариной Нееловой, ждущей его в однокомнатном «пенале», где их взрослая дочь ворочается в своей «колыбели» и никак не может уснуть, прислушиваясь, как шебуршатся в ванне ее старички-родители. Со Светланой Рябовой в роли белокурой американской миллионерши отечественного происхождения, обезумевшей от любви, которую пронесла сквозь годы и расставания девочка-подросток к «взрослому дяде» — другу ее старшего брата. С валютно-калифорнийскими перспективами другой, «настоящей» жизни для главного героя. И его неожиданно-ожидаемым: «Да не люблю я тебя, не люблю, пойми!» И с другим его же задорно-нежным: «Наташка, ты у меня одна!»

В этом фильме много мелодрамы (может быть, даже больше, чем нужно, но режиссер полностью отдает фильм на откуп Збруеву и Нееловой, а они играют больше чем сценарий — они играют про себя и про свое поколение. P.S.: Алла Гербер на премьер в Доме кино выразила благодарность режиссеру от имени всех шестидесятников за реализацию их «полетов во сне и наяву». Думаю, она ошиблась на десятилетие. Шестидесятники ушли на митинги и на выборы. Семидесятники легли видеть сны. Там тепло, там ласковое море и девушка со старого календаря. Спокойной ночи, друзья, и приятных сновидений.

Петр СМЕРНОВ

ПЕСНИ О ТОМ, ЧТО ПЕТЬ НЕВМОЧЬ

«Рада и «Терновник»
 Клуб «Бункер»

Непосвященные думают, что в результате известных перемен в общественной жизни русский рок вышел из подполья. Да так далеко ушел, что Газманов гордо именуется «певцом и

делают аншлаг в Театре эстрады. Название «Рада и «Терновник» непременно появляется в хит-парадах, концертных и фестивальных обзорах рок-самиздата, по-прежнему держащего тираж в несколько десятков экземпляров. Несколько десятков слушателей было на концерте, посвященном двухлетию группы, в клубе «Бункер»: большинству попасть туда не по карману. В Раде Цапиной, чей вокал и сценический образ — лицо группы, есть что-то от Жанны д'Арк: мощь экспрессии, визионерские интонации, странная, угловатая пластика (руки то заломлены, то вылетают — не то в воровстве, не то в огненной муке, не то в призывающем полки на битву жесте), наконец, почти французское грациозное «эр». Голос Рады словно создан для древнего русского ритуального плача, но с тем же успехом могла бы она петь вокальные партии, скажем, Хиндемита или Денисова. В несколько архаичном харде группы «Терновник» все это как бы неявно содержится, как неявно содержится бунт в эскалистском призыве первой песни «Отойди от открытой двери». А мелькнувший в одном из текстов певчий дрозд, вырвавшийся из сусальной

Рада Цапина

композитором» и баллотируется, наравне с Кобзоном, в Госдуму. На самом деле рок из подполья не выходил — просто несколько патриархов переквалифицировались в эстрадных исполнителей и

клетки позднесоветской поэзии, поет теперь «о том, что петь невмочь», — но поет же! Так, через «не могу», живет и русский рок, и вся русская культура.

Игар ТАССОВ

«Звезда» из толпы Татьяна Догилева

Нет на свете дела труднее и ответственнее, чем брать интервью у «звезды». Во-первых, долго мучаешься в сомнениях — достаточно ли светский ты человек, чтобы замахнуться на «наше все». Во-вторых, придя к «звезде» в гости, ругаешь себя — и чего это сомневался? Ведь «звездам» не чуждо ничто человеческое. В-третьих, уже за машинкой, понимаешь: многого не спросил, многого не развил, многого не заметил. И, наконец, в-четвертых, и, пожалуй, в главных, — когда текст написан и сдан, вдруг охватывает паника. Вроде бы и сократил-то мелочь, детальку, полслова. Ан, уже «звезда» — да не та. Впрочем, хватит рефлексии. К делу...

— Татьяна Анатольевна, вы родились во вполне пролетарском предместье Москвы, в рабочей семье, никакого отношения к искусству не имевшей. А стали популярной актрисой театра и кино. Как вы считаете — это везение?

— Мой ответ прозвучит банально, однако жизнь подтвердила: банальные истины — это и есть истины. Конечно, мне повезло, но к везению надо готовиться. А то придет Счастливым Случай, который так нужен артисту, а тот к нему и не готов: или профе-

ссиональные навыки уже подрастерял, или толстый стал, или пьян.

— Ну и как же вы готовились к своему везению?

— Для начала, окончив школу, подала заявления сразу во все актерские учебные заведения: в Щепкинское, Шукинское, МХАТ, ГИТИС и ВГИК. Блата не было. «Данных» — тоже. По крайней мере, так мне сказали в четырех из пяти институтов, выходящая прямо с первого тура. А вот в пятом — ГИТИСе, как ни странно, пропустили на второй тур, потом на третий и, в конце концов, приняли.

— Насколько я знаю, вы еще в школе рвались «в артистки» и даже сыграли в самодеятельности царевну Несмеяну. А потом занимались в Студии юного актера на Центральном телевидении и вели передачи «Отзовитесь, горнисты!», «Пионеры на марше» и еще какие-то в том же роде. Но это, конечно, не назовешь актерским опытом. Трудно вам было учиться в ГИТИСе?

— Господи, я тогда вообще представления не имела о том, что такое кино или тем более театр. Так что сначала просто даже не очень понимала, чего, собственно, от меня хотят. И все равно это было прекрасное, счастливое время! Единственное, что его омрачало, — мысли о будущем: в столичные театры из ГИТИСа не брали, говорили, что это плохая школа. Наш выпускник Саша Абдулов, который в то время уже играл в «Ленкоме», считался героем. А большинство, как правило, вынуждены были уезжать на периферию, где их

ждала очень нелегкая жизнь.

— Вы тоже боялись провинции?

— Нет, я к этому была готова. Зная, что мне никто не поможет, я всегда сама выстраивала свою жизнь. Заранее стала подбирать себе театр. И подобрала — Минский русский драматический. Позвонила туда и сказала: «Вас беспокоит студентка ГИТИСа Татьяна Догилева. Могу я поговорить с главным режиссером?» А они в таком изумлении: «Зачем вам главный режиссер?» — «Хочу у вас работать». Представляете? Потом к телефону подошел Борис Иванович Луценко и поинтересовался, как я выгляжу. Я вкратце рассказала. А когда спустя какое-то время в Москве проходили творческие вечера Минского театра, мы, наконец, познакомились, побеседовали и практически ударили по рукам. Но случилось так, что мой дипломный спектакль «Много шума из ничего» произвел большое впечатление на театральных людей. И я получила приглашения сразу и к Товстоногову, и в московский ТЮЗ, и к Эфросу на Малую Бронную, и в «Ленком».

— Вас выбрал «Ленком». Марк Захаров позвал вас специально на «Жесткие игры»?

— Да. Пьеса была найдена раньше меня. Но Захаров — человек хитрый, осторожный. Он никогда не говорит: «Ах, талант! Ах, берем!» Он вызвал меня и довольно прохладно сказал: «У нас есть роль, и есть на эту роль актриса. Попробуйте порепетировать и вы». Я репетировала, но окончательного приглашения в труппу все не было и не было. Только когда Захаров точно узнал, что меня берут в БДТ, я это приглашение получила. Самое интересное, что в БДТ к тому времени уже вывесили распределение ролей и я была в главной роли.

— Почему же вы не поехали к Товстоногову?

— По личным причинам: здесь, в Москве, я собиралась выходить замуж.

— И теперь не жалеете, что остались в столице?

— Ни в коем случае. Конечно, обидно, что мне не пришлось поработать с выдающимся нашим режиссером. Но работа в «Ленкоме» с Захаровым — это тоже счастье. Другое дело — не часто оно, это счастье, выпадало.

— Есть такое понятие — «школа Товстоногова». У Захарова есть что-то подобное?

— Безусловно. И очень хорошо, что в руки Марка Анатольевича я попала сразу после института. Захаров показал мне, что такое современный театр.

— Он уделял вам особое внимание?

Кадр из
фильма
«Блондинка
за углом»

Перед
выходом
на сцену

— Нет, Захаров никем никогда не занимается персонально. Я не знаю, какой Марк Анатольевич сейчас, но, когда пришла я, актеры для него были лишь одним из средств самовыражения.

— Он со всеми «соблюдал дистанцию»?

— Не со всеми. Например, к Абдулову он питает чуть ли не отеческую любовь.

— «Жестокие игры» шли восемь лет...

— ...И восемь лет я была без второго состава и без других ролей.

— А что случилось со спектаклем «Виндзорские проказницы», который собирался ставить Анатолий Васильев?

— Тут много разных версий: моя

собственная противоречит версии режиссера. Но так как ссориться с Васильевым я не хочу, то пусть она останется при мне.

— Почему не состоялся ваш «роман» с Эфросом? Ведь он вас приглашал...

— ...на роль Офелии. Можете себе представить? Спектакль планировалось делать для телевидения. Гамлет был предложен Александру Калягину — Эфрос был совершенно очарован его игрой. Остальные же Анатолию Васильевичу были просто не интересны. Ему сказали про меня: есть такая молодая артистка — вроде ничего. Он ответил: давайте. Я приходила на репетиции и видела, с каким упоением репетировали Эфрос с Калягиным — это было зрелище дейст-

вительно замечательное. Я разве что не рыдала от восторга, глядя на них. Но со мной Анатолий Васильевич вообще не репетировал. Он только время от времени посматривал на меня, как бы спрашивая: «А кто это?». И как бы отвечая: «Кажется, Офелия».

— Ну а как вам работалось с Виктюком? Говорят, он обижает артистов?

— Не-е-т. Это неправда. Это клевета на Романа Григорьевича. Его обожают все артисты, с которыми он когда-либо работал. Ведь когда он репетирует, он кричит только одно: «Божественно! Гениально!». Надо только иметь мозги, чтобы ненароком в это не поверить.

— И все-таки вам удивительно везло на замечательных режиссеров. Причем не только в театре. В кино, например, вы снимались у такого мэтра, как Эльдар Александрович...

— К Рязанову я отношусь очень нежно, но любимая моя кинороль все-таки не в его «Забывтой мелодии для флейты», а в «Блондинке за углом» В.Бортко.

— У кого вы снялись за последнее время?

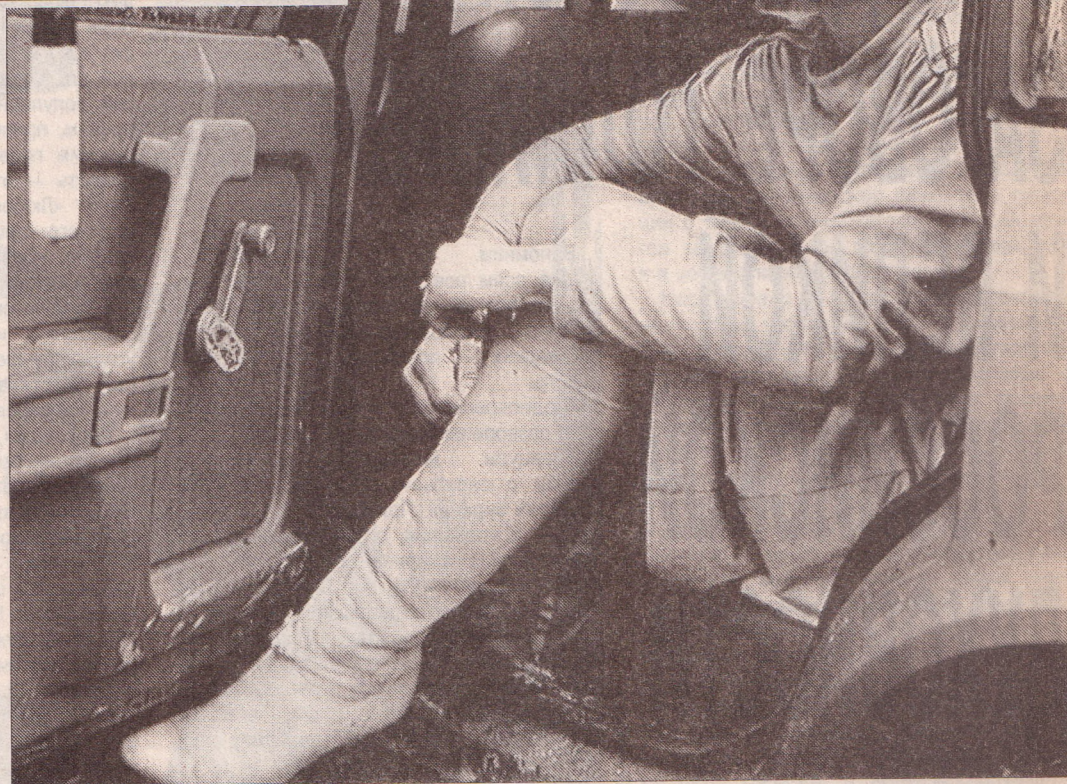
— У Сергея Никоненко в картине «Не хочу жениться», у Георгия Шенгелия в «Стрельце неприкаянном», у Анатолия Эйрамджана в «Женихе из Майами». Ну и так далее. Но — увьи — все это либо эпизоды, либо «подружки главной героини».

— В театре вы сейчас заняты в спектакле, который ставит на сцене Центрального театра Российской армии выдающийся немецкий режиссер Петер Штайн. Там участвуют такие звезды, как Игорь Костолевский, Людмила Чурсина, Екатерина Васильева. Как вы себя чувствуете в такой компании?

— Смешной вопрос. Я вообще-то работала и с Андреем Мироновым, и с Леонидом Филатовым, и с Олегом Меньшиковым, и с Ларисой Голуб-

Кадры из фильма
«Забытая мелодия для
флейты»

киной, и со многими другими.

— **Я имел в виду другое — вам обязательно солировать, как, например, в «Нашем Декамероне»?**

— Совсем не обязательно. Такого честолюбия, чтобы всегда быть на самом виду, во мне нет. Хорошо играешь — все смотрят на тебя, плохо — на кого-то другого. И вообще всегда приятно играть с хорошими партнерами. А с не очень хорошими как-то даже неинтересно. Как будто извозом занимаешься — никакого удовольствия.

— **Давайте поговорим о материях более, так сказать, земных. Например, не трудно ли быть женой писателя-сатирика, тем более такого попу-**

лярного, как Михаил Мишин?

— Ну, меня он воспринимает отнюдь не сатирически. Более того, с уважением относится к моей работе, очень за меня переживает. А трудности? В каждой семье они есть. У нас, слава Богу, не слишком серьезные. Главное, Миша мирится с тем, что меня может сутками не быть дома. Иногда даже сам себе готовит.

— **А в магазин в вашей семье кто ходит?**

— Или я, или муж — больше никому.

— **Вас узнают?**

— Чтобы не узнавали, специально в этих случаях одеваюсь максимально неброско. Но если все-таки узнают,

то это всегда ужасно: почему-то все страшно пугаются. Впрочем, продавщицы некоторых окрестных магазинов ко мне уже привыкли: «Ой, что ж вы сегодня так плохо выглядите?»

— **И все-таки, Татьяна Анатольевна, вы «звезда» или не «звезда»?**

— Да нет, что вы. Быть может, известная артистка — не более того. «Звезда» — это когда у тебя много денег, дача, машина, бриллианты, шубы и домработница. У меня ничего этого нет. В принципе, я — женщина из толпы. Просто профессия такая, что тебя знают. Только и всего.

Эдуард ДОРОЖКИН
Фото ИТАР—ТАСС

Сергей ЛАВРЕНТЬЕВ

О ЖИДОМАСОНСКОМ ЗАГОВОРЕ ГОЛЛИВУДА И ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОСТИ

Уход Федерико Феллини в высшей степени знаменателен. Он означает окончательное расставание с авторским кинематографом, с «кино для избранных», с теми фильмами, которые, по давнему выражению Маэстро, не похожи на футбольные матчи — их нельзя смотреть по одному разу.

Но говоря о знаменательности этого ухода, я имею в виду не столько результат, сколько процесс. То, как уходил великий итальянец.

Вспомним.

Уже всем все ясно. Уже родственники просят врачей не поддерживать искусственно жизнедеятельность организма. Но медики — поддерживают. Несколько недель.

А одновременно с умиранием киноклассика разворачивается иной процесс...

Французы начинают решительную борьбу с засильем американского кино на своих экранах. Принимаются всяческие законы и уложения, ограничивающие распространение американских картин. Стивен Спилберг и Мартин Скорсезе обращаются к своим европейским коллегам с недоумением по поводу дискриминации. Коллеги отвечают взволнованным посланием, в котором уверяют, что американцы губят европейское кино, а они, европейские кинематографисты, вознамерились его отстаивать.

На первый взгляд, борьба с американским кино замечательна и даже благородна. Но уже второго взгляда достаточно, чтобы разглядеть истинный смысл происходящего.

Американское кино безраздельно царит на планете — это справедливо. Но отчего так случилось? Масонский заговор (благо, абсолютное большинство голливудских продюсеров и режиссеров — евреи)? Почему же сей коварный план удался? Чем привлекают голливудские фильмы рабочего из Лодзи, крестьянина из Сибири и австралийского аборигена?

Тем, прежде всего, что анкетные данные персонажей интересуют авторов в последнюю очередь. Герои фильмов могут быть рабочими или фермерами, немцами или китайцами, главное — вечные челове-

ческие проблемы и ценности, для художественного отображения которых каждый раз находится яркая и острая форма. И все в голливудских киноисториях понятно. Мастерство постановщика определяется не формальными изощрениями, не насыщением кадра бесчисленными метафорами и символами, разгадать которые смогут пять человек из ближайшего режиссерского окружения, а простотой и стройностью в изложении сюжета, грамотной работой с актерами. Что же до голливудских актеров!.. На них хочется смотреть бесконечно, им хочется подражать, с них хочется «делать жизнь».

Почему же это плохо? Почему это — «оболванивание», «нивелировка», «стирание различий» и прочая, и прочая?

И чего так взбеленились французы? Ведь это их «Индокитай» признан в Америке лучшим иностранным фильмом года. Ведь это их комедии и мелодрамы не просто идут в Америке, но становятся основой для создания своих, заокеанских версий популярных киноисторий, что, между прочим, приносит немалые барыши французским правоподателям. Ну что это за дикость — отказывать фильму Жан-Жака Анно «Любовник» (рекордсмену национального проката) в праве добиваться премии «Сезар» только потому, что он снят на английском языке! Прямо не Франция, а Советский Союз какой-то!

Впрочем, недоумевать можно сколько угодно. Лучше обратиться к фильму, который участвовал в состязании и получил кучу «Сезаров».

Персонажи ленты Сирила Коллара «Дикие ночи» (москвичи могли ее видеть на кинофестивале прошлым летом) говорят по-французски, что замечательно. Картина автобиографична и рассказывает о страданиях несчастного бисексуала, умирающего от СПИДа, что трогательно и благородно. Режиссер скончался за месяц до присуждения ему награды, что невыразимо трагично.

Однако все эти внешние обстоятельства не могут отменить рыхлости фильма, его неровности, ритмической невыстроенности — классических синдромов дебютного произведения. Отчего же именно оно объявляется лучшим французским кинофильмом года?

А оттого, что — авторское кино.

Французы и вообще европейцы обеспокоены не вытеснением с экранов кинематографа Старого Света. Они обеспокоены (и совершенно справедливо) тем, что Голливуд своей суперпродукцией окончательно отбил охоту у европейцев смотреть авторское кино, произведенное на родине кинематографа и в сопредельных ей государствах.

Рецепты выхода из означенной ситуации абсолютно коммунистические. Не желая поступать по принципам, европейские кинематографисты готовы даже на то, чтобы в какой-то мере запретить своим зрителям контакт с Голливудом,

Рис. Е. Виноградовой

тем самым заставив их глядеть европейское авторское кино. А оно сегодня представлено не Феллини, не Антониони, не ранним Годаром, не ранним Фассбиндером и Вендерсом, не «польской школой», не чехословацкой «новой волной». Вполне адекватное представление о современном состоянии авторского еврокино могут дать прошедшие недавно в Москве ретроспективы новых итальянских и француз... миль пардон, франкофонных фильмов. Очень плохие, плохие и неплохие картины, представленные в этих программах,

объединяло одно: они сделаны не для того, чтобы демонстрироваться в кинозалах, а для чего-то иного, неведомого. Но все-таки пытка, которой меня подвергли устроители означенных ретроспектив, была не напрасна. Теперь я точно уверен в том, что европейские киношвинисты предлагают зрителям фильмы, изначально сделанные с глубочайшим к ним, зрителям, презрением.

В России-матушке все, как водится, гораздо веселее. Давние стенания по поводу гибели отечественного кино, в ка-

ковой виноваты опять-таки злокозненные американцы, уступили место различного рода прожектам. Возникло, например, чудесное положение о квотах на иностранные картины, гарантиями качества которых должны выступать призы кинофестивалей (причем в их, фестивалей, перечислении отчего-то отсутствует Берлинский, но присутствует Карловарский).

И даже политические деятели включились в словесные перепалки об исчезновении с экранов отечественных фильмов. Иные уверяют, что в случае, если они придут к власти, заполнят российские кинотеатры национальной кинопродукцией едва ли не на 90%.

К счастью, как и положено в России, никто всерьез ко всему этому не относится. Прожекты есть прожекты, словеса есть словеса, а документы есть лишь тексты на бумаге. Но вот что любопытно.

Стремление «задрать штаны бежать за» Европой, издание грозных эдиктов во спасение национального кинематографа у нас характерно как раз для тех, кто этот самый кинематограф-то и сгубил.

Если европейцы еще могут тешить себя иллюзией американской вины, то в ситуации с нашим кинематографом поиски врагов на стороне так же беспочвенны, как и в общеполитической ситуации.

Наш зритель не ходит на наши фильмы не потому, что их вытеснили американские, а потому, что наши фильмы стали настолько убогими, что даже сравнение с третьеразрядными заокеанскими боевичками, имевшими место в отечественном прокате двух последних лет, оказывается не в пользу отечественной продукции.

В чем же дело?

Да в том, что мы — не Европа. Мы и не Америка, конечно, но с голливудским кино у нас все-таки было больше общих черт, чем с авторским европейским. Ведь что такое самые кассовые советские ленты 80-х годов «Москва слезам не верит», «Пираты XX века» и «Экипаж»? Чистейшей воды Голливуд. Что такое александровские и пырьевские комедии, фильмы Гостева, Матвеева, Озерова, Бондарчука?.. Только не надо говорить о колхозно-совхозном, чекистско-цвигунском, коммунистическо-ленинском пафосе. Это, так сказать, надстройка. Что же до базиса...

Спасибо телевидению — показ голливудских мюзиклов 30— 50-х годов окончательно развеял миф о самобытности «Веселых ребят» да «Кубанских казаков», авторы которых лишь удачно перенесли на советскую почву универсальную модель кинематографического зрелища.

Случай с «Освобождением» еще более прост. Картина задумывалась (об этом писалось и говорилось открыто) как «наш ответ Чемберлену». Американцы снимают широкоформатные эпопеи про войну, а мы, ее выигравшие, совершенно этого не делаем. Так снимем же эпопею — такую же широкоформатную, но советскую, партийную! Установка сия оказалась руководя-

щей не только для создателей «Освобождения», но вообще для отечественного кино 70-х, которое заэпопеило всю нашу «победоносную» историю.

Зрители любили этот кинематограф не за то, что он призывал их верить любимой партии и строить коммунизм. Это кино было простым, понятным, а иногда и трогательным. Оно воистину принадлежало народу.

Начав справедливую борьбу против лживых ценностей, каковые сей кинематограф должен был внедрять в человеческое сознание, киноперестройщики стали сражаться и против той доступной голливудской формы, в которую эти ценности упаковывались. В результате уже в 1987 году экраны наших кинотеатров заполнились «Скорбным бесчувствием», «Переменной участи», «Талисманом», который должен «меня хранить», и прочими творениями режиссеров-авторов. Со страниц газет и журналов народу предлагали отксереститься от «Любви земной» в пользу «Посетителя музея». Народ послушал, почитал, поглядел и... прекратил ходить в кино.

РеволюционЭры, как водится, свалили всю вину на заокеанский империализм и

подняли знамя защиты национального киноискусства.

Не верьте революционЭрам. Они хотят спасти не национальное кино вообще, но авторское национальное кино. Разумеется, сегодня они уже не в состоянии заставить прокатчиков показывать «Детей чугунных богов» или «С Новым годом, Москва», но на благосклонность европейских фестивалей они еще надеются. Думаю, тщетно. Экзотика постсоветской претенциозности уступила там место среднеазиатскому примитивизму. Так что остались наши революционЭры у разбитого корыта.

Сознавать это невыносимо, поэтому кампания по «спасению российского кино» будет, видимо, ожесточенной. Но — еще раз предупреждаю — не верьте революционЭрам!

Пролистайте подшивки московских газет. Вы убедитесь, что, скажем, комедия Юрия Мамина «Окно в Париж» демонстрировалась в столице два месяца без перерыва. В предпоследнюю неделю декабря на московских экранах показывалось 22 (двадцать два!) отечественных фильма. И это безо всяких квот и ограничений на фильмы иностранные. Я регулярно получаю сведения о кинорепертуаре города

Орла — там ежемесячно показывают 10—15 российских кинопремьер.

Разумеется, все это не может быть секретом для революционЭров. Разумеется также и то, что среди этих картин совсем нет авторских — потому-то «сокрушители старого мира» и требуют квот.

Суть киноситуации состоит, однако, в том, что фильм как средство режиссерского самовыражения не потребен более Времени. Он не нужен ему так же, как был необходим в 60-е годы. Кардинально изменился мир. Стали иными, более консервативными духовные ориентиры человека. В то время как отечественные интеллектуалы все еще млеют от Гринуэя и Джармена, элитная публика венецианского фестиваля ревмя ревет при виде Стивена Спилберга и ломится в зал, где показывают «Юрский парк».

Можно сколько угодно говорить в связи с этим о Великой Российской Духовности и Ужасающем Западном Прагматизме, но положение дел не изменится. Авторское кино мертво.

Оно скончалось в Риме на исходе октября. И не нужно искусственно поддерживать жизнь в бездыханном теле.

Дикие животные сказки

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ

КУКУВЕЧКА

Кукушонка Шурку начали учить музыке, и его мать, кукушка Калерия, теперь искала свое отродье по всему лесу, и ее постоянное «найду—выпорю» (ку-ку, ку-ку) сводило с ума совудирижера эмигранта шестой волны Егора (партийная кличка Седой).

Сова Егор по партийной привычке работал ночами, а спал днем под неустанные вопли кукушки Калерии.

Гиены тоже возражали против шума, кукушонок Шурка метался по лесу будь здоров, буквально ломая дрова.

Только жаворонок Милочка приняла сторону кукушки Калерии, сказала, что все ее знакомые учили детей музыке и тут без скандалов не перебьешься, не один смычок об спину сломан, но зато потом кусок хлеба на жизнь.

Однако когда кукушка Калерия как-то вечером отловила Шурку и привела его к сове Егору-Седому и Егор, морщась как от зуба, послушал Шурку, результат был обратный: сова Егор сказал, что учить кукушонка надо непременно, что, ежели он с таким слухом и голосом начнет куковать, из лесу снова придется эмигрировать (Шурка вместо «ку-ку» кричал «бда-бда»).

Сова Егор (Седой) вечерами, мучительно зевая, учил кукушонка гаммам, а мать кукушка Калерия, плача от счастья, куковала под дверями.

Результат был следующий: чтобы поощрить кукушонка Шурку, сова Седой устроил его солировать в хор на польскую песенку «Кукувечка кука», хотя в нужном месте Шурка вступал невпопад и вместо «ку-ку» орал не своим голосом «бда-бда».

Но хор гиен (ночной) в ответ стройно выводил свое «Ааа... Ааа...», и кукушонок Шурка как-то заметно остепенился, начал стараться, тем более что выяснилось, что его заменитое «бда» происходит от простой причины: он склонил как-то железную гайку, и она так и сидела у него в ноздре.

Ветфельдшер кондор Акоп, возмущенный неправильным исполнением любимой песенки «Кукувечка» (у него был в свое

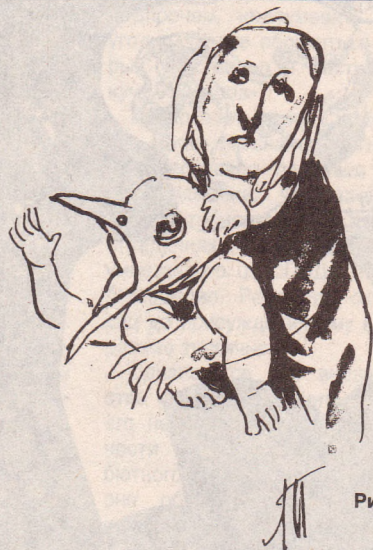

Рисунок автора

время мимолетный роман с кукушкой Калерией, когда они оба играли в нашумевшем порноспектакле театра зверей Ромео и Джульетту), — так вот, кондор Акоп по собственной инициативе осмотрел кукушонка Шурку и вытащил у того из носа ржавую гайку.

Освобожденный кукушонок на радостях гаркнул такое мощное «ку-ку», что мать в ответ безумно закуковала, и теперь их семейный дуэт звучит без умолку: вот что значит правильное воспитание в трудовом коллективе гиен, но сова Егор-Седой все равно, укладываясь спать, затыкает свои большие волосатые уши двумя подушками-думочками, надо приспособливаться.

Нельзя же всю дорогу эмигрировать.

Предыдущие «Дикие животные сказки» читайте в №№ 22—52, 1993 г., и в №№ 1—2, 1994 г.

МОЛЧАЛЬНИЦА, или Благородное Сокровище

— Вера Николаевна, минувшим летом вам здесь, в этом вашем московском доме, был вручен орден, которого удостоил вас за ваши переводы из японской поэзии Его Императорское Величество Акихито, — очень красивый орден, и так же красиво называется: «Благородное Сокровище». На свитке с текстом указа Его Величества — личная печать Императора Японии. Я вас хочу прежде всего поздравить — тем более что, насколько мне известно, у вас ведь нет российских орденов за ваши литературные заслуги: не было ни гроша — и вдруг алтын! Высший знак отличия!

— Нет, это не высший. Есть еще выше — Орден Хризантемы. Его имел Николай Иосифович Конрад, мой учитель. А этот орден — на нем изображены действительно сокровища, священные реликвии императорской семьи и вообще Японии: ожерелье из яшмы, меч и зеркало, которые принадлежали богине Солнца. Этот орден, между прочим, в России имело несколько женщин. Так, например, Анна Евгеньевна Глузкина (она старше меня, перевела антологию поэтической восьмого века), была еще Львова — переводчица японского эпоса, потом еще одна художница — боюсь спутать ее фамилию, — долго жившая в Японии и потом вернувшаяся на родину... Так вот, я замечаю, что императорские почести к нашим идут как-то больше по женской линии — как орден святой Екатерины когда-то.

— А кто-нибудь обратил внимание на это событие? Вообще есть у нас почитатели?

— Обратить — никто внимания, конечно, не обратил. А почитателей очень много — но это не мои поклонники, а просто любители классической японской литературы, переведенной мною. Я догадываюсь об их присутствии — например, я слышала, что есть даже какие-то клубы или общества поклонников японских трехстиший, где и читают Басё в моих переводах и сами пишут хокку-трех-

**С поэтессой
и переводчицей
Верой МАРКОВОЙ
беседует обозреватель
«Столицы»
Михаил ПОЗДНЯЕВ**

стишия. Многие любят «Записки из изголовья» Сэй-сёнагон. Прямой связи с читателями у меня нет — разве что с Белоруссией, и то поскольку я там родилась. Вот так...

— Как-то странно: вы — единственная в своем роде, ведь есть еще в аша Эмили Дикинсон, ваши переложения для детей рыцарского эпоса — до этой книги, «В стране легенд», вообще для детей при советской власти, по моему, памятники средневековой литературы не издавались?

— Да. Книга вышла один раз — и сразу кто-то сказал: «Слишком много королей!»

— И сейчас нет предложений от издателей?

— Сейчас предложения сыпятся, да я подозреваю, что гораздо больше пи-

ратских изданий, как и японских сказок в моих переложениях, ведь сейчас эти книжки нарасхват... но мне никто ничего не сообщает, не спрашивают даже согласия. Я не имею — не буду говорить о гонорах — даже авторских экземпляров... Разве уследишь? В каких-то случаях в этих книжках нет упоминания моего имени или вообще стоит чужое имя... Впрочем, меня это не слишком волнует.

*Туман и осенний дождь,
Но пусть невидима Фудзи,
Как радуется сердце она!**

— «Ах, восточные переводы, как болит от вас голова!» — написал однажды Арсений Тарковский. Судьбы наших лучших переводчиков — и почему-то именно восточной поэзии — почти все горестные, печальные. Люди всю жизнь писали стихи, замечательные стихи, но об этом мало кто знал. Вы себя в одном из стихотворений называете молчаливой. Как это так получилось?

— Ну, это очень просто. Для меня переводы были всегда в радость — никогда не воспринимала я их как повинность. И поэтому голова не болела... А потом — начала писать стихи я ребенком. Подросла, вынула свою детскую тетрадку и ужаснулась: да, это были настоящие приливы вдохновения, и мучительные — но ведь все чепуха! И не писала я довольно долго, потом опять стала писать.

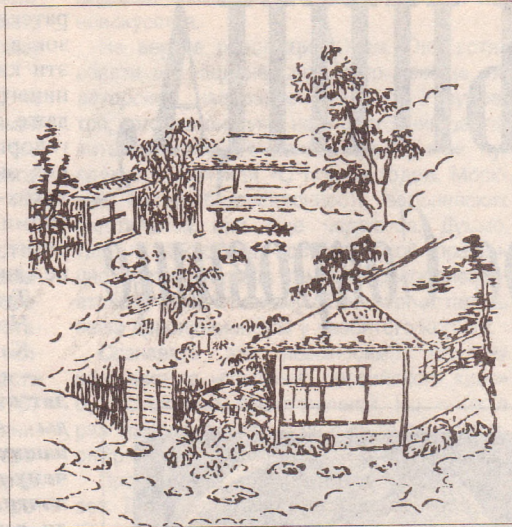
В эвакуации однажды я передала тетрадь с записями лекций, что ли, для жены академика Конрада — Наталии Исаевны, и там случайно забрел листок стихов. Наталия Исаевна мне сконфуженно сказала: «Я нашла ваши стихи... Но они мне нравятся. Что вы с ними делаете?» — «Как что?! Я рву их». — «Я вас очень прошу, не рвите. Отдавайте лучше ваши стихи мне. Я буду вашей хранилицей».

Я ей и отдавала, она перепечатывала их, даже переплетала. Это все теперь стоит у меня на полке, в глубине... И еще такое обстоятельство. Мой муж, Леонид Евгеньевич Фейнберг, считал, что ничего не надо отдавать в печать. Это, говорил он, при наших строгих правилах скует тебя, ты не сможешь писать, как хочешь, а будешь подлаживаться: пройдет — не пройдет... и тогда одно из двух, говорил он, или ты замолчишь навсегда, или станешь борзописцем. Пиши — или не пиши, как тебе захочется. Но — не суйся в печать. Ты же печатаешься как переводчик — вот и довольно. Что-то от тебя там тоже есть...

— А вы легко привыкли к этому

*Здесь и далее — стихи Басё в переводах В.Н.Марковой.

В оформлении
использованы
иллюстрации к сборнику
японских трехстиший в
переводах В.Н.Марковой.
Книга выходит в
издательском центре
«ТОЛК»

«обету молчания»? Ощущаете ли вы себя в своей литературной жизни схимницей или жительницей провинции?

— Пока был жив муж, не ощущала. Нас было двое, и он был моей благодарной аудиторией. Иногда я читала друзьям. Немногим. А вот сейчас я это более чувствую — что я схимница. Но это и понятно: возраст уж высокий. Пора и схиму принимать...

— Но все же — шесть лет назад в «Новом мире» впервые были напечатаны ваши стихи.

— Это для меня было неожиданностью. Просто мой друг один, ни слова мне не говоря, показал их Олегу Чухонцеву, и тот сказал: «Это совсем не в моем жанре и не очень мне по душе, но стихи такого качества, что я не имею морального права их не опубликовать», — что он и сделал. А мой друг мне сообщил об этом уже когда вышел журнал. Он боялся меня травмировать — мало ли что!

Луна или утренний снег...

*Любуясь прекрасным, я жил,
как хотел.*

Вот так и кончаю год.

— Если не головная боль — то не было ли для вас общение с Басё или с Эмили Дикинсон бегством от своего жестокого века?

— Бегство несомненно было. Хотя от судьбы никуда не убежишь. В Ленинградском университете, где я училась, кроме Конрада читали лекции такие его ученики, как Юлиан Щуцкий, — я занималась в его семинаре по китайской поэзии. Он был расстрелян потом. Позже на кафедру пришел Невский — гений в полном смысле слова, знавший не просто японский язык, но все его наречья, диалекты, речения разных сословий. Он тоже был расстрелян в 37-м году, на проклятой пустоши какой-то, вместе со своей женой-японкой и с несколькими еще востоковедами. Кон-

рад также попал в тюрьму — и, к счастью, вышел...

Бегство — не бегство, но помню, как Невский мне говорил: чтобы проникнуть в седьмой век, понять, как творил поэт в древности, нельзя смотреть на него снаружи. Должно быть полное перевоплощение — ну, не совсем система Станиславского, но настоящее проникновение вовнутрь.

Вот в японском классическом театре Но был такой прием. На сцене висело зеркало. Уже в костюме и в маске подходил к зеркалу актер, долго смотрелся в зеркало — и преобразался. Он уже выходил к зрителям не сам собой, но кем-то другим. Так что в хорошем переводе личность переводчика всегда присутствует. Ведь и театр приветствует не только героя драмы, а и актера...

Я не жила все эти десятилетия в пагоде или в башне из слоновой кости. Я читала постоянно и современную литературу, много и на разных языках. И в своих стихах я шла от русской традиции нашего века. Правда, мне часто говорят о японской традиции в моих стихах. Может быть, я не знаю. Но тогда это бессознательно. Потому что я совсем не пыталась привить этот черенок к русской поэзии. Я находила приемы японской поэзии и у Пушкина: «Был вечер. Небо меркло. Воды/Струились тихо. Жук жужжал» — это из «Онегина»... и что же? какое издевательство вызвали в прессе эти стихи!

— То есть у Булгарина?

— Да. Он написал: поздравляем Пушкина с новым персонажем! Но ведь что такое жук у Пушкина? Это мера тишины — то, что японцы хорошо знают: что такое в природе сверчок или цикада. Все отличие Пушкина от японцев — что у него такие драгоценные строчки как бы рассыпаны, вкраплены в огромное полотно, а

у Басё это было самодостаточно.

Запад, Восток —

Всюду одна и та же беда,

Ветер равно холодит.

— **Вера Николаевна, книга ваших избранных стихов, выпущенная за свой счет год назад, погребенная до сих пор на невесть каком складе, лишь в одном или двух московских магазинах ненадолго малой частью тиража мелькнувшая и совсем не замеченная критиками, — эта книга названа «Луна восходит дважды», по заглавию поэмы о сталинском терроре, поэмы, созданной вами в середине 50-х, когда не было еще ни Шаламова, ни Солженицына. Часто ли вас беспокоила злорадия?**

— Часто, и сильно отвлекала. Но я бы сказала, что у меня были времена как бы искусственного затишья, когда это все уже не ломилось в мою дверь. Мы с мужем часто бывали на природе, уезжали надолго из Москвы в дома творчества. Сновидения играли важную роль в моей жизни. Теперь, к старости, они как-то выродились. В них нет прежней поэзии и чувства. Я стараюсь их не видеть. У меня сейчас другое: очень часто всплывают картины из детства. Я люблю вспоминать, но стараюсь, чтобы это было раннее детство, потому что в мои десять лет началась революция, и я видела кошмары не во сне, а наяву. Я спасалась в детстве сказками или — в разгар гражданской войны — «Тремя мушкетерами». У меня на долгие годы сложилась привычка читать на ночь детективы и прочую низкопробную литературу. Я знала, понимала, что за дрянь я читаю, и, значит, очевидно, это было бегством от реальной уголовщины. И я не удивилась, узнав, что Анна Ахматова тоже имела такую привычку к английским детективам. Она тоже так спасалась — а ее покрепче моего жизнь была... Вообразите себе, я так в библиотеке и говорила: «Дайте мне какой-нибудь романчик, полегче, похуже, детективную книжку какую-нибудь дрянненькую. Не надо классиков. После них не спи-тся»...

— А вот у вас в стихах сорок девятого года на Пушкинский юбилей есть строки:

*Когда, другого гения пиная,
Любовь к тебе мы носим напоказ,
Что ж ты стоишь, главы
не подымая?
Стыдись ли нас? Или
скорбишь о нас?*

— это, мне кажется, о травле Ахматовой?

— Нет, это другое. Это Достоевский. Симонов тогда произнес речь, где подло отозвался о Достоевском. Меня это возмутило.

— **За такое стихотворение вы могли сгинуть.**

— Но Бог миловал. Этот листок был спрятан у Конрадов. Еще одна близкая моя подруга от меня слышала — но она очень надежный человек... Вообще вся эта петрушка с юбилеем сорок девятого года, начиная с переноса памятника, была ужасна. Памятник раньше стоял на фоне неба и деревьев — а тут какой-то базар. Да еще на месте, где был прежде Страстной монастырь. Его взорвали...

Год за годом все то же:

Обезьяна толпу потешает

В маске обезьяны.

— **Вы счастливая! Вас в жизни столько прекрасных людей берегли — и уберегли.**

— Это правда. Хотя часто судьба задела меня краем своих одежд... «Луна восходит дважды» была начата, когда обо всем этом молчали не только журналы, но и люди, даже близкие. К поэме не было конкретного одного толчка — таких толчков было множество: это и судьба моих университетских учителей, и судьба моего отца. Это и судьба моего отца, который не пропал в лагере, не был расстрелян, но он не мог пережить несправедливости, ведь он ничем ни перед кем не погрешил, и он умер от разрыва сердца. Когда я шла за его гробом, то у него на лице было то же выражение, как у княгинюшки в «Войне и мире» — помните? «Ах, люди, что вы со мной сделали? За что?»

У моей поэмы был один замечательный читатель — Маршак. История эта удивительна, необычна. В общем, это моя догадка — хотя я в ней совершенно уверена. Дело в том, что жена Конрада работала с Маршаком над книгой сказок. И она, думаю, показывала ему и стихи мои и поэму — но просила сохранить это в тайне. Он только отзывался о моих переводах. Но однажды меня вызвали к нему. Я приехала и увидела, что он задыхается в приступе астмы. Страшный был приступ, но он выжил тогда, и потом еще недолго прожил. Он увидел меня и очень серьезно говорит: «Я просил вызвать вас, потому что видите, как мне плохо. Я хочу вам сказать: Россия вас когда-нибудь узнает». Я вышла от него и заплакала, совсем не понимая смысл его слов. А потом, после его смерти, Лев Гинзбург мне сказал, что, умирая, Маршак настойчиво, несколько раз просил позаботиться именно обо мне — тоже ничего не объясняя...

И так еще тридцать лет прошло — пока не вышла моя книга, а в ней эта поэма, и на обложке — эти же слова: «Луна восходит дважды».

В небе такая луна,
Словно дерево спилено
под корень:

Белеется свежий срез.

— **И три года назад, и еще год назад вы мне говорили не раз, что все происходящее напоминает вам 1916 год...**

— Да, у меня было предчувствие такое, я это всем тогда говорила, что живу как будто в шестнадцатом году. Пока что предчувствие мое не подтвердилось — семнадцатый год не наступил... А может, и наступил — но мы все этого просто не заметили.

Мать моя была человек очень предчувствующий, и в шестнадцатом году она умоляла отца: «Уедем в Швейцарию!» Родные смеялись: «Езжайте, Коля. Наденешь шапку швейцара и будешь стоять в дверях гостиницы!» — это они говорили потому, что мама мечтала купить в Швейцарских Альпах домик и устроить в нем небольшой пансион, гостиницу маленькую. Никто всерьез к маминим словам не относился — а ведь она знала, что говорит. Потом, года через три, в Ялте, где отец по советскому мандату лечился от туберкулеза, и нас туда с ним замотало, он однажды сказал маме: «Пароход у пристани. Можем сесть и уплыть в Турцию». Мать помолчала и сказала: «Нет. Остаемся здесь»...

Вот сейчас такая вдруг картинка всплыла. Мы до революции летом жили у тети — она снимала дачу возле Печерского монастыря. Первый год войны или второй. И вот там собор, как бы спиной прислоненный к обрыву, и вровень с куполом — монастырский сад. Там дуб, огороженный решеткой, его изгрызли для избавления от зубной боли, там родник со священной водой, где кружка висит на цепи, и прочие чудеса. Мама там гуляла со мною и, любуясь всем этим, забывалась... а я тем временем перебралась на купол собора — и пошла по этому синему своду и золотым звездам... Наверное, я осторожно шла или купол был не слишком покатым, но я вдоволь погуляла, а когда вернулась — услышала спор мамы с настоятелем, который ей говорит: «Как

вы дурно воспитали ребенка! Какие правила внушили вашей дочке! Она же оскверняет храм!» — а мама ему отвечает: «Вот вы сейчас думаете, что девочка нарушила правила, а я думаю, что она в любую минуту может сорваться и расшибиться насмерть, упав с такой высоты. А вам, батюшка, это не приходит в голову?» Он ничего не говоря ушел, я спокойно спустилась, а мама спросила меня: «Почему ты это сделала?» — «Да как же, мама, — я ей ответила, — я же видела, что там птицы ходят — значит, и я могу. И так, ты знаешь, было хорошо там ходить!»

Глубокой стариной

Повеяло... Сад возле храма

Засыпан палым листом.

— **Вот я сейчас вернусь к началу: вы не считаете себя обделенной?**

— Недавно мне приснился вдруг странный сон. Вероятно, отражающий мои мысли. Он был на редкость яркий и внятный. Мне приснился Маяковский, которого я никогда даже вблизи не видела. Он пришел ко мне в гости, и я долго рассказывала ему, как живу и почему. Он выслушал, помолчал и потом сказал мне: «Так должен жить поэт». На этом кончился сон.

— **Он исчез, по-видимому, с отчетливым запахом серы (простите мне этот черный юмор)?**

— Нет. Он не окружен был запахом серы.

Он сказал это как-то грустно.

— **Вера Николаевна, так, значит, молчанье, роль молчальницы — не крест, а подарок судьбы?**

— Да. Так велел Бог — так оно и есть.

— **И вы согласны с Пушкиным, сказавшим: «Ты царь. Живи один»?**

— «В широкошумные дубровы»? С большим удовольствием!

Фото Б.Фельдмана

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

Новый американец

Витяня появился в Нью-Йорке в августе 1992 года и поселился на Уайт-стрит в Вильямсбурге. Слава о нем разнеслась по небольшой общине осевших здесь российских художников моментально. В то время как многим приезжавшим из Союза предстояла долгая борьба за вид на жительство, Витяня прибыл в США с американским паспортом.

История его была фантастической. В начале войны его отца, командовавшего торпедным катером, взяли в плен немцы. Его выловили из холодных балтийских вод и отправили в концлагерь. В 45-м году он попал в американскую зону, а затем — в США. Витяня появился на свет в Бруклине. В начале 60-х, когда ему было три года, его родители решили перебраться в Союз. Витяня рассказывал, что оба были коммунистами и покинули США в начале хрущевской оттепели, поверив, что теперь-то Россия начнет строить светлое будущее по-настоящему. По мнению Витяниной мамы-американки, родина ее была воплощением всей мерзости капитализма, и супруги остались в Союзе навсегда.

Вернувшись в Америку, Витяня не мог сказать по-английски ни слова. Он был крепкого сложения, лыс, с глубоко посаженными маленькими глазками и носил длинную рыжую бороду лопатой. Чем-то он напоминал раздобрешего Достоевского, которого перестали тревожить разного рода глубокие мысли и постоянная нехватка денег.

Первое слово, которое выучил Витяня в Америке, было «велфэр». Как-то соседка по лестничной клетке спросила Витяню, как его дела, на что он ответил — «ай эм велфэр», вместо — «ай эм вел». Получение пособия стало главной задачей Витяни, а само оно скоро превратилось в недостижимый плод сказочных мечтаний. Видя плечистого и румяного парня в дорогой кожаной куртке — Витяня старательно приоделся перед возвращением на родную землю, — клерки из соцобеспечения придумывали самые невероятные отговорки, чтобы не дать ему денег. Безъязыкий, он был бессилен против их коварства. Вследствие этого он скоро стал, как когда-то его мать, махровым антиамериканцем, хотя мотивы их ненависти к отечеству были разными.

— Эти с-скоты позволили моим придурочным родителям отдать меня коммунистам, — со злой улыбкой говорил Витяня. — А теперь, когда я вернулся, они отказываются мне помогать!

У Витяни было еще одно неординарное качество, привлекавшее к нему интерес публики, — он был йогом. Бывшая киевская художница Ирина Мицотаки, хрупкая девушка с буйной гривой рыжих волос, рассказывала, что своими глазами видела, как Витяня простоял на голове полтора часа.

— Мы сидели бухали, а он стоял в углу у стены, — рассказывала Мицотаки. — Он стоял чисто как вешалка, и меня еще все время подмывало повесить ему на ногу зон-

тик или шляпу. И он так простоял ровно полтора часа. Я еще засекала время.

— А потом? — спросили Мицотаки.

— А потом он сел к столу и стал бухать вместе со всеми. Да, и еще он что-то стал гнать типа того, что йога — это свет, а все остальное — тьма.

Мой герой прибыл в Нью-Йорк с тысячей скопленных в Москве долларов, и его природная скарденность помогла ему продержаться с этой суммой на плаву довольно долго. С месяц он обитал в мастерской добросердечного израильского чеканщика Авигу Мизрахи, жившего в самом конце пустынного бруклинского Бродвея, где он упирается в поросшую сорной травой набережную Ист-Ривер. Добросердечием, столом и кровом Мизрахи пользовались, кажется, все проходимцы Израиля и России, высадившиеся на американский берег, и Витяня не был бы Витяней, если бы и он не бросил здесь свои чемоданы.

Витяня прожил у Мизрахи около месяца, когда в Нью-Йорк прибыл по гостевому вызову Мицотаки ее бывший интимный друг украинский скульптор-монументалист Григорий Дюжий.

В это время дела у самой Ирины были хуже некуда: она полгода сидела без заказов и приблизительно столько же не платила за квартиру — уютную студию с шикарным видом на Вильямсбургский мост, соединяющий Бруклин с Манхэттеном. Непосредственно перед приездом Дюжего домовладелец, устав ждать лучших времен, выселил Ирину из студии, на которую у него наверняка нашелся более приличный съемщик, — это было время, когда в журнале «Нью-Йорк» появилась статья о том, что Вильямсбург грозит стать «вторым Сохо», и сюда ринулось несколько сотен полунищих художников, которые даже мечтать не могли, чтобы снять квартиру в «первом Сохо». После выселения, как нетрудно догадаться, Мицотаки с Дюжим явились к Мизрахи. Глядя из окна мастерской, как парочка выгружает из такси свои пожитки, Мизрахи, словно радуясь разгаданной им сложной загадке и потирая ладошки, сказал на своем ломаном русском:

— Кто этот не знал, тому десять лет каторги получает!

Очень скоро монументалист приревновал Витяню к Ирине. Это произошло, когда за чаем Витяня завел речь о половой жизни йогов, сразу проведя черту между собой, йогом, и слушателями, половая жизнь которых, по его словам, могла быть соотнесена только с половой жизнью одноклеточных.

— Вот по сколько ты свою телку пилишь? — без зазрения совести спрашивал наглый йог у Дюжего, в то время как заливающая краской Ирина пыталась скрыть смущение за дрожавшей улыбкой.

— А я тебе скажу сколько, — продолжал Витяня, которого ответ собеседника не интересовал ни в малейшей степени. — Две минуты. А сколько раз в неделю! — продолжал он. — Один раз, правильно? Правильно! А йог, чтоб ты знал...

— Слухай, Витяня, — неожиданно перебил его Гриша Дюжий, который был к этому времени окутан черным облаком лютой ненависти к собеседнику, как бывает окутан грозвыми тучами могучий торс Эмпайр стэйт билдинга.

— Был у нас в Киеве один памятник — матрос с автоматом. А называли его «матрешка».

— Интересно, — заметил Витяня. — Что ж так?

— А так, что в матроса вставили другого матроса, только живого, и там его, бедного, так и зацементировали. Сверху один матрос, а внутри другой.

— Оригинально, — косо усмехнулся Витяня. — А чего это его?

— А того его, — Дюжий громко отпил чай, выразительно глядя на собеседника, — что свистел сильно много.

— Ладно, — Витяня поднялся. — Схожу по галереям пройдуся.

— Чемодан не забудь захватить, — напутствовал его монументалист.

— Чего-о? — прищурился Витяня.

— А того, — снова объяснил Гриша, — чтоб я его чисто случайно не зацементировал куда-нибудь.

В это же время, а дело шло к Рождеству, в мастерскую Мизрахи начал заходить тбилисский график Рафик Агаев, решивший поселиться в Вильямсбурге не столько из-за стремления жить в гуще русскоязычных художников, сколько из-за низких цен на квартиры в почти обезлюдившем районе. Узнав, что Витяня тоже подыскивает жилье, деловой Рафик тут же договорился с ним снять квартиру на двоих, и скоро они, как говорилось в начале этой истории, поселились во втором этаже трехэтажного дома на Уайт-стрит в одном коротком квартале от Бродвея. Из двух окон их просторной с низким потолком гостиной открывалась панорама манхэттенских небоскребов. Окна спален выходили на автостоянку, заставленную ржавыми остовами брошенных машин. Осенний ветер хлопал полуотворенной фанерной вывеской «Юзд карс, лоуэст прайсез ин таун», оставленной владельцем в подтверждение того, что и в этих местах ступала нога человека, способного на покупку пусть даже подержанного, но все же автомобиля.

Днем Рафик трудился слесарем в железнодорожном депо, зарабатывая горбом на хлеб и кров, а вечерами рисовал. По выходным он брал папку со своими работами и направлялся в обход по нью-йоркским галереям и издательствам, временами что-то сбывая и всякий раз шумно обмывая успех с соседями-художниками.

Его пример заставил Витяню отказаться от идеи получения пособия и предпринять попытку заработать на жизнь трудами рук своих. Он окончил Суриковский институт и работал на каком-то московском художественно-производственном комбинате, оформляя провинциальные дома культуры. Ничего другого делать он не умел и, главное, не хотел, будучи совершенно уверен в том, что талантлив и талант его прокормит. Он стал писать полотна, как он выражался, «музейного» размера, ни минуты не сомневаясь, что их тут же начнут покупать местные галереисты.

Стоит ли выяснять вопрос их художественной ценности? Личность Витяни как бы подталкивает человека, наблюдавшего за ним, к этому исследованию, но в контексте нью-йоркской жизни оно ни к чему бы не привело. В городе, где, по данным переписи 1990 года, 200 тысяч человек заявили, что они — художники, содержание их произведений, техника исполнения, сюжет и философская концепция не играют никакой роли. Если холст, выкрашенный малярным валиком в синий цвет, можно продать за 500 тысяч долларов, а полотно, изображающее в реалистической манере волхвов, поклоняющихся младенцу, можно продать только за 500 долларов, то художественная ценность первого полотна ровно на 499 500 долларов выше второго.

Было бы большим упрощением объяснять этот расклад отсутствием воспитания, образования, вкуса или

других положительных качеств у аудитории. Это можно объяснить лишь тем, что компания, рекламировавшая синее полотно, действовала более умело, чем компания, рекламировавшая полотно с библейским сюжетом. Поразительно, но ценность идей, которые продуцируют рекламщики, довлеет над ценностью идей, которые воплощают в жизнь художники. Прояви рекламисты реалистического искусства больше изобретательности, формализм был бы побежден.

Американский художественный рынок спасает лишь обилие и рекламистов, и художников, что позволяет сбывать всякую продукцию самой разной публике. Из чего следует, что и над ценностями художественными, и над ценностями рекламными довлеет удача. Если тебе повезет — тебя хорошо продадут и ты станешь богатым и знаменитым носителем глубоких философских ценностей и оригинальной художественной концепции.

Пусть кому-то кажется, что ничего этого нет в полотнах, выкрашенных малярными валиками, — критиков в Нью-Йорке так же много, как и школ, которые они представляют, и они легко найдут в любой работе все, чего вам там никогда не увидеть.

Но вернемся к Витяне. Витяня не повезло. Создав штук двадцать произведений «музейного размера» и не продав ни одного, он начал вспоминать, какой славной была его московская художественная молодость. Развалясь на кушетке и потягивая сигаретку, он повествовал:

— Помню, оформляли мы спорткомплекс под Фрунзе. Ребята делали скульптурную группу, а я — плафон. Как Микеланджело на лесах лежал. По 10—12 часов в день мантулил. Работа, помню, называлась «Спортивная подготовка будущих защитников Родины». Трибуна такая, значит, — рукой с сигаретой он набрасывал в воздухе эскиз воспоминания. — И на ней — группа офицеров разных родов войск. Летчик чуть привстал и аплодирует, значит. Моряк откинулся назад и смеется. Сухопутный — застыл в напряжении. На переднем плане — бегуны с препятствиями. 350 тысяч с чулчмексов сорвали. Я 15 штук получил. Машину поменял, «Жигуленок-восьмерку» взял, полгода только в кабаках хавал. А тут что — скоты бездуховные, разве их интересует искусство?

— Только при социализме, — продолжал вещать Витяня, — есть возможность воспитывать в народе духовность. Только при социализме художник имеет постоянную работу.

Многие из тех, перед кем выступал Витяня, перебрались в США еще в 70-х, и новоявленный апологет советского искусства, даже не самого искусства, а существовавшей при нем системы заработков, очень скоро стал раздражать их своими амбициями и претензиями. В это время Витяню переименовали в Витька. В квартиру на Уайт-стрит перестали заходить, а приглашая Рафика в гости, намекали, что его сожителя не ждут.

В поисках общения Витек снова повадился к Мизрахи и поджидал публику там. Мизрахи был бессилен противостоять этому. Дюжий, который быстро понял, что безработных и талантливых скульпторов в Америке так же много, как и колбасы, за которой они сюда приезжали из слаборазвитых стран, смирил гордость и по большей части помалкивал. Зато Витяня, снимавший квартиру за свои, воспрял.

— Вся твоя монументалка, — объяснял Витек скульптору, — полный буллшит. Суди сам. Ну, слепишь ты какую-нибудь подругу с веслом или жлоба с булыжником, что дальше?

— Ну, что дальше? — спрашивает присмиривший Гриша.

— А ничего! Если бы оно было меньших размеров, ты бы его какому-нибудь частнику вставил. Даже какая-нибудь галерея его могла бы купить и где-то в углу у себя пристроить. А монументалка — это чисто тупик. Эти глыбы только на площадях ставить. А там уже все забито.

— Что же делать? — спрашивал скульптор.

— А ты йогой займись. Йога, чтоб ты знал, это самая совершенная религия в мире. Это религия, которая приво-

дит человека к свету. Если человек станет перед твоей глыбой, он от этого лучше не станет. И ты от того, что вырubiшь ее из мрамора или отольешь из чугуна, лучше не станешь. Но если ты сядешь в лотос, закроешь глаза и будешь медленно считать до ста, то ты приблизишься к свету. Потому что йога — это свет. А твои каменные уроды — это буллит. И самое ужасное, что ты этим буллитом хочешь кого-то накормить.

Украинский скульптор подавленно молчал. Он уже расстался с привезенными с родной Киевщины иллюзиями, только что сдал на водительские права и усиленно искал в аренду такси. За полторы-две тысячи долларов, необходимых ему для того, чтобы снять свою квартиру и уйти от Мизрахи, он бы стал заниматься не то что индийской йогой, но даже черной гаитянской магией, позволяющей делать из живых людей зомби. За семь тысяч долларов, на которые можно было бы купить собственный лимузин, он, пожалуй, сам бы согласился стать зомби и больше не видеть растерянно улыбающегося Мизрахи, когда тот возвращается с полными сумками из соседнего продуктового магазина.

Витяня исправно платил свою долю квартплаты на протяжении двух месяцев, после чего у него с Рафиком произошел сильный разлад. В счете из телефонной компании значилось, что Витяня наговорил с Москвой на 340 долларов. Рафик, который получал 250 долларов за неделю каторжных трудов, сначала не поверил, что такое возможно, но Витяня подтвердил, что он действительно говорил с одним своим московским другом, который хочет, чтобы он отправил в Союз пять подержанных «Фордов-Эскорт».

— Если мне это только удастся, — сказал тогда Витяня, — так я в гробу видал их вельфэр.

— Слушай, а деньги у тебя на эти машины есть? — спросил практичный Рафик.

— Я найду, — заверил его Витяня.

Через месяц Витяня, так и не заплатив за первый счет, наговорил с Москвой еще долларов на двести, но платить снова не стал, и телефон на Уайт-стрит отключили. Рафику он сказал:

— На хрена тебе этот телефон? Только бабки платить.

— Ты что, Витяня! Ты понимаешь, что ты говоришь?! — ошалело спросил Рафик. — Я разношу, слушай, свою графику по десяткам галерей, я посылаю ее в журналы, в издательства, мне, слушай, могут позвонить в любую минуту, ты понимаешь?

— Да буллит твоя графика, — успокоил Рафика Витек, — лучше бы йогой занялся.

У бедного Рафика перехватило дыхание.

— Ну где я тебе возьму 500 долларов? — сказал Витек. — Даже 550, или сколько там...

— Какая мне разница, слушай! — закричал несчастный.

— Делай что хочешь, слушай! Что, это все, что я рассылал повсюду, это все — коту под хвост?! Они мне позвонят, а у меня отключили телефон, да?! У них миллион предложений, они скажут, а-а, Рафика нет дома — это его проблемы, давай следующего! Ты понимаешь, что ты сделал, ты — пацлэц!

— Скотина ты, — зло ответил Витяня. — Только о себе и думаешь.

С этого момента жизнь в квартире на Уайт-стрит, как перерезанное колесами поезда тело заплутающей на путях пьянчужки, полетела под откос. В феврале Витяня не смог внести свою долю квартплаты. Он стал появляться дома только в час-два ночи, чтобы не сталкиваться с Рафиком, и уходить до того, как тот возвращался с работы. На дверь своей комнаты он поставил замок, и, когда он был дома — когда нет, понять было невозможно.

Потом он стал таскать из холодильника продукты Рафика. Рафик, собрав свой скарб, бежал из Вильямсбурга на Брайтон-Бич, к тетке, которая обрушила на любимого племянника всю мощь смешанной кавказско-еврейской кухни, сказав, что если теперь Рафик захочет уехать в какой-нибудь свой Вильямсбург-шмильямсбург, так только

через их, тети Цили и дяди Адика, трупы.

Витянина жизнь на родине, между тем, все никак не налаживалась. Английский язык ему не давался, и весь его богатый лексический запас был ограничен словом «буллит», которым можно было называть абсолютно все, и манерно звучащим отрицанием «но», с которого можно было начинать любое предложение. Именно из-за этой скудости словаря Витяня так и не смог устроиться на работу.

Он пытался найти оставшуюся в США родную сестру матери, но узнал лишь, что лет тридцать назад она перебралась куда-то в Оклахому, где след ее потерялся.

Деньги кончились, и он стал посещать благотворительные столовые, выстаивая длинные очереди, состоящие по большей части из падших представителей смуглокожих меньшинств. Он улыбался этим грязным и небритым людям в рваной одежде, боясь и ненавидя их одновременно.

Дома он помногу сидел на серых, забывших о стирке простынях в позе лотоса, пытаясь отключиться от действительности, но действительность подступала, тянулась к горлу безжалостными своими железными пальцами.

Домовладелец, которому тоже не удалось поймать Витяню лично, отключил ему свет и передал через девушек-соседей, чтобы жилец убирался подобру-поздорову, пока его не вышвырнули из квартиры силой. Девушки передали, но Витяня, ничего не поняв и радуясь возможности общения, попросился на ужин. Девушки, которые уже несколько лет вели замкнутый друг на друге образ жизни, сказали: «Никаких ужинов после шести часов вечера» — и решительно закрыли дверь перед носом у никчемного мужика.

— Эх, вы, лесбиянки бесхолестерольные, — пожурил их Витяня и направился к Мизрахи.

Был вечер. На фоне оранжевого задника заката падал и рос ломаный график манхэттенских небоскребов. Пронизывающий ветерок гнал вниз по Бродвею обрывки бумаги, катил за ними вдолгую пустые пивные банки. Перед подъездом мастерской Мизрахи стоял желтый «Шевроле-каприс» — фантастически шикарный на фоне обшарпанных фасадов домов и допотопных колымаг, на которых передвигались остатки местного населения.

Витяня толкнул никогда не запиравшуюся дверь, и в его заострившийся от недоедания нос ударил с тяжеловесной боксерской мощью такой яростный, такой головокружительный дух наваристого украинского борща, что ноги его ослабели.

Румяный от смородинового «Абсолюта» скульптор справлял первую свою таксистскую получку. Такая же румяная Ирина споро летала от стола в центре мастерской к плите в дальнем ее конце, подавая кормильцу в нарезанном и приукрашенном виде все, что тот смог загрузить в почти бездонный багажник своего лимузина с витрин брайтонского «Интернешнела». Здесь были колбасы сухие, бекон канадский и мясо, запеченное с чесноком; здесь был сыр российский, голландский и остропахнувший швейцарский, у которого дыр было больше, чем съедобной сырной плоти; была икра всех цветов; были племейские бычки в томате и аристократический лосось; были сельдь дунайская и скумбрия литая, бронзовокожая, горячие копчения; были соленые огурчики с пупыршками, грибки маринованные, капуста соленая и яблоки моченые. И был упоминавшийся ранее борщ, и было много водки. Одним словом, было все, что скульптор первоначально мечтал купить на деньги, вырученные от продажи своих монументальных произведений, но, как выяснилось позже, было значительно проще купить, вертя баранку желтого «Шевроле».

— Витек, — воскликнул скульптор, который в этот вечер рад был поделиться своим счастьем со всяким, кто еще месяц назад считал его достойным своей жалости. — Проходи, Витек!

Мизрахи, стоявший у стола — туго набитый изысканными яствами живот не позволял ему сесть, — улыбался.

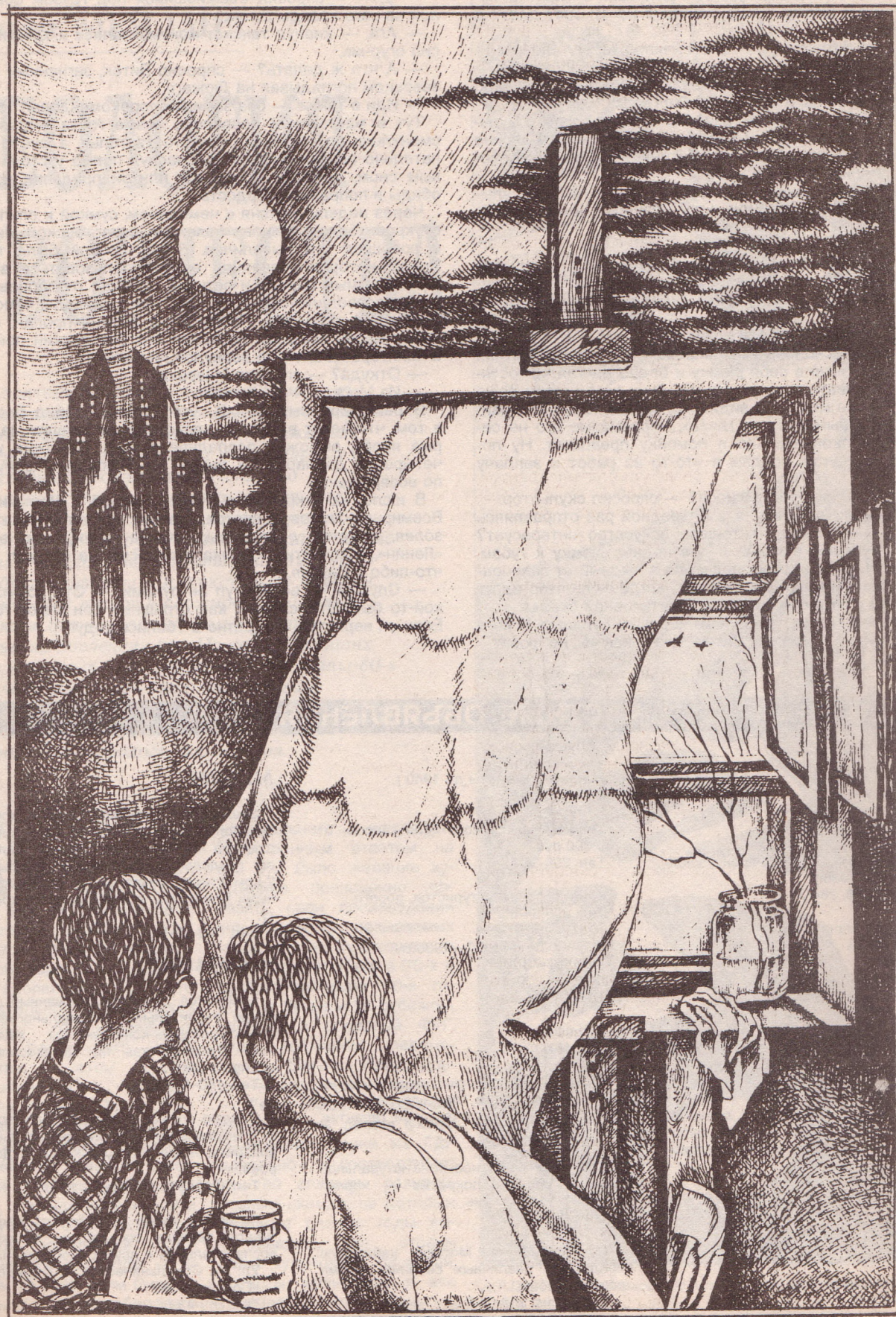

Рис. В. Фроловой

— Ну, сидай, — сказал добрый донельзя скульптор, наполняя Витяне рюмку. — Ну, как твоя йога? Свет дает? В конце тоннеля, а?

— Да дает потихоньку, — застенчиво отвечал Витяня.

— А шо ж ты так схуд? — поинтересовался скульптор. — Чи света одного мало? Ну, давай, как говорится, чтоб нам елось и пилось, и хотелось, и могло!

Выпив и заев селедкой, взялись за разносолы. Скульптор ел громко и с таким наслаждением, с каким можно есть только в счастливом сне. Витяня, осмелев от «Абсолюта», торопливо нагонял хозяев.

— Ван Гога вспомнил, — сказал Мизрахи, любовно улыбаясь едокам. — Картофель есть, ну и еще немножко того-сего.

Он засмеялся.

— А я, — сказал украинский скульптор, окидывая взглядом могучий стол, — вспоминаю Рубенса.

Через минуту-другую Мизрахи вкрадчиво спросил Витяню:

— Ну, что хозяин? Не выселяет пока?

— Хозяин — сволочь американская, — ответил Витяня и, снова опрокинув в себя рюмку и бодро двигая челюстями, стал развивать тему. — Ну кто бы у него в этом доме еще жил, кроме меня? Ну видит же, собака такая, что район буквально вымирает на глазах, черномазые его не сегодня-завтра окончательно в помойку превратят. Ну потерпи месяц-другой, продам я что-то из работ и заплачу тебе.

— А шо, есть интересующиеся? — спросил скульптор.

— Ищу, — сказал Витяня, в очередной раз отправляясь за водкой. — Их что, настоящее искусство интересует? Покупают буллит всякий... — он поднес рюмку к губам, занес локоть, и водка уже полетела в жирный от запеченного с чесноком мяса Витянин рот, когда скульптор вдруг ни с того ни с сего с чувством и расстановкой сказал:

— А по мне, Витек, так ты сам хороший буллит! И йога твоя — буллит. Америка, Витек, таких, как ты, не любит.

— Да? — спросил съездивший под грузом обрушенной на него правды Витек.

— Ага, — кивнул таксист-монументалист и хрустко укусил огурчик.

— А что ж делать? — спросил Витек, загнанным в угол зверьком поглядывая на Дюжего.

— Иди в такси! — без заминки порекомендовал тот.

Тут в мастерской появились новые гости, напряжение сменилось шумом многолюдного застолья, а скоро окончательно опьяневший Витяня заснул прямо у стола мертвым сном, который могильной плитой придавил все его обиды и попанную гордость.

Через неделю Витяня с чемоданом, сумкой и слипшейся от крови бородой снова появился в мастерской Мизрахи и сообщил, что выселился. В мастерской была только Ирина, которая позволила ему воспользоваться ванной, где он вымыл бороду и остудил горящее от побоев лицо, но не позволила остаться. Она уже собирала чемоданы, готовясь к переезду. После этого Витяня пропал, а еще через месяц Мизрахи позвонил его бостонский приятель и поинтересовался, не вернулся ли Витяня?

— Откуда? — спросил Мизрахи.

— Из Москвы — был ответ.

В разговоре выяснилось, что Витяня уверил бостонца в том, что везет в Москву несколько автомашин, за которые якобы выложил последние деньги. Одолжив у него четыреста долларов на билет, он пообещал вернуть их по возвращении.

В июле, на открытии выставки Комара и Меламида во Всемирном торговом центре, где они показали макет мавзолея, кажется, с надписью «Касса Аэрофлота» вместо «Ленин», я встретил Рафика и спросил, не слышал ли он что-либо о Витяне.

— Слушай! — всплеснул он руками. — Это кошмар какой-то был! Это, слушай, как страшный сон какой-то был! Если он вернется, я обратно в Тбилиси уеду!

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

ПРЕДЛАГАЮ

Любые решетки на окна.
Тел. 335-04-54.

Отдых: Испания, Париж, Французские Альпы (горные лыжи).
Тел.: 284-32-66, 284-31-91.

Щенки добермана.
Тел. 444-37-63.

Перетяжка мягкой мебели.
Тел. 257-91-33, с 16.00 до 22.00.

Любителям дорогих развлечений и острых ощущений — прыжки с парашютом.

Тел.: 272-20-38, 490-60-10.

Психотерапевт, кандидат психологических наук. Консультации по проблемам личной жизни, снятие эмоциональных стрессов.

Тел. 427-32-48.

КУПЛЮ

Довоенные книги.
Тел. 306-40-19.

Журналы, плакаты до 1940 г.
Тел. 256-34-65.

Книгу В.Маяковского «Для голоса» от 150 000 руб.
Тел. 256-34-65.

Книги русских футуристов, дорогого.
Тел. 256-34-65.

Фотоальбомы 1920—1930 гг.
Тел. 337-72-21.

ПРОДАЮ

Herbalife.
Тел. 187-13-47.

Часы «Cardi—Vostok», механические, водонепроницаемые, противоударные, с кожаным ремешком, в футляре, гарантия.
Тел. 187-13-47.

Спальный мешок, новый, на натуральной цигейке, верхнее покрытие — черная непромокаемая ткань.
Тел. 283-71-15.

Со склада в Москве кабельную продукцию различных сечений. Форма оплаты любая.
Тел./факс: 309-04-91.

МЕНЯЮ

3-комнатную квартиру, 39 кв. м, комнаты изолированные, кухня 6 кв. м, рядом с метро «Новогиреево», паркет, балкон, с/у раздельный, встроенные шкафы, на 2-комнатную квартиру с изолированными комнатами вблизи метро и комнату.

Тел. 303-67-13.

ВНИМАНИЕ

Требуются квалифицированные рабочие строительных специальностей и проектировщики-конструкторы жилищного строительства на высокооплачиваемую работу.

Тел. 180-40-31.

Создаю службу знакомств для людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Живу в Подмоскovie, в Дмитрове.

Тел. (222) 312-05, Ольга.

Лазерный центр предлагает эффективное лечение сосудистых, легочных, воспалительных и других заболеваний.

Ул. 1-я Сокольническая, д. 8 (рядом с м. «Сокольники»)
Тел. 269-43-54.

Вильям МЕЙЛАНД

ГЕОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

Наш зритель не знает, кто такой Пенк и из чего сделано его искусство. Более того, у меня есть основания предполагать, что даже если выставить несколько самых значительных и характерных произведений Пенка, то большинство здешних любителей изящных искусств, в том числе апологетов «крутого авангарда», среагируют на них в лучшем случае как на очередной молодежный эпатаж. Благо подобных «знаковых» и «текстовых» полотен, графических листов и сложносоставленных объектов было много на самых разных выставках последних лет. Но то, что у наших доморощенных бунтарей второй половины 80-х — начала 90-х годов было фрагментом, случайностью или элементарным журнальным плагиатом, у самого Пенка складывалось органично и строилось как система.

Живя до 1980 года в Дрездене на территории бывшей ГДР, Ральф Винклер, еще не взявший себе псевдоним А.Р.Пенк, испытал все прелести поднадзорного творчества, за каждым проявлением которого внимательно наблюдали красные от напряжения глаза бдительного государства. В этом смысле человеческая и художническая судьба Пенка полностью сопоставима с судьбами многих советских художников разных поколений. Запрещенные картины, закрывающиеся, так и не успев открыться, выставки, постоянный идеологический контроль — и рядом со всем этим существование уважаемого

официального искусства. Естественным ответом на все это было желание художника полноценно показать свои произведения сначала на так называемых «квартирных» выставках (в точности как у нас в 70-х и первой половине 80-х годов), а затем и за рубежом, начиная с соседней ФРГ, куда постоянно перемещались близкие Пенку друзья — художники и артисты — Георг Базелитц, Вольф Бирман и так далее. Схема вытеснения Пенка из ГДР идеально соответствует тем не слишком разнообразным схемам, по которым в самые разные годы выталкивались из страны наши художники, писатели, артисты, музыканты и все творческие люди. Природа

А.Р.Пенк на своей выставке с галеристом Бригитте Шенк Кельн. 1993 г.

тоталитаризма едина и не балует своих поднадзорных граждан разнообразием.

Что же не устраивало и постоянно раздражало отцов соцкультуры в творчестве Пенка и что лежит в основе его искусства, привлекая к этому большому мастеру знатоков и художников Запада? Ответить на первую половину вопроса нетрудно. Пенк сам однажды четко сформулировал мнение своих просвещенных гонителей из социалистического рая: «Такое способен делать только дурак или сумасшедший, из которого может вырасти враг государства». Однако не нужно в связи с этим делать вывод, что на Западе Пенка оценили прежде всего как «врага государства», то есть как политического борца.

Главный секрет привлекательности искусства Пенка заключается в его абсолютной внутренней свободе, помогающей ему преодолевать инерцию любой стилистической одноколейности. Драгоценна открытость Пенка миру и всем его живым влияниям, в том числе и влияниям искусства. Так, например, в разные годы очень важную роль в процессе его становления играли такие мастера XX века, как Пикассо, а затем Бойс и Уорхол. Подлинную же революцию в этом процессе саморазвития художника произвело знакомство с «пещерной живописью» и трудами исследователя ледникового периода А.Р.Пенка, чье имя художник сделал своим псевдонимом. Он явно хотел подчеркнуть сходство своей работы или, точнее сказать, своего метода с исследованием геологических пластов, с докапыванием до истины, до первоисточников искусства и существа самой жизни.

Читая высказывания художника о разных периодах творчества, невольно ловишь себя на мысли о характерной немецкой тео-

ретичности, которая как бы предопределяет те или иные направления развития искусства Пенка. На самом деле такого прямого иссушающего воздействия теории на художественную практику не существует, и все, что делает Пенк, вполне соответствует известным словам Гете: «Теория, мой друг, сера, но зелено вечно дерево жизни». Суть в том, что теории и пространные размышления Пенка не равновелики его творениям. Они лишь подобны самодельным ориентирам на его пути. Впечатление такое, что все свои названия и термины — «картины мира», «стандарты», «бедное искусство», «супер-ахтфильмы» и так далее — он находит после их открытия в живом потоке современности. Он сначала реагирует на происходящее с ним и лишь потом подверстывает к случившемуся подходящую теоретическую базу. В частности, построение основополагающей теории «стандартов» потому и состоялось, что художник искал опору для сочетания абстрактной ясности и фактического материала. Сигналы, знаки, символы, положения тел примитивных человечков, тексты и отдельные буквы — все работает в его произведениях не как банальный «информационный шум», а как современная «конкретная музыка». Подобная музыкальность творчества как бы предопределяет свободу истолкования. «Стандарт» только тогда картина, — пишет Пенк, — когда каждый ее может воспринять и имитировать». При этом художник подчеркивает, что грани между профессионалом и дилетантом могут в случае такой имитации стираться, и тут же лукаво замечает: «Дорогие дети, девушка, юноша, попробуйте, что вы можете сделать с куском мела...» Но росчерки, кресты, круги и штрихи дилетантов таковыми и остаю-

тся. Пенк же превращает простейшие движения мела, кисти или карандаша в огромные или малые «картины мира», в композиции, где все элементы складываются в нечто, напоминающее восточные ковры. Это сравнение, разумеется, не случайно, так как ковровые орнаменты, абстрактные символы и их устойчивые сочетания восходят к тем же древнейшим первоисточникам, что и «стандарты» Пенка. Наивная архаика и веселая детскость его рисунков и живописных полотен сделаны изощренной рукой художника XX века, и тут не нужно тешить себя иллюзиями, что подобное «простое как мычание» искусство легко имитировать. Отдельные его элементы и составляющие, может быть, и поддаются такой имитации, но целое доступно только самому мастеру, поскольку уникально именно это живое целое и конкретная человеческая жизнь, которую художник отважно переплавляет в искусство.

Вспоминая свое раннее детство, совпавшее с последними годами второй мировой войны, Пенк писал, что «сначала был конец». При этом он имел в виду и страшные картины горящего Дрездена, и пустынные пространства разобраных от завалов улиц и площадей, и всю ту послевоенную реальность, которая навсегда осталась в его памяти. Банальное натуралистичное воспроизведение материального мира для него изначально не имело смысла. Он с детства убедился, что зримая материя непрочно, что более или менее вечны знаки и символы этой материи, что эти-то знаки и есть язык, на котором художник может полностью объясниться с себе подобными. Пенк воспитал в себе «тишину созерцания» и последовательно шел в своем творчестве «от краски к форме, от настроения к образу, от чувства к системе, от фан-

тазии к реальности, от расслабленности к напряжению». В 10 лет он начал рисовать, в 11—12 захотел быть скульптором и в зрелые годы вернулся к этому вызревшему желанию. Современный зритель, знающий историю искусства XX века, не делит, например, на отдельные несоединимые части творчество Пикассо, воплощавшего свои идеи в живописи, графике, скульптуре и керамике. Такую же цельность восприятия гарантирует по отношению к себе и искусству Пенка. Разъединенное по музеям и выставочным залам, оно несет в каждом творении центростремительное начало, превращая даже малый скульптурный объем в своеобразный центр мироздания. Концентрация энергии сочетается в произведениях Пенка с каким-то неистовым, вулканическим ее извержением. Он словно выплескивает на свои то аскетически черно-белые, то избыточно пестрящие красками многометровые холсты бесконечный мир абстрактных и фигуративных символов и знаков. И тут же рядом с живописными и графическими гигантами мирно сосуществует его же тихая и традиционная графика. Детски наивные рисунки и нежные расплывы акварели или гуаши уведут нас из мира площадных политических страстей и агрессивных визуальных знаков в совершенно иной сокровенный мир естественных человеческих переживаний. И постепенно, просматривая эти рисунки, понимаешь, что перед тобой не древние универсальные знаки любви и музыки, а сама любовь и музыка, воспроизведенная твоим современником — жизнерадостным и свободным художником Ральфом Винклером, пожелавшим именоваться А.Р. Пенком.

А.Р. ПЕНК. Акт. 1992

А.Р. ПЕНК
Без названия. 1992

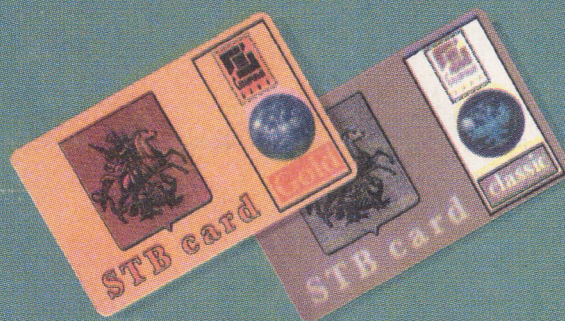

А.Р. ПЕНК. Ленин и Сталин. 1992

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК